

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОЛЬЯТТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Корчагина Кристина Александровна

**Правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры в уголовном
судопроизводстве**

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
юридических наук

Научный руководитель: доктор юридических наук, доцент
Вершинина Светлана Ивановна

Тольятти - 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. Понятие уголовно-процессуальной правосубъектности и способы ее приобретения	17
1.1. Понятие правосубъектности в общей теории права и уголовно-процессуальной науке.....	17
1.2. Приобретение правосубъектности участниками уголовного судопроизводства	30
1.3. Приобретение правосубъектности должностными лицами органов прокуратуры	46
1.4. Взаимообусловленность должностного статуса прокурорских работников и их правосубъектности в уголовном судопроизводстве	65
Глава 2. Правосубъектность прокурора в уголовном судопроизводстве	85
2.1. Правовая природа, структура и содержание правосубъектности прокурора	85
2.2. Полномочия прокурора по осуществлению надзора за органами предварительного расследования.....	97
2.3. Полномочия прокурора по уголовному преследованию и защите установленного правопорядка	118
Глава 3. Уголовно-процессуальная правосубъектность иных должностных лиц органов прокуратуры.....	142
3.1. Уголовно-процессуальная правосубъектность государственного обвинителя	142
3.2. Уголовно-процессуальная правосубъектность представителя прокурора	156
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	171
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	175
Приложение 1	203
Приложение 2	207

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Организация российского уголовного судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (ч.3 ст.123 Конституции РФ) выводит на первый план обязанность государства по обеспечению законного и обоснованного уголовного преследования (обвинения) лиц, совершивших преступления. Согласно Конституции РФ (ст.129) и Федерального закона «О прокуратуре РФ» (далее – ФЗ о прокуратуре) на органы прокуратуры возложен надзор, в том числе за исполнением законов органами предварительного расследования (ч.1 ст.30 ФЗ о прокуратуре), а также уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства (абзац 7 ч.2 ст.1 ФЗ о прокуратуре). В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) к осуществлению уголовного преследования наряду с прокурором привлекаются и другие участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения (п.55 ст.5 УПК РФ).

Хотя с 1 июля 2020 года функции прокуратуры РФ по надзору и уголовному преследованию получили конституционно-правовое закрепление, качество законодательной регламентации полномочий прокурора и иных должностных лиц органов прокуратуры в уголовном процессе до сих пор не позволяет полно и точно определить их место и роль в системе участников судопроизводства (субъектов уголовно-процессуального права) и обозначить содержание и границы их правосубъектности по осуществлению возложенных функций.

Первая проблема вызвана тем, что участниками уголовного судопроизводства выступают не органы прокуратуры, а их должностные лица – прокуроры и подчиненные им прокурорские работники, обладающие различным должностным статусом и, как следствие, разной по объему и содержанию правосубъектностью в уголовном судопроизводстве. Но несмотря на указанные различия все прокурорские работники в уголовном

судопроизводстве выступают как участники со стороны обвинения, что не всегда согласуется с целями их деятельности. Если прокурор, поддерживающий обвинение в судебном разбирательстве, действительно обеспечивает интересы стороны обвинения, то прокурор, осуществляющий надзор за органом предварительного расследования либо участвующий в судебном заседании, рассматривающем ходатайство органа расследования о применении меры пресечения, преследует явно не обвинительные цели.

Следующая проблема вызвана отсутствием в УПК РФ законодательного размежевания процессуальных функций прокурора, что не позволяет очертить границы правосубъектности прокурора как надзирающего субъекта и как субъекта, осуществляющего уголовное преследование. Хотя обе функции реализуется на основе государственно-властного статуса прокурора, содержание, цели и объем каждой из них принципиально различны: осуществляя надзор, прокурор оценивает законность уголовно-процессуальной деятельности поднадзорных органов можно сказать «со стороны», не подменяя и не вмешиваясь в деятельность поднадзорного субъекта (ч.2 ст.26 ФЗ о прокуратуре); а осуществляя уголовное преследование, прокурор совместно с поднадзорным субъектом – органом расследования, а также с другими участниками стороны обвинения обеспечивает достижение целей обвинения.

Не менее сложно обозначить полномочия прокурора и в осуществлении уголовного преследования, т.к. по действующему законодательству уголовное преследование понимается как изобличение лица в совершении преступления (п.55 ст.5 УПК РФ). Проблема в том, что в досудебном производстве прокурор не выполняет каких-либо поисковых или познавательных действий, направленных на изобличение лица; а в судебном производстве уголовное преследование в форме поддержания государственного обвинения обеспечивает не прокурор, обладающий государственно-властным статусом, а государственный обвинитель, действующий в условиях состязательности и равноправия с участниками стороны защиты.

Остается без правового регулирования в уголовном судопроизводстве еще одна часть полномочий должностных лиц органов прокуратуры, связанная с их участием в судебных заседаниях досудебного производства, а также в судебных заседаниях, проводимых после вступления приговора в законную силу. Участие прокурорских работников в обозначенных судебных заседаниях выходит за рамки возложенных на органы прокуратуры функций надзора и уголовного преследования и обуславливает необходимость исследования данного направления их деятельности.

Указанные проблемы в регулировании правового статуса должностных лиц органов прокуратуры, действующих в уголовном судопроизводстве, есть следствие неопределенности в понимании их роли и значения как субъектов уголовно-процессуального права, обладающих соответствующим правовым статусом и производной от него правосубъектностью. Рассмотрение должностных лиц органов прокуратуры в фокусе уголовно-процессуальной правосубъектности позволяет обозначить количество участников уголовного судопроизводства от органов прокуратуры; определить порядок и способы получения ими правосубъектности; выявить связь прокурорского работника с возможными уголовно-процессуальными статусами и обозначить периоды деятельности в уголовном процессе; увидеть различия в целях, полномочиях и формах деятельности должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве.

Изложенное подтверждает актуальность темы исследования и ее практическую значимость.

Степень научной разработанности темы. Вопросы организации деятельности прокурора и прокурорских работников в уголовном процессе всегда были в центре внимания уголовно-процессуальной науки. Начиная с известной работы Н.В. Муравьева «Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности» 1889 г. и до настоящего времени ученые уделяют значительное внимание различным аспектам организации и деятельности прокурора в досудебном и судебном производстве. Наибольший вклад в этом направлении

внесли А.И. Алексеев, В.Г. Бессарабов, С.Г. Березовская, А.Ю. Винокуров, В.В. Долежан, В.Б. Евдокимов, Н.А. Игонина, В.Ф. Крюков, В.И. Рохлин, В.П. Рябцев, В.Ю. Шобухин, А.Г. Халиуллин и др.

Вопросы определения правосубъектности, субъектов права и участников правоотношений исследовались на теоретико-правовом и отраслевом уровне С.С. Алексеевым, Н.В. Витрук, П.П. Востриковым, А.В. Диваевым, О.С. Иоффе, Л.Б. Зусь, О.А. Красавчиковым, Н.С. Малеиным, А.М. Малько, Н.И. Матузовым, А.В. Мицкевич, В.С. Нерсисянц, Т.Я. Хабриевой, Р.О. Халфиной, А.Ф. Шебановым, Г.Ф. Шершеневичем, И.Л. Честновым, В.В. Эмих и другими учеными. В уголовно-процессуальной науке проблемам правового статуса и правосубъектности посвящены труды Е.К. Антонович, А.С. Бахта, М.М. Выдря, О.А. Зелениной, Л.Д. Кокорева, О.Ю. Кузнецова, В.А. Лазаревой, М.С. Строговича, А.А. Тарасова, А.С. Таран, В.М. Шпилева и др.

В уголовно-процессуальной науке проблемы реализации прокурором полномочий по осуществлению функций уголовного преследования и надзора исследовали Р.А. Алиев, К.И. Амирбеков, Г.Г. Анисимов, Н.Н. Апостолова, У.Н. Ахмедов, С.В. Бажанов, Н.В. Буланова, О.Л. Васильев, Б.Я. Гаврилов, А.И. Гальченко, С.М. Даровских, Ю.В. Деришев, И.С. Дикарев, В.В. Дорошков, Е.Р. Ергашев, Р.В. Жубрин, О.Д. Жук, К.В. Камчатов, А.С. Каплунов, К.А. Кашаев, Н.Н. Ковтун, П.А. Кукса, Н.С. Манова, Н.Ю. Решетова, Т.К. Рябикина, К.А. Савельев, Ю.П. Синельщиков, С.В. Супрун, Л.Г. Татьяна, А.А. Тимошенко, В.В. Трухачев, А.А. Тушев, Н.Н. Федяков, А.Г. Халиулин, А.Ю. Чурикова, С.А. Шейфер, С.П. Щерба, В.Б. Ястребов и другие.

Проблемам правового статуса прокурора в уголовном процессе посвящены диссертационные исследования В.Ф. Крюкова «Правовой статус прокурора в уголовном преследовании (досудебное и судебное производство)» (2012 г.) а также кандидатские диссертации Д.И. Ережипалиева (2013 г.), А.В. Чубыкина (2014 г.), А.Д. Пестова (2016 г.),

С.А. Никанорова (2017 г.), Я.А. Климовой (2017 г.). Функции прокурора стали предметом рассмотрения кандидатских диссертаций Б.А. Тугутова (2014 г.); Ш.М. Абдул-Кадырова (2015 г.); К.А. Таболиной (2016 г.); Д.А. Сычева (2016 г.), Н.Н. Борозенец (2016 г.) и других.

Наибольшее внимание на диссертационном уровне уделялось участию прокурора в досудебном производстве. За последние годы защитилось значительное количество кандидатских диссертаций, посвященных различным аспектам деятельности прокурора в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Например, Е.Н. Гринюк (2018 г.); К.А. Рыгалова (2019 г.); Е.В. Коломеец (2019 г.); А.В. Ларина (2019 г.), Д.В. Потапов (2019 г.), А.Ю. Синдеев (2021 г.). Отдельно отметим докторское исследование О.В. Левченко «Уголовно-процессуальная деятельность прокурора в досудебном производстве по уголовному делу», защищенная в 2024 году.

Эти и другие научные работы безусловно внесли весомый вклад в развитие теории и практики прокурорской деятельности в уголовном судопроизводстве. Однако в проведенных исследованиях если и рассматривалась уголовно-процессуальная правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры, полученные результаты имели частный, фрагментарный характер и не раскрывали системных связей между правовым статусом должностных лиц органов прокуратуры, их правосубъектностью и участием в уголовном судопроизводстве.

Объект и предмет диссертационного исследования. Объектом диссертационного исследования является совокупность общественных отношений, возникающих в связи с участием должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве. Предмет исследования составляют факты деятельности должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве, нормативные положения конституционного, прокурорского, уголовно-процессуального и иного российского законодательства, регламентирующие организацию и деятельность

прокуратуры РФ и определяющие правовой статус должностных лиц органов прокуратуры РФ и их полномочия в сфере уголовного судопроизводства, ведомственные нормативные правовые акты органов прокуратуры РФ, судебная практика высших судебных органов и решения федеральных судов, имеющие отношение к исследуемым вопросам.

Цель диссертационного исследования состоит в разработке и обосновании положений, раскрывающих теоретические и нормативно-правовые основания правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

- 1) провести анализ понятия правосубъектности в общей теории права и уголовно-процессуальной науке; выявить соотношение правосубъектности с понятиями – субъект права, правоспособность, дееспособность, правовой статус;
- 2) выявить способы приобретения уголовно-процессуальной правосубъектности участниками уголовного судопроизводства, в том числе должностными лицами органов прокуратуры;
- 3) раскрыть соотношение должностных статусов прокурорских работников и их правосубъектности в уголовном судопроизводстве;
- 4) определить правовую природу, структуру и содержание правосубъектности прокурора как участника уголовного судопроизводства;
- 5) проанализировать и сгруппировать полномочия прокурора по надзору за деятельностью органов предварительного расследования;
- 6) проанализировать и сгруппировать полномочия прокурора по осуществлению уголовного преследования в досудебном и судебном производстве;
- 7) проанализировать уголовно-процессуальную правосубъектность государственного обвинителя; обозначить пробелы в уголовно-процессуальном статусе государственного обвинителя;

8) обосновать необходимость введения нового участника от органов прокуратуры «представителя прокурора»; обозначить его уголовно-процессуальную правосубъектность.

Методологическая основа диссертации представлена сочетанием общенаучных и частно-научных методов исследования. В основе диссертационного исследования лежит общетеоретическая концепция правосубъектности, доработанная автором и примененная в целях исследования. Использование системного подхода, анализа, синтеза и правового моделирования позволило применить общую концепцию уголовно-процессуальной правосубъектности к правовым явлениям и процессам, возникающим в связи с участием прокурорских работников в уголовном судопроизводстве и выявить ряд закономерностей, не учитываемых действующим законодательством. В процессе исследования также использовались социологические методы сбора и обработки информации – анализ судебных документов, изучение материалов уголовных дел, проведение анкетирования практических работников.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составляет правоприменительная практика органов прокуратуры Российской Федерации, а также судебные решения по уголовным делам, вынесенные на различных стадиях уголовного судопроизводства. В исследовании использованы статистические данные о работе органов прокуратуры, представленные на официальных сайтах Генеральной прокуратуры РФ, Верховного Суда РФ, официальном сайте Судебной статистики РФ и других источниках официальной информации. Эмпирическую основу составили материалы 187 уголовных дел и надзорных производств, что позволило оценить практическую реализацию функций прокурора на разных стадиях уголовного процесса. Анализ судебной практики, а также наблюдения за деятельностью должностных лиц органов прокуратуры в конкретных правоприменительных ситуациях способствовали получению репрезентативных данных для выработки научных выводов. Кроме того, по специально разработанным

анкетам опрошено 124 должностных лица органов прокуратуры, 32 сотрудника Следственного комитета и 85 адвокатов.

Научная новизна проведенного исследования выражается в том, что впервые на диссертационном уровне системно проанализированы роль, место и полномочия прокурора и других прокурорских работников в уголовном судопроизводстве в аспекте их уголовно-процессуальной правосубъектности. Впервые обосновано, что надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования по своей правовой природе не является уголовно-процессуальной деятельностью, а представляет собой самостоятельный вид государственно-властной деятельности. Доказана необходимость выделения отдельной функции прокурора в уголовном судопроизводстве – защиты установленного правопорядка (правозащитной функции), содержание которой составляют полномочия прокурора в досудебном и судебном производстве, не связанные с надзором или уголовным преследованием. В связи с выделением правозащитной функции аргументирована необходимость включения в перечень участников уголовного судопроизводства нового субъекта - представителя прокурора, в статусе которого должностные лица органов прокуратуры по поручению прокурора участвуют в судебных заседаниях в досудебном производстве и после вступления приговора в законную силу.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Уголовно-процессуальная правосубъектность – это сущностное свойство субъекта права, приобретаемое им в результате получения уголовно-процессуального статуса с процессуальной право- и дееспособностью и свидетельствующее о готовности субъекта вступать в уголовно-процессуальные отношения для реализации прав и обязанностей (исполнения полномочий). Порядок приобретения правосубъектности участниками уголовного судопроизводства обусловлен его начальным правовым статусом:

1) вовлеченные участники (частные лица) приобретают процессуальную правосубъектность решением должностного лица

одномоментно с получением статуса субъекта уголовно-процессуального права;

2) должностные лица, участвующие в уголовном судопроизводстве на профессиональной основе, приобретают уголовно-процессуальную правосубъектность поэтапно: первоначально вне уголовного процесса лицо получает должностной статус и через определенный период времени при появлении процессуального основания приобретает уголовно-процессуальную правосубъектность.

2. Правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве обусловлена замещаемой ими должностью в органах прокуратуры, а именно:

1) прокурор как руководитель органа прокуратуры вступает в отношения с участниками уголовного судопроизводства на основании своей *должностной правосубъектности* без получения уголовно-процессуального статуса;

2) иные прокурорские работники для участия в уголовно-процессуальных отношениях должны получить уголовно-процессуальный статус участника уголовного судопроизводства и соответствующую ему уголовно-процессуальную правосубъектность.

3. Содержание должностной правосубъектности прокурора как руководителя органа прокуратуры составляют две группы полномочий, обусловленных реализуемыми им функциями:

1) надзорные полномочия, обеспечивающие единообразное и неукоснительное соблюдение поднадзорными субъектами Конституции РФ и исполнение федерального законодательства (универсальные внепроцессуальные полномочия);

2) уголовно-процессуальные полномочия, обеспечивающие достижение целей досудебного и судебного уголовного судопроизводства (процессуальные полномочия прокурора).

4. Универсальные внепроцессуальные полномочия прокурора по надзору за деятельностью органов предварительного расследования осуществляются им в целях соблюдения органами предварительного расследования Конституции РФ и федерального законодательства и представляют собой оценку законности уголовно-процессуальных решений поднадзорных субъектов без вмешательства в их оперативную (уголовно-процессуальную) деятельность (ч.2 ст.26 ФЗ о прокуратуре). Единство целей и принципов осуществления различных видов прокурорского надзора, установленных Федеральным законом «О прокуратуре РФ» раскрывает универсальный надотраслевой характер надзорной деятельности и исключает рассмотрение надзора прокурора за органами предварительного расследования в качестве отдельного вида отраслевой уголовно-процессуальной деятельности, направленной на достижение целей уголовного судопроизводства. Соответственно предмет и полномочия прокурора по надзору за деятельностью органов предварительного расследования должны получить закрепление не в УПК РФ, а в Федеральном законе «О прокуратуре РФ».

5. Уголовно-процессуальные полномочия прокурора как руководителя органа прокуратуры обеспечивают осуществление двух его уголовно-процессуальных функций:

- 1) функции уголовного преследования (обвинения),
- 2) функции защиты установленного правопорядка (правозащитной функция).

Функция уголовного преследования (обвинения) осуществляется прокурором посредством использования различных по характеру, содержанию и направленности уголовно-процессуальных полномочий в досудебном и судебном производстве и обеспечивает законное, обоснованное и справедливое применение мер уголовной ответственности, а именно: в досудебном производстве прокурор инициирует рассмотрение вопроса о начале уголовного преследования и формирует государственное обвинение

для судебного рассмотрения; в судебном производстве поддерживает государственное обвинение, обеспечивая назначение виновным справедливого наказания.

Правозащитная функция осуществляется прокурором в целях соблюдения участниками судебных заседаний установленного порядка судопроизводства посредством использования полномочий по участию в судебных заседаниях в досудебном производстве либо в судебных заседаниях, проводимых после вступления судебного решения в законную силу.

6. Уголовно-процессуальные полномочия прокурора, в зависимости от возможности делегирования их подчиненным работникам, следует классифицировать на две группы:

- 1) *исключительные* – осуществляемые только прокурором, без права передачи подчиненным работникам; их содержание составляют полномочия по формированию (утверждению) государственного обвинения;
- 2) *делеглируемые* – это полномочия, которые прокурор может передавать подчиненным прокурорским работникам; их содержание составляют полномочия на участие в судебных заседаниях по рассмотрению уголовного дела по существу или в иных судебных заседаниях.

7. Должностная правосубъектность других прокурорских работников недостаточна для их участия в уголовно-процессуальных правоотношениях, в связи с чем они получают уголовно-процессуальный статус посредством делегирования прокурором части своих полномочий. При делегировании прокурором полномочий по участию в судебном разбирательстве уголовного дела, должностное лицо органа прокуратуры получает уголовно-процессуальный статус государственного обвинителя. При делегировании прокурором полномочий по участию в иных судебных заседаниях, не связанных с осуществлением уголовного преследования, должностное лицо органа прокуратуры действует в статусе прокурора, что

допускает полисемию понятия «прокурор»: в одном значении под прокурором понимаются руководители органов прокуратуры (ч.5 ст.37 УПК РФ), в другом – руководители и иные должностные лица органов прокуратуры, участвующие в уголовном судопроизводстве (п.31 ст.5 УПК РФ). Устраняя допущенную УПК РФ полисемию понятия «прокурор», предлагаем закрепить нового участника уголовного судопроизводства от органов прокуратуры - представителя прокурора, под которым следует понимать должностное лицо органа прокуратуры, участвующее по поручению прокурора в судебных заседаниях, проводимых в досудебном производстве либо после вступления приговора в законную силу в целях обеспечения установленного порядка уголовного судопроизводства.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования. Теоретическое значение подтверждается результатами исследования, которые вносят существенный вклад в теорию уголовно-процессуального права и могут составить научную основу для совершенствования правового регулирования статуса должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве, в том числе для определения места и роли прокурора, государственного обвинителя и представителя прокурора в системе участников досудебного и судебного производства по уголовным делам. Практическая значимость исследования проявляется в том, что сформулированные выводы и предложения могут выступать основой для реформирования уголовно-процессуального законодательства в части регламентации процессуального статуса должностных лиц органов прокуратуры и их полномочий по реализации надзора и уголовно-процессуальных функций.

Достоверность и научная обоснованность результатов диссертационного исследования обусловлена использованием достаточного количества научных источников фундаментального и прикладного характера, материалами судебной и прокурорской практики, официальными

статистическими данными, а также результатами социологических опросов, сбор которых проводился с 2021 по 2025 годы.

Апробация результатов исследования. Отдельные выводы и положения проведенного исследования докладывались на заседаниях кафедры уголовного права и процесса Тольяттинского государственного университета, а также используются автором в преподавательской деятельности. Основные положения и теоретические выводы проведенного диссертационного исследования отражены в 7 научных публикациях, в том числе в 6 научных статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных Высшей аттестационной комиссией России в список изданий, рекомендованных для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата наук.

Результаты исследования были представлены на различных научно-практических мероприятиях, среди которых: Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Проблемы обеспечения прав и свобод личности в процессе доказывания по уголовному делу», посвящённой юбилею доктора юридических наук, профессора В. А. Лазаревой. 21-22 апреля 2023 года. Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева г. Самара; Всероссийская юбилейная научно-практическая конференция (с международным участием) «Первые уголовно-процессуальные кодексы: к 100-летию принятия УПК РСФСР 1922–23 гг.» 28 апреля 2023. Санкт-Петербургская академия Следственного комитета г. Санкт-Петербург.; XXIV Ежегодная международная научно-практическая конференция Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ) и XXIV Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Секция «Государственный суверенитет и уголовное судопроизводство». 22 ноября 2023. г. Москва; научно-практическая конференция «Актуальные проблемы

прокурорской деятельности: история и современность» 23 ноября 2023 г., Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва; Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная юбилею профессора Ларисы Николаевны Масленниковой «Публичное и диспозитивное (частное) начала в уголовном процессе: тенденции и перспективы развития в современной России» 6 февраля 2025 г., Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, и других.

Структура диссертации. Структура диссертационного исследования обусловлена поставленными целью и задачами, и включает в себя введение, три главы, содержащие девять параграфов, а также заключение, библиографический список и два приложения.

Глава 1. Понятие уголовно-процессуальной правосубъектности и способы ее приобретения

1.1. Понятие правосубъектности в общей теории права и уголовно-процессуальной науке

В статье 6 Всеобщей декларации прав человека указано, что каждый человек имеет право на признание его правосубъектности¹. Считается, что общая правосубъектность как правовое свойство возникает у человека с момента его рождения и завершается со смертью: «человек рождается и в момент рождения становится правосубъектным»². Общеизвестно, что данным положением закрепляется непосредственная связь человека с присущим ему юридическим свойством (признаком, качеством) – правосубъектностью, раскрывающим его способность иметь и самостоятельно осуществлять права и обязанности в качестве субъекта права.

Взяв за основу, что правосубъектность – это неотъемлемое свойство любого субъекта права, свидетельствующее о его способности вступать в правоотношения, возникает вопрос относительно наличия и содержания правосубъектности у должностных лиц государства, обладающих государственными полномочиями и участвующими в правоотношениях от имени государства. К сожалению, ни в законодательстве, ни в теории права и отраслевых правовых науках, в том числе в уголовно-процессуальной науке этот вопрос не нашел своего разрешения.

Первоначально исследования юридического понятия правосубъектности осуществлялись преимущественно в сфере гражданского права³, но начиная с конца XX века данная категория активно исследуется в

¹ Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 20.09.2024).

² Кузнецов С. В., Хасимова Л. Н. Институт правосубъектности в общей теории права: основные подходы и взгляды // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 2. С. 35–38.

³ Иоффе О. С. Спорные вопросы учения о правоотношении // Очерки по гражданскому праву / отв. ред. О. С. Иоффе. Ленинград, 1957. С. 55 ; Хабриева Т. Я. Введение // Правосубъектность : общетеоретический,

административном⁴, финансовом⁵, трудовом⁶, налоговом⁷ и других, в том числе процессуальных⁸ отраслях права. Во всех обозначенных отраслях права предмет изучения составляет правосубъектность человека как частного лица, позволяющая ему выступать в качестве субъекта той или иной отрасли права. Несмотря на возникший научный интерес правоведов к правосубъектности остаются неразрешенными вопросы, касающиеся основных, сущностных моментов в характеристике рассматриваемого свойства применительно к каждой отдельно взятой отрасли права. В большинстве научных работ понятие правосубъектности раскрывается специфично, как правило через констатацию наличия у лица прав, свобод и обязанностей в определенной сфере правового регулирования, либо через возможность лица быть участником соответствующих отраслевых правоотношений.

Выделяемые авторами различия в понимании правосубъектности обусловлены разными правовыми возможностями субъекта: в одних случаях правосубъектность понимается как способность лица быть носителем юридических прав и обязанностей; в других – как способность лица своими действиями реализовывать права и исполнять обязанности. Однако ни один из этих вариантов нельзя признать удачным, т.к. в каждом из них допускается

отраслевой и международно-правовой анализ / [В. Ф. Яковлев, Т. Я. Хабриева, В. К. Андреев и др.]; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Москва, 2017. С. 21–28.

⁴ Эмих В. В. Правосубъектность и компетенция государственных органов: содержание понятий и их соотношение // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2009. Вып. 9. С. 423–432.

⁵ Хрептова Т. П. О соотношении субъекта финансового права и субъектов других отраслей права // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2020. № 2. С. 280–285; Ее же. О соотношении понятий финансовой правосубъектности и правосубъектности других отраслей права // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2017. № 4. С. 166–174; Карасева (Сенцова) М. В. Федеральная налоговая служба: специальная и общая правосубъектность // Финансовое право. 2022. № 4. С. 19–22.

⁶ Костян И. А. Вопросы правосубъектности работодателя (юридического лица) // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 4. С. 7–10.

⁷ Смолицкая Е. Е. Гражданско-правовые институты, понятия и термины в налоговом праве. Москва : Проспект, 2018. 174 с.; Карасева (Сенцова) М. В. Указ. соч.

⁸ Бычкова С. С., Дмитриев С. Н. Гражданская процессуальная правосубъектность как предпосылка приобретения гражданского процессуального статуса // Проблемы гражданского права и процесса / гл. ред. И. Э. Мартыненко. Гродно, 2018. С. 257–264; Диваев А. В. Уголовно-процессуальная правосубъектность // Законодательство и практика. 2021. № 1. С. 29–33; Табельский С. В. Некоторые проблемы правосубъектности в административно-процессуальных отношениях // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 3. С. 56–61.

отождествление правосубъектности с иными юридическими понятиями: в первом случае правосубъектность отождествляется с правоспособностью, а во-втором - с дееспособностью.

На первый взгляд определение правосубъектности лица через его правоспособность логично, так как в современных государствах «нет и не может быть людей, не наделенных общей правоспособностью»⁹, и не являющихся субъектами права с момента своего рождения. В связи со сказанным можно сделать вывод, что наличие правоспособности придает лицу статус субъекта права, и в этом смысле субъекта права можно рассматривать в качестве правосубъектного лица.

Однако не каждый субъект права способен реализовывать свои права самостоятельно. Признание лица субъектом права свидетельствует лишь о том, что он выступает носителем юридических прав и обязанностей, но не свидетельствует о наличии у него возможностей самостоятельно реализовывать эти права и обязанности. Поэтому, если правосубъектность рассматривать как свойство, позволяющее субъекту участвовать в правовой жизни общества, то очевидно, что наличие правоспособности не делает его правосубъектным. В связи со сказанным не можем согласиться с высказыванием С.Ф. Афанасьева, по мнению которого «приобрести правосубъектность, значит стать субъектом права, соответственно стать субъектом права может только лицо, обладающее правосубъектностью»¹⁰.

С другой стороны, отсутствие у лица возможности самостоятельно реализовывать свои права и обязанности не исключает его из круга субъектов права. Интересы таких субъектов в соответствии с законодательством обеспечиваются другими уполномоченными лицами. Так, гражданским законодательством предусмотрены институты восполнения и обеспечения прав недееспособных физических лиц, такие как опека, попечительство,

⁹ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. Москва : Юрист, 2004. С. 187.

¹⁰ Афанасьев С. Ф. К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2022. № 3. С. 12–31.

признание безвестно отсутствующим или умершим и т.д. Это означает, что при отсутствии или недостаточной дееспособности субъекта права, она восполняется дееспособностью других лиц, уполномоченных законом на такие действия¹¹.

Как видим, правоспособность лица не предполагает его активных действий по реализации прав и исполнении обязанностей, и следовательно, не делает его правосубъектным. Для того, чтобы субъект права смог самостоятельно реализовывать субъективные права и исполнять юридические обязанности, он должен обладать также и дееспособностью. Соответственно, *если правосубъектность понимать, как свойство субъекта права, позволяющее ему самостоятельно участвовать в правовой жизни общества, следует признать, что содержание правосубъектности составляют правоспособность и дееспособность в совокупности.*

Очевидно, что для вступления в правоотношения лицо должно обладать достаточным объемом право- и дееспособности. Именно поэтому в теории права предприняты попытки раскрыть содержание правосубъектности через взаимосвязь правоспособности и дееспособности¹². Одни авторы рассматривают правосубъектность как совокупность единой праводееспособности¹³, другие в структуре правосубъектности выделяют два самостоятельных элемента – правоспособность и дееспособность¹⁴; третьи авторы исходят из более широкого понимания правосубъектности, как единства различных способностей лица в правовой сфере, таких как правоспособность, дееспособность и деликтоспособность, «поскольку если

¹¹ Ермолаева Т. А., Ананьева А. А. Гражданская правосубъектность физических лиц: эволюция содержания // Lex Russica. 2019. № 12. С. 11.

¹² Забурдаева, К. А. Уголовно-процессуальная правосубъектность: понятие, правовая природа и процесс формирования / К. А. Забурдаева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2023. – № 1(52). – С. 5-10.

¹³ Представителями данного подхода являются: Алексеев С. С. Общая теория права. Москва : Юридическая литература, 1982. Т. 2. С. 139 ; Красавчиков О. А. Социальное содержание правоспособности советских граждан // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1960. № 1. С. 18 ; Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. Москва : Наука, 1979. С. 89 и др.

¹⁴ Красавчиков О. А. Гражданская правосубъектность как правовая форма // Правовые проблемы гражданской правосубъектности. Свердловск, 1978. Вып. 62. С. 5–26.

лицо гипотетически не обладает теми или иными правами и долженствованиями, то оно не может их реализовать»¹⁵.

Как видим, изучение понятия правосубъектности невозможно без установления соотношения и определения четких границ с такими юридическими категориями, как «правоспособность» и «дееспособность». Не случайно, на терминологическую схожесть правосубъектности и обозначенных понятий указывалось в работах классиков советского правоведения А.В.Мицкевича¹⁶, А.Ф.Шебанова¹⁷, Р.О. Халфиной¹⁸, Н.С.Малеина¹⁹ и других. Кстати по этой же причине высказывались мнения о необходимости исключения термина «правосубъектность» из правовой теории, ввиду его не разработанности и неопределенности²⁰.

Мы полагаем что научные изыскания в данном направлении не приведут к какому-либо положительному результату до тех пор, пока не будет установлено соотношение категорий «субъект права» и «правосубъектность» с право- и дееспособностью²¹. Это вопрос, который до сих пор не нашел своего разрешения в правовой науке. Неслучайно О.А. Красавчиков, один из основоположников понимания правосубъектности как единой право-дееспособности, в дальнейшем пересмотрел свои взгляды и обосновал необходимость выделения на теоретико-правовом уровне двух самостоятельных элементов правосубъектности – правоспособности и дееспособности²². Согласно его утверждениям правосубъектность, представляющая собой совокупность правоспособности и дееспособности,

¹⁵ См.: Мицкевич А. В. Избранное. Москва : Контракт [и др.], 2010. С. 150–151.

¹⁶ Мицкевич А. В. Субъекты советского права. Москва : Госюриздат, 1962. С. 12.

¹⁷ Шебанов А. Ф. Советское социалистическое общенародное право. Москва : Издательство Университета дружбы народов, 1963. С. 70.

¹⁸ Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. Москва : Юридическая литература, 1974. С. 119–120.

¹⁹ Малеин Н. С. Гражданский закон и права личности в СССР. Москва : Юридическая литература, 1981. С. 83.

²⁰ Корецкий В. И. Гражданское право и гражданские правоотношения в СССР. Душанбе : Ирфон, 1967. С. 24, 97 ; Матузов Н. И. Субъективные права граждан СССР. Саратов : Приволжское книжное издательство, 1966. С. 84.

²¹ Забурдаева, К. А. Уголовно-процессуальная правосубъектность: понятие, правовая природа и процесс формирования / К. А. Забурдаева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2023. – № 1(52). – С. 5-10.

²² Красавчиков О. А. Гражданская правосубъектность как правовая форма // Правовые проблемы гражданской правосубъектности. Свердловск, 1978. Вып. 62. С. 5–6.

рассматривается как основанная на нормах права социально-правовая возможность или способность лица быть участником правовых отношений²³, или другими словами становиться субъектом правоотношений.

При таком подходе очевидно, что рассматриваемые понятия не только не совпадающие, но и не равнозначные по своему значению: субъект права обозначает сущность, а правосубъектность – его свойство, позволяющее ему участвовать в правоотношениях. Чтобы появился субъект права лицо должно получить правоспособность, но чтобы субъект права стал правосубъектным у него должна появиться также дееспособность. Следовательно, правосубъектность как юридическое свойство производно от понятия субъекта права, обладающего как право-, так и дееспособностью. Такой субъект готов участвовать в правоотношении, но еще не является его участником, т.к. для возникновения любого правоотношения необходим соответствующий юридический факт, позволяющий правосубъектному лицу вступить в данное правоотношение и реализовать принадлежащие ему права и обязанности²⁴. Следовательно, *правосубъектность – это сущностное свойство субъекта права, свидетельствующее о его готовности участвовать в правовых отношениях на основании приобретенных право- и дееспособности, но еще не характеризующее субъекта как участника этих правоотношений.*

К сожалению, в общей теории права до сих пор не сформирован общепризнанный подход к определению субъекта права и его связи с понятием «правосубъектность», хотя немало ученых занималось данной проблематикой, обосновывая понятие субъекта права следующими дефинициями: это высшая правовая инстанция, самоценная правовая

²³ Красавчиков О. А. Гражданская правосубъектность как правовая форма // Категории науки гражданского права : Избранные труды. Москва, 2005. Т. 2. С. 31–32 ; Гражданское право / В. С. Ем, Н. В. Козлова, С. М. Корнеев [и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Волтерс Клувер, 2007. С. 125.

²⁴ Забурдаева, К. А. Уголовно-процессуальная правосубъектность: понятие, правовая природа и процесс формирования / К. А. Забурдаева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2023. – № 1(52). – С. 5-10.

индивидуальность²⁵; центр правовой реальности, вокруг которого складываются правовые связи и отношения²⁶; определенная абстракция, способная олицетворяться в конкретном лице²⁷ и т.п. Систематизируя многообразные вариации и предложения, относительно понятия «субъект права», можно выделить несколько подходов в теории права и отраслевом правовом регулировании.

Первая, самая многочисленная группа авторов под субъектами права понимает субъектов правоотношений, обладающих правоспособностью и дееспособностью²⁸, т.е. правосубъектностью. Не случайно в большинстве учебников по теории государства и права отсутствует раздел, посвященный субъектам права, а вопросы субъектного состава раскрываются при изучении субъектов правоотношений. В таком контексте все субъекты права правосубъектны, т.к. рассматриваются в качестве участников отраслевых правоотношений, без изучения особенностей приобретения ими право- и дееспособности. Вместе с тем следует отметить, что характеризуя субъектов права авторы указывают не на непосредственное участие лиц в правоотношении, а лишь на их гипотетическую способность участвовать: «субъект права – это лицо, которое способно быть участником правоотношений»²⁹. Слабым местом в данной аргументации является отсутствие критериев, позволяющих отграничить субъектов права от субъектов правоотношений. Хотя о том, что субъект права и субъект правоотношения не идентичные категории, отмечала еще Р.О. Халфина в 70-х годах XX века в своей монографии, посвященной правоотношениям³⁰.

²⁵ Архипов С. И. Субъект права : теоретическое исследование. Санкт-Петербург : Юрический центр Пресс, 2004. С. 11.

²⁶ Поскачина М. Н. Отношение понятий «субъект права» и «трансцендентальный субъект» в теории права // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 5–9.

²⁷ Уздимаева Н. И., Козуров А. С. Субъект права: основные подходы к пониманию // Контентус. 2020. № 4. С. 135–143.

²⁸ Алексеев С. С. Общая теория права. 2-е изд. Москва : Проспект, 2008. С. 380 ; Матузов Н. И., Малько А. В. Указ. соч. С. 187.

²⁹ Абрамов А. М. Понятие субъекта права в сфере социально-экономических отношений // История государства и права. 2007. № 16. С. 3–5.

³⁰ Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. Москва : Юридическая литература, 1974. С. 114.

Вторая группа ученых под субъектами права понимает тех, «кому объективное право присваивает в юридическом отношении субъективное право»³¹. Сюда же можно отнести авторов, рассматривающих в качестве субъектов права физических и юридических лиц, способных быть носителями юридических прав и обязанностей³². При таком подходе субъект права это абстрактное (обобщенное) правовое лицо, находящееся под действием объективного права и признаваемое им в качестве возможного носителя прав и обязанностей³³. Полагаем, что в данном контексте речь идет лишь об одном юридическом свойстве – способности лица быть носителем юридических прав и обязанностей, т.е. обладать правоспособностью. Соответственно, вопрос о правосубъектности таких лиц авторами не рассматривается.

Более компромиссная позиция выработана учеными, выделяющими отдельно субъектов объективного права как «юридическую модель субъекта правоотношения, закрепляющую в обезличенной форме ситуационно значимые социально-правовые характеристики» и реально существующих персонально поименованных субъектов конкретного правоотношения, отвечающих социально-правовым характеристикам, установленным нормами права³⁴. «Опираясь на данную концепцию учеными справедливо обосновывается существование двух категорий - субъекта права и субъекта правоотношения. Несомненным достоинством данной концепции является разграничение двух основополагающих понятий. Однако в предлагаемых авторами дефинициях наличие правосубъектности презюмируется как у субъектов права, так и у субъектов правоотношений: субъект права как абстрактное, обобщенное лицо, в котором заключена правовая модель будущего субъекта правоотношения, не может не обладать правоспособностью и дееспособностью, что в совокупности позволяет

³¹ Шершеневич Г. Ф. Избранное. Москва : Статут, 2016. Т. 4. С. 498.

³² Марченко М. Н. Проблемы общей теории государства и права. Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва : Проспект, 2016. Т. 2. 648 с.

³³ Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства. Москва : Норма, 2010. С. 510.

³⁴ Проблемы теории права и правореализации / Л. Т. Бакулина, Р. Г. Валиев, М. В. Воронин [и др.] ; отв. ред. Л. Т. Бакулина. Москва : Статут, 2017. С. 332.

говорить о наличии у такого субъекта правосубъектности; еще более очевидна правосубъектность, если речь идет о поименованных, персонифицированных субъектах правоотношений.

Отраслевые правовые науки на основе понятия обобщенного субъекта права сформировали более узкое понимание данного термина, суть которого в следующем: *субъекты права - это абстрактные лица, выступающие носителями прав и обязанностей определенной отрасли права*, например, субъекты гражданского права, уголовного права, уголовно-процессуального права и т.д. Каждая отрасль права традиционно определяет перечень своих субъектов, понимая под ними установленный законом круг физических и/или юридических лиц, наделенных соответствующими отраслевыми правами и обязанностями. Соответственно, каждая отрасль права оперирует своим субъектным составом, перечень которых отличается по их наименованию, содержанию прав и обязанностей, способу получения статуса субъекта права и приобретения им правосубъектности. Учитывая многоотраслевую структуру российского права одно лицо (физическое или юридическое) может являться субъектом различных отраслей права³⁵ с учетом того, какие правовые статусы получает. В связи с этим полагаем очевидным, *если приобретаемый правовой статус предусматривает участие лица хотя бы в одном отраслевом правоотношении в качестве его участника, такое лицо является субъектом данной отрасли права и безусловно обладает соответствующей правосубъектностью*.

Если человек является субъектом нескольких отраслей права и приобретает различные правовые статусы с момента своего рождения и до окончания жизни, то его правосубъектность величина переменная, основанная на физической и психологической готовности лица самостоятельно реализовывать права и обязанности в той или иной сфере общественной

³⁵ Забурдаева, К. А. Уголовно-процессуальная правосубъектность: понятие, правовая природа и процесс формирования / К. А. Забурдаева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2023. – № 1(52). – С. 5-10.

жизни. Соответственно, в течение отдельных периодов жизни человека его правосубъектность имеет разное содержание и проявляется не одинаково. «Человек – субъект права всю свою жизнь, однако у правосубъектности, как и у жизни человека, есть начало и конец»³⁶. Внимание отраслевых наук к данным вопросам обусловило необходимость новых, более узких подходов к пониманию правосубъектности, в связи с чем выявлена следующая закономерность: отраслевая правосубъектность имеет иной процесс приобретения и период действия, специфичный для каждой отрасли права.

Еще один вывод следует из анализа соотношения общей и отраслевой правосубъектности: если правосубъектность проявляется исключительно в рамках правоотношений, а правоотношения всегда имеют отраслевой характер, то очевидно, что правосубъектность также имеет исключительно отраслевой правовой характер. Правоотношения, не имеющие отраслевого характера в условиях отраслевого строения российского права, в принципе не возможны. В связи с этим присоединяемся к высказыванию В.В. Эмих о том, что «понятие правосубъектности всегда связано с определенной отраслью права»³⁷. Сказанное порождает серьезные сомнения относительно наличия общей правосубъектности. Полагаем, на этом уровне исследования целесообразнее говорить не об отдельном пусть даже общем виде правосубъектности, а об общей теории правосубъектности, имеющей методологическое значение для отраслевых юридических наук, которая к сожалению, до сих пор не разработана.

В связи с этим появилась необходимость изучения на уровне отраслевого правового регулирования механизма приобретения субъектами права своей правосубъектности и определения периода ее действия. Если в одних отраслях, например, в гражданском праве, приобретение правосубъектности (получение право- и дееспособности) растягивается на

³⁶ Богданов Е. В. Проблемы правосубъектности человека // Государство и право. 2017. № 1. С. 23–29.

³⁷ Эмих В. В. Правосубъектность и компетенция государственных органов: содержание понятий и их соотношение // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2009. Вып. 9. С. 429.

длительный временной период, т.е. *правосубъектность формируется* в результате последовательного приобретения лицом первоначально статуса субъекта права, изначально обладающего правоспособностью, а затем и дееспособностью, то в отраслях права, предметом регулирования которых является профессиональная или иная социально-полезная деятельность человека, *правосубъектность возникает* у лица одномоментно, как правило с получением лицом статуса отраслевого субъекта права, обладающего как отраслевой правоспособностью, так и отраслевой дееспособностью.

С учетом сказанного выделяется два способа приобретения лицом правосубъектности:

1) *возникновение правосубъектности*, когда лицо с получением статуса субъекта права одновременно получает правосубъектность, т.е. право- и дееспособность;

2) *формирование правосубъектности*, когда лицо при получении статуса субъекта права изначально получает лишь правоспособность, а затем, через какой-то период времени – дееспособность, после чего становится правосубъектным.

Не случайно, рассматривая правосубъектность предпринимателя Д.В. Пятков отметил, что «гражданин не с момента рождения, а гораздо позднее приобретает возможность выбирать, формировать содержание своей правосубъектности»³⁸. Аналогичная ситуация наблюдается и в иных сферах правового регулирования, когда для приобретения той или иной отраслевой правосубъектности – трудовой, семейной, налоговой и т.д. необходимо наступление определенных событий, обстоятельств или совершения действий³⁹, придающих лицу статус субъекта отраслевого права. Очевидно,

³⁸ Пятков Д. В. Формирование правосубъектности предпринимателя // Журнал российского права. 2006. № 1. С. 85–97.

³⁹ Гараева Г. Х. Супружеская правосубъектность как разновидность семейной правосубъектности // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2010. № 2. С. 197–201 ; Селиверстов М. В., Назарбекова Г. Н. Понятие субъекта трудового права и элементы трудовой правосубъектности // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2021. Т. 21, № 7. С. 105–109.

что такой статус человек получает не с рождения, а в значительно позднем возрасте.

Следствием нерешенности в правовой науке терминологических и содержательных проблем правосубъектности явилось то, что в российском законодательстве термин «правосубъектность» практически не используется. Лишь в Кодексе административного судопроизводства РФ (статья 5) дается понятие административной процессуальной правосубъектности как совокупности административной процессуальной правоспособности и административной процессуальной дееспособности, присущей лицам, участвующим в административном деле. Не известен термин «правосубъектность» и гражданскому законодательству, но его элементы «правоспособность» и «дееспособность» получили законодательное закрепление применительно к физическим (ст. ст. 17, 18, 22 ГК РФ) и юридическим лицам (ст. ст. 22, 49 ГК РФ) как субъектам гражданского права⁴⁰. Аналогичная ситуация в гражданском процессуальном праве. Основной для этой сферы закон - Гражданский процессуальный кодекс РФ не содержит термин «правосубъектность», но закрепляет понятия гражданская процессуальная правоспособность (ст.36) и гражданская процессуальная дееспособность (ст.37) лиц, обладающих правом на судебную защиту прав, свобод и законных интересов.

Принципиально иная ситуация в уголовном судопроизводстве. В тексте Уголовно-процессуального кодекса РФ правосубъектность, правоспособность и дееспособность как юридические характеристики субъектов уголовно-процессуального права отсутствуют, как, впрочем, не имеет достаточной научной разработанности и сам термин «субъекты уголовно-процессуального права», замещаемый в законе и как следствие в доктрине уголовного процесса, понятием «участники уголовного судопроизводства». Очевидно, что

⁴⁰ Забурдаева, К. А. Уголовно-процессуальная правосубъектность: понятие, правовая природа и процесс формирования / К. А. Забурдаева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2023. – № 1(52). – С. 5-10.

участники уголовного судопроизводства становясь субъектами отраслевого уголовно-процессуального права, приобретают и уголовно-процессуальную правосубъектность. Однако в каком порядке это происходит, каково содержание их правосубъектности, и есть ли отличия в правосубъектности вовлеченных участников и должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, закон ответа не содержит.

Из текста УПК РФ следует, что основанием получения лицом статуса участника уголовного судопроизводства (субъекта уголовно-процессуального права) выступают обстоятельства, события или действия, непосредственно связанные либо с преступным деянием, либо с производством по уголовному делу. Учитывая, что уголовное судопроизводство осуществляется в публично-значимых целях в условиях императивности и срочности, вполне логично наделять лицо уголовно-процессуальной правосубъектностью в порядке возникновения, применяя следующее правило: *если лицо соответствует требованиям, предъявляемым к субъекту уголовно-процессуального права в части его право- и дееспособности, значит оно получая процессуальный статус одновременно приобретает и правосубъектность, т.е. становится способным вступать в уголовно-процессуальные отношения.*

Подводя итоги первого параграфа отметим, с точки зрения общей теории права, правосубъектность - это самостоятельная юридическая категория, характеризующая готовность субъекта права на основе приобретенной им право- и дееспособности участвовать в отраслевых правоотношениях. В этом смысле понятие «субъект права» шире понятия «правосубъектное лицо», а понятие «правосубъектное лицо» шире понятия «участник правоотношения»: для признания лица субъектом права достаточно наличия у него правоспособности; при получении право- и дееспособности лицо становится правосубъектным; и только когда появляется основание для возникновения правоотношения и субъект права реализует свое право или исполняет обязанность, он становится участником правоотношения.

Опираясь на вышеизложенные выводы и учитывая специфику предмета и метода уголовно-процессуального регулирования, полагаем возможным дать следующее определение *уголовно-процессуальной правосубъектности* – *это сущностное свойство субъекта уголовно-процессуального права, приобретаемое им в результате получения процессуального статуса с соответствующей право- и дееспособностью, и свидетельствующее о его готовности вступить в уголовно-процессуальные правоотношения.* В уголовно-процессуальной науке понятие правосубъектности, способы его приобретения и соотношение с категориями «субъекты права», «правоспособность» и «дееспособность» в должной мере не разработаны. Поэтому исследованию данных вопросов посвящен следующий параграф.

1.2. Приобретение правосубъектности участниками уголовного судопроизводства

В своем дальнейшем исследовании мы исходим из того, что субъект уголовно-процессуального права - это первооснова, центральная конструкция, определяющая правовое положение (статус) лица в отраслевой сфере правового регулирования, фиксирующая его юридические свойства, совокупность предоставляемых прав и обязанностей, а также способ приобретения правосубъектности. К сожалению, системного исследования данные вопросы в науке уголовного процесса не получили, хотя отдельные моменты нашли свое отражение в трудах процессуалистов второй половины XX века⁴¹ и в настоящее время обращают внимание ученых, как в части изучения общих вопросов процессуальной правосубъектности⁴², так и

⁴¹ Зусь Л. Б. Об уголовно-процессуальной правосубъектности // Правоведение. 1975. № 5. С. 49–54 ; Кокорев Л. Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1971. 160 с.

⁴² Бахта А. С. О соотношении понятий «участники уголовного судопроизводства» и «субъекты уголовно-процессуального права» // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 12. С. 45–47 ; Таран А. С. Уголовно-процессуальная правосубъектность: постановка проблемы // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3, № 2. С. 87–92 ; Тарасов А. А. Должностное лицо как субъект уголовно-процессуальных отношений // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 4. С. 106–112.

применительно к правосубъектности отдельных участников судопроизводства - свидетеля⁴³, адвоката⁴⁴, прокурора⁴⁵, переводчика⁴⁶ и других.

В российском уголовно-процессуальном праве традиционно сложилось так, что понятие «субъекты права» часто отождествляется с понятием «участники уголовного судопроизводства». Как следствие, в большинстве научных работ и учебной литературе предмет изучения составляют участники уголовного процесса, субъекты уголовного процесса либо уголовного судопроизводства⁴⁷, а не субъекты уголовно-процессуального права, что существенно затрудняет изучение уголовно-процессуальной правосубъектности. Преодолевая сложившуюся тенденцию, предлагаем изменить ракурс исследования таким образом, чтобы участников судопроизводства либо субъектов уголовного процесса, а также иных лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность в том или ином качестве, рассматривать в качестве субъектов уголовно-процессуального права, выделяя два аспекта исследования: нормативно-правовой и эмпирический, на каждом из которых определить место и значение правосубъектности как сущностного свойства субъекта права. На нормативно-правовом уровне исследования мы проанализируем качество и полноту законодательного оформления правового статуса каждого субъекта уголовно-процессуального права и основания приобретения им право- и дееспособности, а ориентируясь на эмпирический уровень исследования

⁴³ Антонович Е. К. Правосубъектность свидетеля в уголовном судопроизводстве: миф или реальность? // Российский следователь. 2019. № 12. С. 24–27.

⁴⁴ Таран А.С. Уголовно-процессуальная правосубъектность адвоката: понятие и признаки // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. Т. 2, № 4. С. 132–140.

⁴⁵ Артеменков В. К. К вопросу о признании прокуратуры Российской Федерации государственным органом в контексте проблемы наличия у нее правосубъектности // Законность. 2022. № 7. С. 3–7.

⁴⁶ Кузнецов О. Ю. Правосубъектность переводчика в уголовном процессе // Вестник международного юридического института при Министерстве юстиции Российской Федерации. 2005. № 1. С. 47–78.

⁴⁷ Шпилев В. Н. Участники уголовного процесса. Минск : Издательство БГУ, 1970 ; Кокорев Л. Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1971 ; Выдря М. М. Участники судебного разбирательства и гарантии их прав. Краснодар : Издательство Кубанского университета, 1979 ; Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1980. С. 105 и др. ; Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев [и др.] ; под ред. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. Москва : Статут, 2017. 1280 с. ; Хамгоков М. М. О процессуальных органах как субъектах уголовного процесса в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2019. № 1. С. 144–146 и др.

рассмотрим механизм получения лицом статуса субъекта права, способ приобретения им правосубъектности и порядок вступления в уголовно-процессуальные отношения в качестве его участника.

Применяемый в исследовании дуалистический подход объясняется тем, что приобретаемый лицом уголовно-процессуальный статус с соответствующей ему правосубъектностью осуществляется исключительно в порядке реализации правовых норм. Поэтому дефекты правового регулирования, допускаемые законодателем при оформлении нормативно-правового статуса субъекта уголовно-процессуального права, однозначно отразятся в правоприменительной деятельности и создадут сложности в определении правосубъектности персонифицированных субъектов права – участников уголовно-процессуальных отношений. Также отметим, что в качестве уголовно-процессуальных отношений мы рассматриваем любые отношения, урегулированные нормами УПК РФ и направленные на достижение целей уголовного судопроизводства, независимо от того, возникли они до возбуждения уголовного дела, либо после вступления приговора в законную силу⁴⁸.

Следует отметить, что не все ученые согласны с отождествлением понятий «субъекты уголовно-процессуального права» и «участники уголовного судопроизводства». Так, А.С. Бахта отмечает, что «не каждое лицо, считающееся участником процессуальных действий, является субъектом уголовно-процессуального права»⁴⁹, и в качестве аргумента указывает на отсутствие правоспособности у отдельных участников процессуальных действий, таких как заявитель, законный представитель несовершеннолетнего пострадавшего, физические и юридические лица, обязанные исполнять обращенные к ним требования должностных лиц и т.д.

⁴⁸ Мы не вступаем в дискуссию относительно определения момента начала и окончания уголовного процесса. В нашем понимании наличие отраслевого законодательного акта, являющегося источником соответствующей отрасли российского права, устанавливает четкие критерии для отнесения возникающих в практической деятельности правоотношений к отраслевым и не отраслевым: все отношения, урегулированные отраслевым законодательным актом, являются отраслевыми, независимо от полноты и качества их правового регулирования.

⁴⁹ Бахта А. С. Указ. соч. С. 45–46.

На этом основании автор делает вывод, что термин «участники уголовного судопроизводства» шире понятия «субъекты уголовно-процессуального права», согласиться с которым не можем по следующим соображениям.

Во-первых, синонимичность терминов «субъекты права» и «участники уголовного судопроизводства» обусловлена попыткой законодателя систематизировать во втором разделе УПК РФ всех, участвующих в том или ином качестве в производстве по уголовному делу. Допущенные при этом погрешности, вызванные невнимательностью к правовому статусу отдельных участников, не включенных в содержание Раздела 2 УПК РФ не означают, что данные лица не являются субъектами уголовно-процессуального права. Их упоминание в тексте закона, предоставление им правовых возможностей (прав, обязанностей или полномочий) и включение в механизм уголовно-процессуального регулирования означает, что есть все основания рассматривать данных лиц в качестве субъектов уголовно-процессуального права, т.к. любой из них потенциально способен стать участником отношений, урегулированных нормами УПК РФ. Сказанное дает право утверждать обратное: понятие субъектов уголовно-процессуального права должно быть шире понятия участников судопроизводства, систематизированных в действующем законе⁵⁰.

Во-вторых, речь идет не столько о несовпадении рассматриваемых терминов, сколько о дефектности законодательства, допускающего «лишь чрезмерно лаконичные предписания» в регламентации участников, не указанных во втором разделе УПК РФ, либо их полное отсутствие, на что справедливо указывает А.С. Бахта⁵¹. Дефекты правового регулирования, допущенные законодателем в регламентации, например, правового статуса заявителя, не могут исключать отнесения его к субъектам уголовно-процессуального права. В таком контексте вполне разумно рассматривать

⁵⁰ Забурдаева, К. А. Уголовно-процессуальная правосубъектность: понятие, правовая природа и процесс формирования / К. А. Забурдаева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2023. – № 1(52). – С. 5-10.

⁵¹ Бахта А. С. Там же. С. 46.

заявителя, участвующего в отношениях, регулируемых ч.2 ст.120, ст.ст.124, 125, 125.1, 141, 144, 145, 146, 148, 219, 318, ч.7 ст.399 и ст.463 УПК РФ в качестве субъекта уголовно-процессуального права, обладающего не только процессуальной правоспособностью, но и процессуальной дееспособностью, т.е. правосубъектностью. Следовательно, проблема субъектов уголовно-процессуального права заключается не столько в несовпадении с понятием «участники судопроизводства», сколько в отсутствии должного правового регулирования в целом системы субъектов данной отрасли права и их правового статуса.

В качестве одного из аргументов, исключающих по мнению А.С. Бахта отнесение отдельных участников к субъектам уголовно-процессуального права отмечается отсутствие у них правоспособности. Однако понимая правоспособность как способность лица быть носителем отраслевых прав и обязанностей субъекта права следует констатировать, что любое лицо, указанное в УПК РФ как потенциальный участник хотя бы одного процессуального правоотношения с каким-либо процессуальным правом или обязанностью, является носителем этого права или обязанности, и соответственно, субъектом данной отрасли права. А вот насколько для правоприменителей очевидна правосубъектность такого участника, зависит от полноты и качества юридического оформления его правового статуса в УПК РФ, а именно, заполнения всех элементов правового статуса субъекта права.

На нормативно-правовом уровне исследования сущность субъекта права точно обозначена Н.В. Козловой и С.Ю. Филипповой: «любой субъект права есть лишь мыслимое, представляемое отражение реальности в идеальной знаковой системе – праве»⁵². Как идеальная сущность субъект права создается с определенной целью и выступает носителем соответствующих этой цели прав и обязанностей (полномочий), которые в своей совокупности формируют

⁵² Козлова Н. В., Филиппова С. Ю. Очерк 1. Физическое лицо как субъект российского гражданского права: в поисках понятия // Физические лица как субъекты российского гражданского права / А. С. Ворожевич, О. И. Гентовт, Н. В. Козлова [и др.] ; отв. ред.: Н. В. Козлова, С. Ю. Филиппова. Москва, 2022. С. 18.

правовой статус субъекта права и показывают его роль и положение в отраслевом праве и в системе других субъектов. Раскрывая сущность субъекта права на нормативно-правовом уровне можно дать ему следующее определение: *«нормативно-правовой субъект права - это обозначенное в законе обобщенное (не персонифицированное) лицо, наделенное определенными правами и обязанностями (полномочиями) для участия в уголовно-процессуальных правоотношениях и обладающее в связи с этим правовым статусом, идентифицирующим его в правовом пространстве»*⁵³.

При нормативно-правовом оформлении субъекта права важно не только закрепить его уникальное процессуальное имя и присущие ему процессуальные права и обязанности (полномочия), но также важно установить момент и основания получения статуса субъекта права и способ приобретения правосубъектности, а также период, в течение которого предоставленная правосубъектность будет действовать, т.е. обозначить период так называемый «правовой жизни» субъекта уголовно-процессуального права. Все эти элементы, в своей совокупности образуют правовой статус субъекта уголовно-процессуального права, отличающий его от остальных субъектов права. При этом мы исходим из того, что именно в правовом статусе субъекта права определяется способ получения правосубъектности. В этом смысле *нормативно-правовой статус - это совокупность юридических признаков и свойств обобщенного субъекта права, закрепляющих его уникальность по отношению к другим субъектам в сфере уголовно-процессуального регулирования и определяющих способ приобретения правосубъектности персонифицированным субъектом*.

Понятие правового статуса является одним из ключевых терминов теории права и отраслевых юридических наук. В современной правовой науке наибольшее распространение имеет следующая дефиниция: правовой статус –

⁵³ Забурдаева, К. А. Уголовно-процессуальная правосубъектность: понятие, правовая природа и процесс формирования / К. А. Забурдаева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2023. – № 1(52). – С. 5-10.

это положение личности в обществе, закрепленное посредством юридических норм в текстах различных нормативно-правовых актов⁵⁴. В уголовно-процессуальной науке проблемы правового статуса применительно к личности обстоятельно рассмотрены М.С. Строговичем, который выделил в его структуре следующие элементы: права и правовые гарантии реализации прав, обязанности и правовая ответственность за их неисполнение⁵⁵. Схожую позицию занимают и современные исследователи, выделяя в качестве элементов процессуального статуса участников судопроизводства предусмотренные УПК РФ их полномочия, права и обязанности⁵⁶, а уголовно-процессуальные правоотношения рассматривают как форму, в которой «происходит реализация правового статуса личности»⁵⁷.

Как мы полагаем, содержание правового статуса субъекта уголовно-процессуального права значительно шире. В идеальной модели нормативно-правового статуса субъекта права должны содержаться следующие обязательные элементы:

- собственное юридическое имя субъекта права;
- основания получения и прекращения (окончания) статуса субъекта права;
- порядок и основания приобретения правосубъектности (правоспособности и дееспособности);
- перечень и содержание прав и обязанностей (полномочий) субъекта права.

Закрепление в УПК РФ обозначенных элементов нормативно-правового статуса для каждого субъекта уголовно-процессуального права гарантирует «прозрачность» приобретения уголовно-процессуальной правосубъектности. Но для того, чтобы уголовно-процессуальная правосубъектность возникла, в

⁵⁴ См.: Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1987. С. 48 ; Востриков П. П. Правовой статус личности: понятие, структура, судебные гарантии // Реформирование судебной системы в России: история и современность / редкол.: А. В. Бондар [и др.]. Нижний Новгород, 2018. Ч. 1. С. 134–141.

⁵⁵ Строгович М. С. Сущность прав личности. Ее правовой статус // Права личности в социалистическом обществе / М. С. Строгович, В. А. Патюлин, Н. В. Витрук [и др.] ; отв. ред.: В. Н. Кудрявцев, М. С. Строгович. Москва, 1981. С. 29.

⁵⁶ Попова Т. Ю. Соотношение правового и процессуального статуса руководителя следственного органа // Известия Юго-Западного государственного университета. 2018. Т. 22, № 2. С. 158–165.

⁵⁷ Востриков П. П. Указ. соч. С. 138.

реальной жизни должны возникнуть обстоятельства, являющиеся основанием получения лицом уголовно-процессуального статуса субъекта права. Такие обстоятельства вызывая реализацию нормы права не только придают персонифицированному лицу статус субъекта права, но и наделяют его правосубъектностью в порядке, установленном нормой права. Процесс приобретения правосубъектности можно проследить на втором, эмпирическом уровне исследования, в рамках которого лицо приобретает статус персонифицированного субъекта права и становится участником уголовного судопроизводства.

На эмпирическом уровне исследования, проецируя нормативно-правовой статус субъекта права на конкретное лицо, мы выявили следующие закономерности.

Во-первых, получаемый участником процессуальный статус не является тождественным нормативно-правовому статусу обобщенного субъекта права, так как статус персонифицированного участника обусловлен его личностными характеристиками и может отличаться по своему содержанию от статусов аналогичных участников. Например, содержание статуса одного обвиняемого по уголовному делу будет отличаться от статуса другого обвиняемого по делу при условии, что один из них, не владеет языком судопроизводства, является несовершеннолетним, не способен физически участвовать в судопроизводстве и т.д. Поэтому в отличие от нормативно-правового статуса, устанавливающего границы должного и возможного в поведении субъекта права, *уголовно-процессуальный статус персонифицированного субъекта (участника судопроизводства) корректируется его индивидуальными (физическими и психологическими) характеристиками как личности.* Соответственно, содержание правосубъектности конкретного участника обусловлено не только его нормативно-правовым статусом, но и его личными характеристиками и имеющимися объективными и субъективными возможностями реализовывать те или иные процессуальные права и исполнять обязанности.

Во-вторых, получение лицом уголовно-процессуального статуса и приобретение правосубъектности (право-дееспособности) еще не позволяет рассматривать его в качестве субъекта правоотношений, несмотря на то, что речь идет об участнике судопроизводства, обладающем правосубъектностью. Правосубъектность, т.е. способность участника вступать в правоотношения и реальное участие в правоотношениях как показано выше – разные юридические акты. Приобретая правосубъектность лицо получает возможность участвовать в уголовно-процессуальных отношениях, но становится участником реального правоотношения только при его возникновении. Сказанное опровергает высказанное в уголовно-процессуальной науке мнение о том, что «все лица при вовлечении в уголовно-процессуальные отношения приобретают статус субъекта уголовного процесса»⁵⁸. Статус субъекта лицо приобретает еще до «вовлечения» в уголовно-процессуальные отношения. Напомним, что субъект права может вообще не обладать дееспособностью и не участвовать в правоотношениях. Для признания лица субъектом права достаточно лишь правоспособности.

Остановимся на этих вопросах подробно и проанализируем содержание нормативно-правового статуса и правосубъектность конкретных участников уголовного судопроизводства. Начнем анализ с совершеннолетнего потерпевшего, приобретающего процессуальную правосубъектность (право- и дееспособность) одновременно с получением процессуального статуса. Такой способ приобретения правосубъектности ранее мы обозначили как *возникновение правосубъектности*. Его особенность в том, что лицо, получая статус субъекта права одновременно наделяется и право- и дееспособностью, и становится готовым к участию в правоотношениях.

Аналогичным способом возникает правосубъектность и у несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего 18-летнего возраста, так как УПК РФ закрепляя правовой статус потерпевшего не указывает его

⁵⁸ Хамгоков М. М. Указ. соч.

возраст как основание для ограничения или лишения прав, предоставленных законом (ч.10 ст.42 УПК РФ). Вместе с тем учитывая, что несовершеннолетний с учетом его физического развития и психологической готовности может быть не способен к самостоятельной процессуальной деятельности, в круг участников стороны обвинения дополнительно вводится еще один субъект – его законный представитель, задача которого – обеспечивать защиту прав и законных интересов несовершеннолетнего (ч.2 ст.45 УПК РФ). Как видим, несовершеннолетний возраст потерпевшего не исключает приобретение им процессуальной правосубъектности в объеме, соответствующем его возрасту и развитию, что позволяет ему участвовать в производстве по уголовному делу. Если же в результате преступления наступает смерть пострадавшего, то в качестве потерпевших по уголовному делу выступают лица, обозначенные в ч.8 ст.42 УПК РФ – родственники и близкие лица, приобретающие статус потерпевшего и процессуальную правосубъектность в общем порядке⁵⁹.

В этой связи не можем согласиться с О.А. Зелениной, которая рассуждая о правосубъектности несовершеннолетнего потерпевшего отмечает, что приобретение им процессуальной правоспособности происходит вне уголовного судопроизводства: «лицо приобретает способность быть носителем уголовно-процессуальных прав и обязанностей с момента рождения и прекращается данная способность со смертью человека»⁶⁰. Прежде всего такие утверждения не согласуются с общепризнанным пониманием правоспособности как способности субъекта права быть носителем прав и обязанностей принимаемого правового статуса. Только получая правовой статус, лицо получает соответствующие права и обязанности, в связи с чем появляется субъект уголовно-процессуального

⁵⁹ О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 года № 17 : (в ред. от 16 мая 2017 года) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102220/ (дата обращения: 20.09.2024).

⁶⁰ Зеленина О. А. Физическое лицо как субъект уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2010. № 2. С. 15–18.

права - потерпевший по уголовному делу. Помимо алогичности утверждения О.А.Зелениной, получение гражданином статуса потерпевшего с момента рождения и нахождение в этом статусе в течение всей жизни противоречит действующему законодательству, предусматривающему появление потерпевшего исключительно в рамках производства по уголовному делу в связи с причинением ему преступлением физического, имущественного или морального вреда.

Аналогичный способ приобретения правосубъектности - посредством возникновения, наблюдаем у обвиняемых. Учитывая, что обвиняемым признается лицо, соответствующее установленным законом требованиям по возрасту, вменяемости, причастности к преступлению и другим признакам, обязательным для данного субъекта, получение лицом статуса обвиняемого означает, что с этого момента у него возникает и соответствующая статусу правосубъектность. Несовершеннолетний возраст лица (14-18 лет) не лишает его уголовно-процессуальной правосубъектности обвиняемого при получении им статуса обвиняемого. Как и взрослый, несовершеннолетний обвиняемый способен своими действиями осуществлять предоставленные ему права и обязанности в объеме, соответствующем его возрасту и психическому состоянию. При этом недостающий объем гражданской дееспособности у несовершеннолетнего обвиняемого, как и у несовершеннолетнего потерпевшего, компенсируется (восполняется) процессуальной правосубъектностью других участников (законных представителей несовершеннолетнего), обеспечивающих защиту интересов несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве.

Нет принципиальных отличий и при возникновении процессуальной правосубъектности у свидетеля. Получая статус свидетеля по уголовному делу лицо одновременно получает процессуальную правосубъектность свидетеля, достаточную для осуществления им своих прав и обязанностей. Но в отличие от предыдущих участников правосубъектность свидетеля, в силу уникальности и неповторимости данного статуса, не может восполняться

другими участниками. Независимо от возраста, физического и психического состояния лица, он либо обладает способностью воспринимать, сохранять и отражать доказательственную информацию, в связи с чем получает статус свидетеля, либо такими качествами не обладает и соответственно, не признается субъектом уголовно-процессуального права.

Рассмотренные субъекты уголовно-процессуального права – потерпевший, обвиняемый и свидетель, как и другие частные лица, вовлекаемые в уголовный процесс на основании решения уполномоченного субъекта, приобретают процессуальную правосубъектность способом возникновения, одновременно с признанием их субъектами уголовно-процессуального права. Если лицо в силу каких-либо объективных либо субъективных причин не может быть признано субъектом права, то и процессуальная правосубъектность у него не возникает. Размывание границ между нормативно-правовым и эмпирическим уровнями исследования приводит к смещению фокуса исследования с нормативно-правовой организации права на уровень правоприменения, что не только затрудняет определение правосубъектности лица, но и чревато получением необъективных результатов исследований. Наглядно процесс трансформации нормативно-правового статуса субъекта права в уголовно-процессуальный статус персонифицированного субъекта уголовно-процессуального права (участника уголовного судопроизводства), и последующим возникновением уголовно-процессуального правоотношения показан на Рисунке 1.

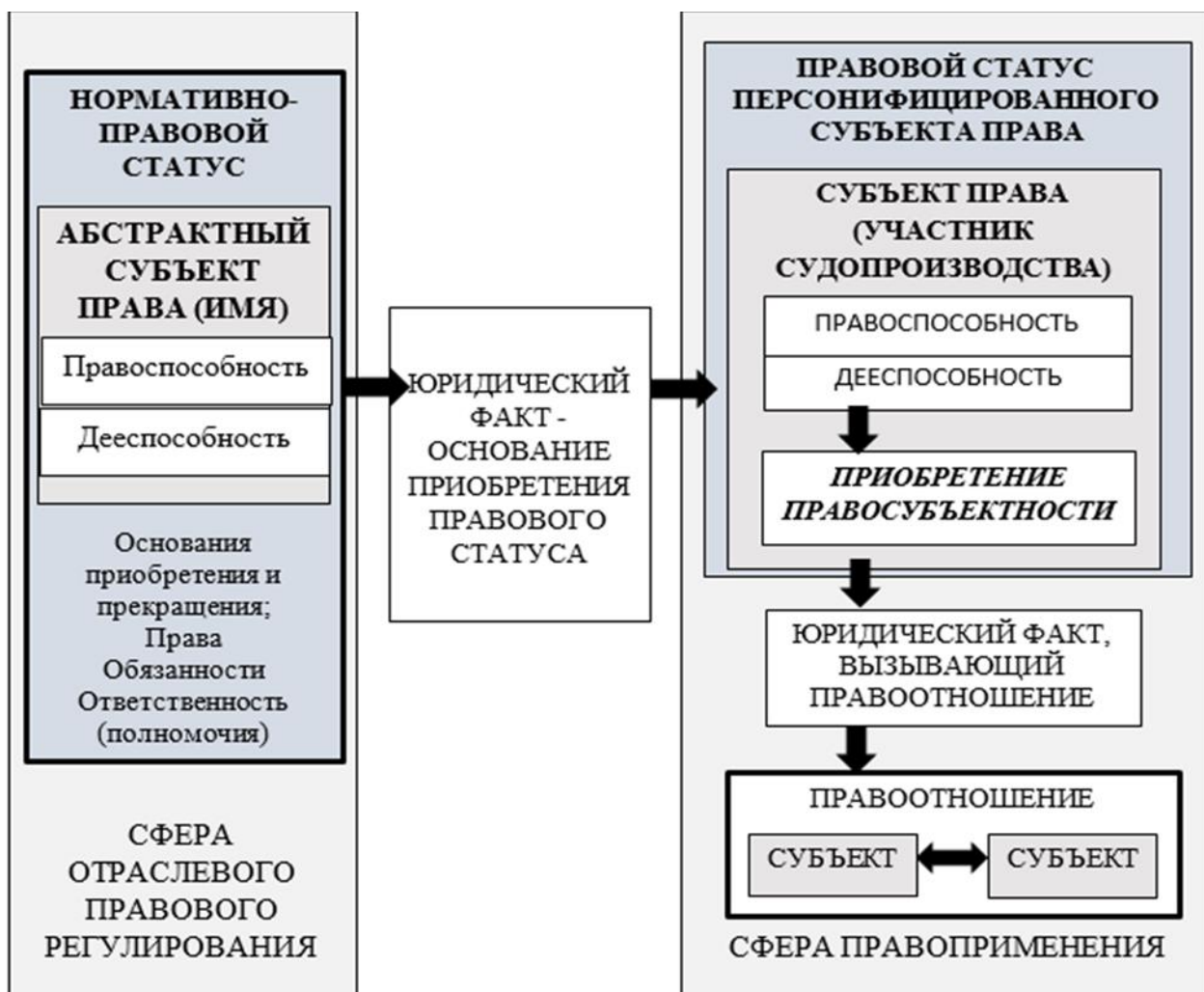


Рисунок 1 - Процесс трансформации субъекта права в участника правоотношения

Представленная схема показывает, что нормативно-правовой статус субъекта уголовно-процессуального права имеет методологическое значение, влияющее на содержание и порядок формирования правосубъектности участников, вовлеченных в уголовное судопроизводство, ведь как справедливо отметил И.Л. Честнов «именно субъект права конструирует правовую систему и воспроизводит ее своими практиками»⁶¹.

Однако обозначенная модель не может быть применима к государственно-властным субъектам, ведущим производство по уголовному делу - дознавателю, следователю и суду (судье). Основная причина в том, что

⁶¹ Честнов И. Л. Субъект права: дополнительность правового статуса и правовой идентичности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 2. С. 5–11.

данные субъекты становятся участниками уголовного судопроизводства не случайно, а на профессиональной основе, приобретая процессуальную правоспособность (способность быть носителем процессуальных полномочий) как правило посредством замещения соответствующей государственной должности, т.е. вне уголовного процесса. Получение должностного статуса означает, что лицо является носителем соответствующих полномочий и способно осуществлять расследование преступлений или разрешение уголовных дел. Однако самостоятельно применить свои способности должностное лицо не может в связи с отсутствием уголовно-процессуальной дееспособности. Получение уголовно-процессуальной дееспособности, и как следствие приобретение должностным лицом процессуальной правосубъектности происходит при наличии соответствующих оснований и только в рамках конкретного уголовного дела. Если уголовно-процессуальная правоспособность – постоянная величина, сопровождающая должностной статус лица, то его уголовно-процессуальная дееспособность и соответственно правосубъектность - величина переменная, возникающая фрагментарно, при осуществлении производства по уголовному делу.

Следовательно, приобретение дознавателем, следователем и судом (судьей) уголовно-процессуальной правосубъектности, происходит способом, который мы обозначили как *формирование правосубъектности*. Его особенность в том, что при получении должностного статуса дознавателя, следователя или судьи лицо одновременно получает правоспособность соответствующего субъекта уголовно-процессуального права, и только через какое-то время при наличии соответствующих оснований должностное лицо наделяется уголовно-процессуальной дееспособностью и становится правосубъектным. Порядок приобретения государственно-властными субъектами уголовно-процессуальной правосубъектности рассмотрим на примере следователя.

Получение следователем уголовно-процессуального статуса органа предварительного расследования по уголовному делу невозможно без наличия у него должностного статуса сотрудника органа государственной власти; а наличие должностного статуса сотрудника органа государственной власти, например, в подразделениях Следственного комитета РФ, невозможно без подтверждения гражданином способности быть носителем определенных профессиональных знаний, а именно осуществлять производство предварительного следствия по уголовным делам. Последнее составляет содержание уголовно-процессуальной правоспособности следователя как субъекта уголовно-процессуального права. Соответственно, получая должностной статус сотрудника следственного органа на основании служебного (трудового) права⁶², гражданин одновременно подтверждает наличие уголовно-процессуальной правоспособности следователя как субъекта уголовно-процессуального права. Получение же уголовно-процессуальной дееспособности, и как следствие приобретение следователем процессуальной правосубъектности происходит позднее, когда руководитель следственного органа поручит следователю предварительное следствие по конкретному уголовному делу и следователь примет это дело к своему производству.

Как видим, формирование уголовно-процессуальной правосубъектности следователя осуществляется в два этапа:

1) на первом этапе гражданин приобретает государственно-властный должностной статус, включающий уголовно-процессуальную правоспособность следователя;

2) на втором этапе следователь наделяется уголовно-процессуальной дееспособностью для производства предварительного расследования по

⁶² О Следственном комитете Российской Федерации : Федеральный закон № 403-ФЗ : (в ред. от 14 октября 2024 года) : принят Государственной Думой 22 декабря 2010 года : одобрен Советом Федерации 24 декабря 2001 года // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108565/ (дата обращения: 20.10.2024).

конкретному уголовному делу, формируя тем самым уголовно-процессуальную правосубъектность.

Другие государственно-властные субъекты, ведущие производство по уголовному делу, такие как дознаватель, суд или судья, приобретают уголовно-процессуальную правосубъектность аналогичным способом на основании своего должностного статуса и посредством принятия уголовного дела к своему производству. Следует отметить, что их уголовно-процессуальная правосубъектность ограничена рамками уголовного дела, принятого к своему производству. Поэтому устанавливая наличие уголовно-процессуальной правосубъектности следователя, дознавателя или суда необходимо не только удостовериться в том, что данные субъекты замещают соответствующую государственную должность, но и то, что уголовное дело принято ими к своему производству в установленном законом порядке.

Соответственно, государственные должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу, являются одновременно носителями двух правовых статусов и выступают в двух ипостасях:

- 1) как субъекты служебного (трудового) права, обладающие право- и дееспособностью (должностной правосубъектностью) государственного служащего или государственного должностного лица;
- 2) как субъекты уголовно-процессуального права, формирующие уголовно-процессуальную правосубъектность поэтапно: первоначально при замещении должности получая уголовно-процессуальную правоспособность, а затем, в рамках конкретного уголовного дела – уголовно-процессуальную дееспособность.

Вызывает интерес то, что способ формирования процессуальной правосубъектности, используемый рассмотренными государственными должностными лицами нельзя применить к прокурору в связи с тем, что прокурор не осуществляет производство по уголовному делу, хотя как и следователь, дознаватель и суд участвует в уголовном судопроизводстве на профессиональной основе. Эти обстоятельства принципиально отличают

прокурора от остальных государственно-властных профессиональных участников. А учитывая, что в уголовном судопроизводстве от органов прокуратуры участвует не только прокурор, но и другие должностные лица в статусе государственного обвинителя, исследование порядка и способов приобретения ими правосубъектности вынесено в следующий параграф диссертации.

Таким образом, способы приобретения уголовно-процессуальной правосубъектности - возникновение и формирование, обусловлены статусом субъекта уголовно-процессуального права (участника уголовного судопроизводства). Уголовно-процессуальная правосубъектность вовлекаемых в уголовное судопроизводство участников, приобретается ими *в порядке возникновения* при получении статуса субъекта уголовно-процессуального права на основании решения уполномоченного должностного лица. Уголовно-процессуальная правосубъектность уполномоченных должностных лиц, обладающих государственно-властными полномочиями и осуществляющих производство по уголовному делу, приобретается поэтапно *в порядке формирования*: первоначально гражданин получает государственно-властный должностной статус и уголовно-процессуальную правоспособность участника судопроизводства; затем должностное лицо при наличии установленного законом основания наделяется уголовно-процессуальной дееспособностью, приобретая тем самым уголовно-процессуальную правосубъектность.

1.3. Приобретение правосубъектности должностными лицами органов прокуратуры

Прокурор и иные должностные лица органов прокуратуры, чья должностная правосубъектность установлена Федеральным законом о прокуратуре РФ, участвуя в уголовном судопроизводстве в качестве профессиональных участников руководствуются также положениями

уголовно-процессуального закона, т.к. согласно ст.1 УПК РФ «порядок уголовно судопроизводства на территории РФ устанавливается УПК РФ, основанным на Конституции РФ». Учитывая данные обстоятельства для обозначения правового положения прокурора и иных должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве, проанализируем статутные нормы закона о прокуратуре РФ, а также нормативные положения УПК РФ, закрепляющие основные элементы их уголовно-процессуального статуса, а именно:

- уголовно-процессуальное имя субъекта права;
- основания получения и прекращения (окончания) статуса субъекта уголовно-процессуального права;
- порядок и основания приобретения уголовно-процессуальной правосубъектности (правоспособности и дееспособности);
- перечень и содержание полномочий субъекта уголовно-процессуального права.

Федеральный закон о прокуратуре РФ всех должностных лиц органов прокуратуры называет прокурорскими работниками, понимая под этим термином прокуроров и других работников органов и организаций прокуратуры, имеющих классные чины (воинские звания). В свою очередь, среди прокурорских работников закон выделяет таких субъектов, как прокуроры (в том числе вышестоящие прокуроры), иные прокуроры и другие прокурорские работники. В соответствии со статьями 17-19 закона о прокуратуре РФ, прокуроры – это руководители органов прокуратуры, обеспечивающие их функции и полномочия: Генеральный прокурор РФ, прокуроры субъектов РФ, прокуроры городов и районов и приравненные к ним прокуроры. Наряду с пониманием прокурора как руководителя органа прокуратуры, в ст.54 закона о прокуратуре содержится более широкое толкование данного термина, применяемое в специально обозначенных законом случаях: прокурор - это «Генеральный прокурор Российской Федерации, его советники, старшие помощники, помощники и помощники по

особым поручениям, заместители Генерального прокурора Российской Федерации, их помощники по особым поручениям, заместители, старшие помощники и помощники Главного военного прокурора, все нижестоящие прокуроры, их заместители, помощники прокуроров по особым поручениям, старшие помощники и помощники прокуроров, старшие прокуроры и прокуроры управлений и отделов, действующие в пределах своей компетенции». Понятия «иных прокуроров» и «других прокурорских работников» закон не дает.

Основания получения прокурорскими работниками должностного статуса и приобретения прокурорской правосубъектности закон о прокуратуре связывает с замещением занимаемой должности. Учитывая иерархичную структуру организации органов прокуратуры, возложение функций органов прокуратуры, в том числе в сфере уголовного судопроизводства на их руководителей – прокуроров, а также строгую централизацию и подчинение нижестоящих прокуроров вышестоящим, приходим к выводу, что только прокуроры как руководители органов прокуратуры на основании своей должностной правосубъектности реализуют полномочия в пределах предмета деятельности органов прокуратуры, в том числе в сфере уголовного судопроизводства. В связи с обозначенным целесообразно всех прокурорских работников, статус которых устанавливается законом о прокуратуре, разделить на две классификационные группы, включив в первую – прокуроров как руководителей органов прокуратуры, а во вторую – прокурорских работников, или используя уголовно-процессуальную терминологию – должностных лиц органов прокуратуры.

Прокурор. В соответствии с законом о прокуратуре полномочия прокурора – руководителя органа прокуратуры являются государственно-властными, межотраслевыми, распространяется на все отношения, составляющие предмет прокурорской деятельности и не обременяются получением каких-либо дополнительных статусов, разрешений и допусков. Соответственно, прокурор как субъект, правовой статус которого установлен

законом о прокуратуре РФ, наделяется должностной универсальной правосубъектностью, достаточной для вступления в правоотношения с поднадзорными субъектами, а также в правоотношения с другими лицами, находящимися под его юрисдикцией. Такой статус освобождает прокурора от необходимости получения отраслевых правовых статусов, в том числе статуса участника уголовно-процессуального права. Не случайно правовой статус прокурора, осуществляющего государственно-властные полномочия в уголовном судопроизводстве, составляют положения, содержащиеся в законе о прокуратуре РФ (Таблица 1).

Таблица 1. Отраслевая принадлежность правового статуса прокурора

Элементы статуса прокурора	ФЗ о прокуратуре (должностной статус)	УПК РФ (процессуальный статус)
Юридическое имя субъекта права	Прокурор как руководитель органа прокуратуры (ст.ст.17-19 ФЗ)	Прокурор как руководитель органа прокуратуры (ч.5 ст.37 УПК РФ)
Основания получения и прекращения статуса	Замещение должности прокурора	- -
Основания приобретения правосубъектности	Замещение должности прокурора	- -
Содержание полномочий	Все функции и полномочия прокуратуры, в т.ч. надзор и уголовное преследование	Детализация полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве (ст.37 УПК РФ)

Проведенный анализ показал, что включение прокурора в перечень участников уголовного судопроизводства (субъектов уголовного-процессуального права) со стороны обвинения не имеет под собой достаточных правовых и логических оснований прежде всего потому, что стороны обвинения и защиты участвуют в уголовном судопроизводстве на основе состязательности и равноправия (ст.15 УПК РФ), в то время как прокурор обеспечивает реализацию двух государственно-властных функций - уголовного преследования и процессуального надзора за деятельностью органов расследования. Игнорирование данных обстоятельств приводит к диссонансу относительно понимания истинной сущности и роли прокурора в уголовном судопроизводстве.

Прокурор как субъект прокурорского права возникает и существует вне уголовного судопроизводства, именно поэтому он не осуществляет расследование преступлений и разрешение уголовных дел, составляющих содержание уголовного судопроизводства. Вопросы, составляющие предмет деятельности прокурора в уголовном процессе, обозначены законом о прокуратуре и разрешаются им на основе установленного этим же законом государственно-властного статуса руководителя органа прокуратуры. Начиная от имени субъекта «прокурор» и заканчивая его полномочиями в сфере уголовного судопроизводства - все обозначенные элементы составляют содержание должностного статуса прокурора, установленного законом о прокуратуре РФ и частично закреплённого УПК РФ.

Дублирование должностного статуса прокурора в уголовно-процессуальном законодательстве привело к тому, что противоречия, заложенные законом о прокуратуре в части определения понятия «прокурор» присутствуют и в УПК РФ. Прежде всего речь идет об узком и широком понимании данного термина. Применение расширительного толкования статуса «прокурор» ко всем должностным лицам органов прокуратуры нивелирует функциональные особенности деятельности прокурора как руководителя органа прокуратуры и делает его малопонятным для других участников уголовного процесса. Устраняя обозначенное противоречие между ч.5 ст.37 и п.31 ст.5 УПК РФ, мы склоняемся к необходимости исключения расширительного толкования понятия прокурор из законодательства. Статья ст.37 УПК РФ детализирующая полномочия прокурора как руководителя органа прокуратуры, основная задача которого – осуществление функций, возложенных на него законом о прокуратуре, должна исключать любые разночтения в понимании данного субъекта. Прокурор – это руководитель органа прокуратуры, правовой статус которого установлен законом о прокуратуре РФ и детализирован отраслевым законодательством.

Для определения содержания правосубъектности прокурора в уголовном судопроизводстве остановимся на осуществляемых им функциях:

надзор за деятельностью органов расследования и осуществление уголовного преследования. Чтобы понять правовую природу прокурорского надзора достаточно учитывать, что на прокурора возложены и другие виды надзора за исполнением законов организациями и должностными лицами, осуществляющими нормотворческую, административно-исполнительную, правоохранительную и иные виды деятельности в различных сферах общественной жизни. Хотя каждый вид прокурорского надзора выступает обособленной государственно-властной деятельностью, все они, в том числе и надзор за органами предварительного расследования, направлены на достижение единой конституционно-значимой цели – обеспечение верховенства закона, единство и укрепление законности, защиту прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства в той или иной сфере деятельности (ст.129 Конституции РФ и ст.1 ФЗ о прокуратуре). Как надзор прокурора за деятельностью органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность либо органов, исполняющих уголовное наказание, не дает оснований для отнесения деятельности прокурора к оперативно-розыскной или уголовно-исполнительной деятельности; так и надзор за органами предварительного расследования, осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность не дает оснований для отнесения прокурорского надзора к уголовному судопроизводству.

Не случайно с середины XX века ученые указывали на правовую обособленность надзора, выделяя в системе права отдельную отрасль прокурорского надзора, предмет которой составляют особые государственно-властные отношения, возникающие при организации и деятельности прокуратуры. Такие отношения, как верно отмечала С.Г. Березовская, по своей природе являются отношениями политической организации общества⁶³, что принципиально расходится с правовой природой уголовно-процессуальных

⁶³ Березовская С. Г. Сущность и основные характеристики правовых отношений в сфере прокурорского надзора // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 3. С. 122–131.

отношений. Полагаем, что именно этим объясняется попытка законодателя ограничить полномочия прокурора реформой 2007 года. И сегодня прокурорский надзор – «базовая и профильная функция» современной российской прокуратуры⁶⁴, имеющая конституционно-правовое признание, а после конституционных изменений 2020 года и важное политическое значение, что отмечается в работах авторитетных ученых: «прокуратура РФ фактически стала инструментом так называемой «президентской власти»⁶⁵. В таком качестве роль прокурора значима и равноценна во всех сферах общественной жизни, в том числе и в части надзора за органами предварительного расследования, и не может быть сведена до уровня уголовно-процессуальной деятельности.

Универсальность и высокая значимость прокурорского надзора показывают его самостоятельный, надотраслевой характер и главенствующее положение прокурора в отношениях с любыми поднадзорными органами, в том числе с органами предварительного расследования. Надзирающий прокурор организационно и предметно дистанцирован от поднадзорных субъектов и их деятельности, и в этом качестве не может рассматриваться в единой связке с участником поднадзорной деятельности. Не случайно в законе о прокуратуре (ч.2 ст.26) указано, что при осуществлении надзора за соблюдением прав и свобод человека органы прокуратуры не вмешиваются в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорной организации. Надзор прокурора – это всегда «взгляд со стороны», что придает объективность и непредвзятость прокурорской деятельности. Следовательно, если предварительное расследование как уголовно-процессуальная деятельность, составляет предмет прокурорского надзора, то осуществляемый прокурором надзор всегда будет находиться за пределами этой процессуальной деятельности, и в этом смысле не является уголовно-процессуальным.

⁶⁴ Рябцев В. П., Алексеев А. И., Бессарабов В. Г. Роль и место органов прокуратуры в системе государственных институтов Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 3. С. 202–211.

⁶⁵ Винокуров А. Ю. Поправки к Конституции Российской Федерации в контексте закрепления статусных положений о прокуратуре // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 31.

Следующий аргумент, подтверждающий вывод о надотраслевом характере деятельности прокурора заключается в том, что прокурору для осуществления надзора за органами предварительного расследования не требуется получения дополнительного уголовно-процессуального статуса. Как показано выше, полномочия прокурора, реализуемые им в сфере уголовного судопроизводства производны от замещаемой им должности руководителя органа прокуратуры и охватываются его должностной правосубъектностью. Можно сказать, что должностная правосубъектность прокурора-руководителя исключает приобретение им отраслевой процессуальной правосубъектности – уголовно-процессуальной, гражданско-процессуальной или другой. Именно поэтому в УПК РФ отсутствуют основания как для получения прокурором процессуального статуса, так и для его прекращения. Соответственно прокурор, осуществляющий процессуальный надзор, выступает не как субъект уголовно-процессуального права, а как субъект прокурорского права или права прокурорского надзора, т.е. должностное лицо, обладающее государственно-властными и организационно-распорядительными полномочиями в отношении любого поднадзорного субъекта.

Следовательно, участие прокурора в качестве надзирающего субъекта в отношениях с органами расследования, расположенными в границах его территориальной юрисдикции, охватывается должностной правосубъектностью прокурора, которая постоянна и универсальна в течение всего срока замещения им должности. В этом смысле большая часть содержания ст.37 УПК РФ «Прокурор», регламентирующая надзорные полномочия прокурора, не только не соответствует названию главы 6 УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения», но и не связана непосредственно с целями и задачами уголовного судопроизводства. Поэтому полномочия прокурора, надзирающего за деятельностью органов предварительного расследования в соответствии со ст.129 Конституции РФ и Федеральным законом о прокуратуре должны регламентироваться не УПК

РФ, а статьями 29 и 30 Закона о прокуратуре РФ, закрепляющими данный вид надзора.

Помимо надзора за деятельностью органов расследования на прокурора – руководителя органа прокуратуры в соответствии с Конституцией РФ и законом о прокуратуре РФ возложена также функция уголовного преследования (обвинения), что, как мы предполагаем и предопределило отнесение прокурора к участникам стороны обвинения и его признание в качестве субъекта уголовно-процессуального права. Однако, допускаемые законодателем в статьях УПК РФ терминологические различия в использовании понятий «обвинение» и «уголовное преследование», на что справедливо обратила внимание Н.С. Манова⁶⁶, вносят путаницу не только в функциональную характеристику уголовного процесса, но и в содержание процессуальных статусов субъектов уголовно-процессуального права, задействованных в осуществлении уголовного преследования от имени государства – прокурора и органов предварительного расследования.

Детализация уголовного преследования в УПК РФ не дает однозначного понимания как о роли органов предварительного расследования, за которыми закрепляются полномочия по производству предварительного следствия или дознания, так и о роли прокурора в осуществлении данной функции. Регламентируя полномочия прокурора по осуществлению функции уголовного преследования (обвинения), УПК РФ возлагает на него лишь поддержание государственного обвинения в суде. Соответственно прокурор при осуществлении полномочий государственного обвинителя теряет свои государственно-властные полномочия и участвует в судебном заседании в условиях состязательности и равноправия со стороной защиты. Это означает, что при поддержании прокурором государственного обвинения в судебном разбирательстве уголовного дела должностная правосубъектность прокурора позволяет ему самостоятельно изменять свой должностной статус на статус

⁶⁶ Манова Н. С. Обвинение: научный дискурс и проблемы законодательного закрепления // Правовая парадигма. 2024. Т. 23, № 3. С. 21–30.

государственного обвинителя. Никаких других полномочий прокурора, составляющих содержание функции уголовного преследования, закон не указывает. Поэтому обстоятельный анализ содержания правосубъектности прокурора в части полномочий, относимых к данной функции, будет предпринят в следующем параграфе.

Наряду с прокурором – руководителем органа прокуратуры, УПК РФ упоминает вышестоящего прокурора, осуществляющего ряд полномочий. В тексте УПК данное лицо упоминается 18 раз в двух контекстах, а именно: 1) как руководитель прокурора (ч.5 ст. 37, ч.4 ст. 41, ч.1 ст.66 УПК РФ и др.); 2) как руководитель государственного обвинителя (ч.2 ст.258, ч.1 ст.389.1 УПК РФ). В связи с этим, в уголовно-процессуальной литературе отмечено, что «употребление в законе понятия "вышестоящий прокурор" относится не только к руководителю соответствующей прокуратуры, но и к любому оперативному работнику аппарата данной прокуратуры»⁶⁷. В большинстве случаев вышестоящий прокурор, используя должностной статус прокурора, вступает в отношения с участниками уголовного судопроизводства на основе должностной правосубъектности. Исключение составляет ст.389.1 УПК РФ, наделяющая вышестоящего прокурора полномочиями на принесение апелляционного представления и вступление в апелляционное производство в качестве государственного обвинителя, участника судебного заседания по апелляционному пересмотру уголовного дела. Здесь, как видим, статус вышестоящего прокурора совпадает со статусом прокурора - руководителя органа прокуратуры, который затем трансформируется в статус государственного обвинителя. Учитывая отмеченную многозначность следует согласиться с А.Г. Халиулиным о необходимости «более четко закрепить полномочия прокуроров различных уровней непосредственно в уголовно-процессуальном законодательстве»⁶⁸.

⁶⁷ Крюков В. Ф. Уголовное преследование в судебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора. Курск, 2010. С. 37.

⁶⁸ Халиулин А. Г. Понятия «прокурор» и «вышестоящий прокурор» в досудебном производстве по уголовным делам // Законность. 2014. № 1. С. 43–46.

Следовательно, прокурор как субъект прокурорского права, обозначенный федеральным законом о прокуратуре РФ, осуществляя в сфере уголовного судопроизводства свои должностные полномочия по надзору за деятельностью органов предварительного расследования и осуществлению уголовного преследования, действует на основании должностной правосубъектности, возникающей в связи с получением должностного статуса прокурора и не принимает на себя статус субъекта уголовно-процессуального права. Соответственно осуществляемая прокурором в сфере уголовного процесса правосубъектность всегда имеет должностной характер и возникает одновременно с замещением государственной должности прокурора.

Должностные лица органов прокуратуры. Другие прокурорские работники полномочиями прокурора не обладают, их должностная правосубъектность недостаточна для самостоятельной реализации функций и полномочий органов прокуратуры, поэтому для участия в уголовном судопроизводстве они должны получить соответствующий уголовно-процессуальный статус. Как и у других профессиональных участников судопроизводства, должностной статус прокурорских работников является основанием для появления уголовно-процессуальной правоспособности, позволяющей в дальнейшем получать и процессуальную дееспособность (правосубъектность), а затем вступать в уголовно-процессуальные правоотношения в статусе субъекта уголовно-процессуального права. Действующим законом, помимо ст.37 УПК РФ, закрепляющей полномочия прокурора как руководителя органа прокуратуры, предусмотрено два уголовно-процессуальных статуса должностных лиц органов прокуратуры: государственный обвинитель (п.6 ст.5) и прокурор в широком смысле (п.31 ст.5). Соответственно, содержание должностного и процессуальных статусов прокурорских работников составляют следующие элементы (Таблица 2):

Таблица 2. Отраслевая принадлежность правового статуса прокурорских работников

Элементы статуса прокурорских работников	ФЗ о прокуратуре (должностной статус)	УПК РФ (процессуальный статус)
Юридическое имя субъекта права	Прокурорский работник	Государственный обвинитель; Прокурор в широком смысле
Основания получения и прекращения статуса	Замещение должности в органах прокуратуры	Поручение прокурора
Основания приобретения правосубъектности	Замещение должности в органах прокуратуры	Поручение прокурора
Содержание полномочий	Исполнение поручений прокурора	Поддержание государственного обвинения (ст.246 УПК РФ); участие в судебных заседаниях (ст.108, 125, 165 УПК РФ)

Наибольшую регламентацию в уголовно-процессуальном законодательстве получил статус прокурорского работника в качестве государственного обвинителя. Наименование данного субъекта уголовно-процессуального права и его деятельность уникальны в том смысле, что как субъект права государственный обвинитель действует только в уголовном судопроизводстве. Учитывая, что реализация обвинительной функции требует значительных кадровых ресурсов, законодатель в п. 6 ст. 5 УПК РФ, закрепляет широкий круг должностных лиц органов прокуратуры, уполномоченных на получение уголовно-процессуального статуса государственного обвинителя. Проблема, однако в том, что эти же должностные лица указываются в п.31 ст.5 УПК РФ, но уже в статусе «прокурора», вступая тем самым в противоречие со ст.37 УПК РФ. Такая двойственность в наименовании государственных обвинителей привела к тому, что в тексте УПК РФ вместо государственного обвинителя часто можно встретить термин «прокурор» (например, ст.246 УПК РФ). Одна из причин такого противоречивого нормирования вызвана в том числе положениями ст.54 закона о прокуратуре, распространяющими отдельные полномочия

прокурора на прокурорских работников. Речь идет о таких полномочиях, как например, п.3 ст.3 – участие в рассмотрении дел судами и опротестование судебных решений; п.3 ст.4 – запрет на участие в выборных органах и т.д.

На первый взгляд проблема дуализма должностного и уголовно-процессуального статуса прокурорского работника в статусе государственного обвинителя разрешена: должностной статус работника, установленный законом о прокуратуре выступает основанием для возникновения уголовно-процессуальной правоспособности государственного обвинителя. Однако порядок получения процессуальной дееспособности и как следствие формирование уголовно-процессуальной правосубъектности государственного обвинителя остается вне правового поля. Как следствие, не обозначены в УПК РФ основания и порядок приобретения государственным обвинителем уголовно-процессуальной правосубъектности. Часть 2 ст.246 УПК РФ предусматривает лишь обязательное участие государственного обвинителя в судебном разбирательстве уголовных дел, что устанавливает границы его деятельности. Государственный обвинитель вступает в уголовный процесс в начале судебного разбирательства уголовного дела по первой инстанции, а если быть точнее – в подготовительной части судебного заседания, т.к. согласно ч.1 ст. 266 УПК РФ председательствующий открывает судебное заседание и объявляет какое дело подлежит разбирательству и в каком составе. Соответственно, другие участники судебного разбирательства получают сведения о государственном обвинителе только на этом этапе. Удивительно, но на стадии подготовки к судебному заседанию, в том числе при проведении предварительного слушания, от органов прокуратуры действует прокурор, а не государственный обвинитель.

Несколько больше информации о гособвинителе можно найти в ведомственных актах Генерального прокурора. Так, согласно Приказу

Генерального прокурора № 376⁶⁹, прокуроры должны назначать государственных обвинителей из числа подчиненных сотрудников заблаговременно, посредством составления в письменной форме поручения о поддержании обвинения, при этом исключать возможность выбора ими уголовных дел. УПК РФ не предусматривает вынесения такого поручения, поэтому его процессуальное значение ничтожно, оно имеет лишь оперативно-служебный характер. Вместе с тем, полагаем целесообразным придать поручению прокурора процессуальный характер и рассматривать его по аналогии с ордером адвоката (ч.4 ст.49 УПК РФ), который предъявляется при вступлении в производство по уголовному делу. Возможны и другие варианты, например, в виде надписи прокурора на утвержденном обвинительном заключении, с указанием ФИО государственного обвинителя; либо вынесение акта о принятии поручения прокурора по поддержанию государственного обвинения и т.д. В любом случае УПК РФ должен указать основание приобретения статуса государственным обвинителем и момент его появления.

Учитывая требование Генерального прокурора РФ о заблаговременном назначении государственных обвинителей для подготовки к судебному разбирательству, полагаем целесообразным принятие прокурором решения о назначении гособвинителя одновременно с утверждением обвинительного заключения (акта, постановления). Определение момента вступления в судопроизводство одного из основных участников важно не только для суда, но и для участников сторон обвинения и защиты, у которых еще до начала судебного разбирательства появляется возможность реализовать право на отвод государственного обвинителя.

Следующая проблема в правовом оформлении уголовно-процессуальной правосубъектности государственного обвинителя

⁶⁹ Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30 июня 2021 года № 376 : (в ред. от 3 июля 2024 года) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.02.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

заключается в том, что в УПК РФ не определен момент окончания статуса государственного обвинителя. Исходя из системного единства норм закона в большинстве уголовных дел правосубъектность гособвинителя завершается принесением апелляционного представления в суд первой инстанции, несмотря на то, что ст. 389.12 УПК РФ предусматривает участие государственного обвинителя в судебном заседании при рассмотрении уголовного дела в суде апелляционной инстанции. Как следует из Приказа Генерального прокурора № 376, участие государственного обвинителя в апелляционном производстве ограничивается районными судами по жалобам, представлениям на решения мирового судьи (пункт 10). В остальных апелляционных судах обвинение поддерживает не гособвинитель, а должностное лицо органа прокуратуры соответствующего уровня, т.е. прокурор в широком смысле этого термина.

Нет определенности и в количественном составе государственного обвинителя. Согласно ч.4 ст.246 УПК РФ, государственный обвинитель может быть как единичным, так и коллективным субъектом, при этом что понимать под коллективной формой участия обвинителей закон не разъясняет. Остаются без ответа и другие вопросы коллегиального участия государственных обвинителей: обязательно ли одновременное участие всех должностных лиц органов прокуратуры в судебном разбирательстве, либо их участие может быть поочередным; может ли количество гособвинителей превышать количество защитников подсудимого; какие процессуальные полномочия у руководителя и участников группы гособвинителей и т.д.

Не меньше проблем с решением вопроса о самостоятельности государственного обвинителя в принятии процессуальных решений и определением полномочий, составляющих его процессуальный статус: с одной стороны, в уголовном судопроизводстве гособвинитель выступает как самостоятельный субъект уголовно-процессуального права (участник судопроизводства), но с другой стороны, как прокурорский работник обладающий должностной правосубъектностью он находится в рамках

жесткой централизации и субординации со своим руководителем - прокурором, и действует в пределах данного прокурором поручения на поддержание обвинения, в связи с чем обязан поддерживать позицию прокурора.

Наряду с выявленными дефектами в оформлении правосубъектности государственного обвинителя, в процессуальной науке высказано обоснованное мнение о «появлении в уголовном процессе «новых», неизвестных действующему УПК РФ должностных лиц органов прокуратуры, процессуальный статус которых выходит за рамки статуса прокурора и государственного обвинителя»⁷⁰. В качестве таких новых субъектов В.А. Лазарева и С.И. Вершинина называют вышестоящего прокурора и иных прокуроров, понимаемых в широком смысле, осуществляющих свои полномочия в судебных заседаниях, не связанных с рассмотрением уголовного дела по существу обвинения.

Действительно, правовые статусы «прокурор» и «гособвинитель» не могут применяться к должностным лицам органов прокуратуры в отношениях, возникающих при судебном рассмотрении жалоб и ходатайств в порядке ст. ст. 108, 125, 165 УПК РФ. Также следует согласиться, что помимо досудебного производства участие «прокурора в широком смысле» обязательно в судебных контрольных стадиях, в стадии исполнения приговора при рассмотрении вопросов, перечисленных в ст.397 УПК РФ, а также в судебном рассмотрении запросов о выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора. Участвуя в данных судебных заседаниях, прокурорский работник обозначаемый в УПК РФ как «прокурор в широком смысле» осуществляет полномочия, которые явно выходят за пределы функций прокурорского надзора или уголовного преследования. Соответственно возникает вопрос: какие цели и задачи стоят перед должностным лицом органа прокуратуры, участвующим в судебных заседаниях и в каком статусе он участвует?

⁷⁰ Лазарева В. А., Вершинина С. И. О процессуальном статусе должностных лиц органов прокуратуры, участвующих в уголовном судопроизводстве // Правовая парадигма. 2022. Т. 21, № 2. С. 6–10.

К сожалению, данный вопрос пока не получил своего научного обоснования. Отметим, что в указанных случаях под прокурорами понимается широкий перечень должностных лиц. Мы полагаем, что с учетом именно этой процессуальной роли дано определение понятия «прокурор» в п.31 ст.5 УПК РФ, включающем прокуроров всех уровней, их заместителей и иных должностных лиц органов прокуратуры, участвующих в уголовном судопроизводстве и наделенных соответствующими полномочиями ФЗ о прокуратуре. Если ориентироваться на данный закон, то очевидно, что в данном контексте речь идет не о прокуроре как руководителе органа прокуратуры, а прокурорских работников, подчиненных прокурору.

Определяя статус прокурорских работников, участвующих в рассматриваемых судебных заседаниях отметим, что в приказах Генерального прокурора⁷¹ наряду с прокурорами, участвующими в судебных разбирательствах по рассмотрению уголовных дел, выделяются также прокуроры, участвующие в судебных заседаниях, не связанных с осуществлением уголовного преследования. Если в первом случае речь идет о государственных обвинителях, то во втором – прокурорские работники обозначаются как «прокуроры» или «иные прокуроры». Правовая основа для разграничения статусов прокурорских работников имеется в приказах Генерального прокурора РФ, предписывающих привлекать «иных прокуроров» к участию в судебных заседаниях не связанных с судебным разбирательством⁷². Так как понятие «прокурор» уже имеет устоявшееся понимание руководителя органа прокуратуры, то в целях проводимого исследования при анализе уголовно-процессуальной правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры, участвующих по поручению

⁷¹ Приказы Генеральной прокуратуры РФ от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства»; от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»; от 19.01.2022 № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания»

⁷² См. например: Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30 июня 2021 года № 376 : (в ред. от 3 июля 2024 года) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.02.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

прокурора в судебных заседаниях в досудебном производстве, либо после вступления приговора в законную силу, считаем целесообразным ввести нового участника уголовного судопроизводства от органов прокуратуры, изменив содержание п.31 ст.5 УПК РФ, закрепив в нем понятие *представителя прокурора, понимая под ним должностных лиц органов прокуратуры (прокурорских работников), участвующих на основании поручения прокурора в судебном заседании, не связанном с осуществлением уголовного преследования.*

Отличие между прокурором, государственным обвинителем и представителем прокурора прежде всего в осуществляемых ими полномочиях. Участие представителя прокурора в судебных заседаниях не связано ни с процессуальным надзором за органами расследования, ни с обвинением или уголовным преследованием. Полагаем очевидным, что полномочия представителя прокурора находятся за пределами функции уголовного преследования, так как предмет судебных заседаний не связан с обвинением лица. Полностью исключается и функция процессуального надзора, так как на основании ст.37 УПК РФ прокурорский надзор осуществляется исключительно за органами предварительного расследования, а не в судебном заседании.

К сожалению, представителя прокурора как участник судопроизводства не обозначен в УПК РФ, хотя именно этот субъект обладает соответствующей уголовно-процессуальной правосубъектностью. В УПК РФ отсутствует не только его процессуальное имя как субъекта права (участника судопроизводства), но и не обозначен порядок получения статуса и приобретения процессуальной правосубъектности, нет ясности и в его целях и задачах. Хотя очевидно, что как профессиональный участник уголовного судопроизводства представителя прокурора, как и государственный обвинитель приобретает процессуальную правосубъектность в порядке формирования. Для решения остальных вопросов следует определиться с процессуальной функцией, которую осуществляет представитель прокурора в

судебных заседаниях, проводимых в ходе досудебного производства, либо после вступления приговора в законную силу. Этот вопрос будет рассмотрен в следующем параграфе.

Подводя итоги проведенному исследованию способов приобретения правосубъектности должностными лицами органов прокуратуры (прокурорскими работниками) отметим, что включение прокурора в перечень участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения создает иллюзию его принадлежности к субъектам уголовно-процессуального права и дезориентирует остальных участников судопроизводства относительно роли и значения деятельности прокурора в уголовном процессе. Допускаемое УПК РФ закрепление противоречивого правового статуса прокурора, представляющего его с одной стороны, как властного надзирающего субъекта, а с другой – как участника, не обладающего государственно-властными полномочиями, искажает суть как государственной надзорной деятельности, так и истинной деятельности прокурора по осуществлению уголовного преследования. Решение проблемы мы видим в законодательном разграничении и правовой регламентации принципиально различных способов приобретения правосубъектности должностными лицами органов прокуратуры для участия в уголовном судопроизводстве:

1) правосубъектность прокурора *возникает* одномоментно с получением им должностного статуса руководителя органа прокуратуры и позволяет ему участвовать в любых правоотношениях, в том числе в уголовном судопроизводстве, на основании должностного государственно-властного правового статуса;

2) иные должностные лица органов прокуратуры на основе своего должностного статуса прокурорского работника *в порядке формирования* приобретают уголовно-процессуальную правосубъектность для участия в уголовном судопроизводстве в статусе:

- а. государственного обвинителя – участника судебного разбирательства со стороны обвинения, обеспечивающего уголовное преследование (обвинение) от имени государства;
- б. представителя прокурора – участника судебного заседания, не связанного с уголовным преследованием (обвинением), проводимого вне стадии судебного разбирательства.

Потребность участия должностных лиц органов прокуратуры в уголовно-процессуальных статусах очевидна. Полагаем, при совершенствовании уголовно-процессуального законодательства указанные участники получают надлежащее правовое оформление в качестве субъектов уголовно-процессуального права, с необходимой и достаточной процессуальной правосубъектностью.

1.4. Взаимообусловленность должностного статуса прокурорских работников и их правосубъектности в уголовном судопроизводстве

Определяя правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве, мы исходим из того, что «носителями полномочий прокуратуры выступает не прокуратура РФ и даже не ее органы, а конкретные должностные лица – прокуроры»⁷³, являющиеся руководителями органов прокуратуры. Должностная правосубъектность прокуроров, основанная на Конституции и Федеральном законе «О прокуратуре РФ», позволяет им участвовать в любых правоотношениях, в том числе процессуальных, без получения дополнительного правового статуса. Указанное правило не применяется к прокурорским работникам, которые для участия в уголовно-процессуальных правоотношениях должны получить необходимый уголовно-процессуальный статус, соответствующий поставленной ему задаче. Между тем, анализ способов приобретения

⁷³ Винокуров А. Ю. О новеллах в Конституции Российской Федерации, затрагивающих статус прокуратуры // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2014. № 7–8. С. 22.

правосубъектности различными прокурорскими работниками выявил закономерность – должностной статус прокурорского работника обуславливает вид и содержание приобретаемой им правосубъектности. Чтобы раскрыть данную закономерность, проведем анализ деятельности прокурорских работников в уголовном судопроизводстве.

Мы согласны с общепризнанным в уголовно-процессуальной науке мнением, что формы участия должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве и их полномочия обусловлены реализуемыми ими функциями. По авторитетному мнению ученых на сегодняшний день «с уверенностью можно сделать только один вывод: нет единообразного подхода к системе, структуре, содержанию функций прокуратуры, их количеству, способам отграничения от иных правовых категорий, нет единства в терминологии»⁷⁴. Сложившаяся ситуация безусловно отражается и на исследованиях функциональных направлений деятельности прокурора в уголовном процессе. Именно поэтому проблема соотношения функций прокурора и его полномочий в уголовном судопроизводстве постоянно находится в центре внимания процессуалистов⁷⁵, хотя единого мнения до сих пор не выработано.

В большинстве случаев ученые исходят из наличия двух, указанных в ч. 1 ст. 37 УПК РФ, процессуальных функций прокурора – уголовного преследования (обвинения) и процессуального надзора. При этом высказываются мнения о необходимости объединения или соподчинения функций надзора и обвинения, в рамках которого, по мнению одних, главенствующая роль должна отводиться функции обвинения⁷⁶ или

⁷⁴ Евдокимов В. Б., Игонина Н. А. Конституционная модернизация и прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 12. С. 157–170.

⁷⁵ См.: Алиев Р. А. Функции и полномочия прокурора в уголовном процессе России // Закон и право. 2021. № 2. С. 104–105 ; Кукса П. А. О функциях прокурора в уголовном судопроизводстве // Уголовная юстиция. 2021. № 17. С. 54–57 ; Анисимов Г. Г. Проблемы реализации прокурором функции уголовного преследования // Законность. 2019. № 9. С. 15–18 и др.

⁷⁶ Деришев Ю. В. Уголовное досудебное производство: проблемы и пути реформирования // Уголовное право. 2005. № 1. С. 81–83.

уголовного преследования⁷⁷, по мнению других – процессуальному надзору⁷⁸. Наряду с этим выделяют и такие функции прокурора, как борьба с преступностью⁷⁹, оказание правовой помощи⁸⁰, осуществление правозащитной деятельности⁸¹, руководство предварительным расследованием⁸² и т. д. Если правозащитная и руководящая функции прокурора, на наш взгляд имеют связь с уголовным процессом, то борьба с преступностью для уголовно-процессуальной деятельности в принципе чужеродна, т.к. борьба с преступностью предполагает активные действия, направленные на предупреждение либо прекращение преступления, что для совершенного преступления не актуально: деяние уже осуществилось, необходимо не бороться с ним, а установить виновное лицо и привлечь его к уголовной ответственности. Следует согласиться с модификацией функции руководства предварительным расследованием, на которую указала Н.С.Манова отметив, что в современной правоприменительной практике продолжает существовать прокурорское руководство досудебным уголовным преследованием, но уже как «теневая практика» прокурора⁸³.

Обозначенные разночтения в определении функций прокурора привели к неопределенности его статуса в уголовном судопроизводстве. Являясь по

⁷⁷ Лазарева В. А. Взаимодействие следователя, руководителя следственного органа и прокурора при возбуждении и осуществлении уголовного преследования // Правовая парадигма. 2021. Т. 20, № 2. С. 41–48 ; Рябинина Т. К. О функциях прокурора в уголовном процессе: дискуссия продолжается // Уголовное судопроизводство. 2007. № 2. С. 18–25.

⁷⁸ Халиулин А. Г. Уголовно-процессуальное законодательство России о деятельности прокурора // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 3. С. 84–96.

⁷⁹ Тушев А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации: система функций и полномочий : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 11.

⁸⁰ Фадеев П. В. Теоретические основы правовой помощи участникам уголовного судопроизводства. Москва : Юрлитинформ, 2014. 278, [1] с.

⁸¹ Камчатов К. В. Тимошенко А. А. Деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве: оценка эффективности // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 29–33 ; Татьяна Л. Г. Виды деятельности прокурора в уголовном процессе России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 3. С. 30–33;

⁸² Кругликов А. П., Бирюкова И. А. Процессуальное руководство прокурором уголовным преследованием от имени государства – принцип уголовного судопроизводства // Законность. 2019. № 2. С. 38–42 ; Володина Л. М. Назначение, функции и задачи уголовного судопроизводства // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2-2. С. 14–18 ; Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. Москва : Норма [и др.], 2013. 191 с.

⁸³ Манова Н. С. Модель деятельности прокурора как основа реформирования уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности / Кубанский государственный университет ; редкол.: В. А. Семенцов (отв. ред.) [и др.]. Краснодар, 2022. Ч. 1. С. 337–345.

закону участником стороны обвинения, прокурор тем не менее на досудебном производстве осуществляет полномочия, не связанные непосредственно с обвинительной деятельностью, а в судебном производстве его полномочия хотя и связаны с уголовным преследованием, но осуществляются им как правило опосредовано, через подчиненного прокурорского работника – государственного обвинителя и допускают возможность отказа от обвинения.⁸⁴ Чтобы разобраться в этом вопросе рассмотрим функции прокурора в уголовном судопроизводстве как систему взаимосвязанных и взаимообусловленных видов деятельности должностных лиц органов прокуратуры, направленных на достижение целей уголовного судопроизводства. Под функциями прокурора мы понимаем его назначение, роль, направления деятельности и полномочия. За основу возьмем направления деятельности прокурора, указанные в ч.1 ст.37 УПК РФ и рассмотрим их во взаимосвязи с целями уголовного судопроизводства и предоставленными полномочиями.

Надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. Сразу отметим, что в соответствии с ФЗ о прокуратуре и УПК РФ, рассматриваемая функция осуществляется только руководителями органов прокуратуры и их заместителями. Предмет надзора в соответствии со ст.29 ФЗ о прокуратуре составляет «соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения сообщений о преступлениях, выполнения оперативно-розыскных мероприятий и расследования, а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие». Исходя из предмета целью прокурорского надзора в уголовном процессе, как и в других сферах деятельности, является «обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности,

⁸⁴ Забурдаева, К. А. Об уголовно-процессуальных функциях прокурора / К. А. Забурдаева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2022. – № 3(50). – С. 5-10.

защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства» (ст.1 закона о прокуратуре РФ).

Обозначенные таким образом цели и предмет надзора выходят за границы уголовного судопроизводства, показывают универсальный, надпроцессуальный характер прокурорской функции и позволяют говорить не столько о надзоре за процессуальной деятельностью органов расследования, сколько о надзоре в целом за деятельностью органов расследования. Ведь прокурор осуществляет данную функцию даже тогда, когда материалы проверки по сообщению о преступлении не приводят к возбуждению уголовного дела и началу процессуальной деятельности⁸⁵.

Подтверждает данный вывод и ч.1 ст.37 УПК РФ. Если буквально понимать ее текст, определяющий направления деятельности прокурора: «прокурор уполномочен осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия», то видно, что рамками «уголовного судопроизводства» ограничено только уголовное преследование, а процессуальный надзор выступает самостоятельным направлением деятельности прокурора, максимально «дистанцированным» от уголовного преследования⁸⁶. Именно поэтому, определяя сферу применения надзорных полномочий прокурора, мы не ограничиваемся предварительным расследованием, а говорим о досудебном производстве в целом, начиная от момента получения сообщения о преступлении.

Полномочия прокурора по надзору за органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, как следует из закона о прокуратуре (ст.30), устанавливаются уголовно-процессуальным законодательством РФ. Использование в данном случае бланкетных норм в регламентации надзорных

⁸⁵ См. например, п.1.2 Приказа Генпрокуратуры России от 17.09.2021 г. № 544 (ред. от 22.02.2023) «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия».

⁸⁶ Трухачев В. В., Ахмедов У. Н. Функции и полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве и их отражение в процессуальном статусе прокурора // Вестник Воронежского института МВД РФ. 2020. № 1. С. 195–202.

полномочий не изменяет конституционно-правовой статус прокурора как должностного лица, наделенного универсальными государственно-властными полномочиями по надзору за исполнением законов и соблюдением прав и свобод человека во всех общественно-значимых сферах жизни государства, и не придает этим полномочиям отраслевой, в данном случае судопроизводственный (уголовно-процессуальный) характер.

Важность и значимость прокурорского надзора убедительно показал Б.Я. Гаврилов, который используя статистические данные пришел к выводу, что усиление прокурорского надзора за качеством следствия «отразилось с одной стороны в увеличении количества уголовных дел, возвращенных прокурором для производства дополнительного расследования следователями ОВД почти в два раза и следователями СК РФ более чем в четыре раза, что обеспечило значительное снижение количества уголовных дел, возвращенных судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ»⁸⁷. Прокурорский надзор будет эффективным только если он обособлен от деятельности поднадзорного субъекта, не направлен с достижением целей поднадзорного и представляет собой «взгляд со стороны» на деятельность субъекта, организационно обособленного от органа прокуратуры. В данном случае надзор на осуществляемым следователем и дознавателем предварительным следствием или дознанием, свидетельствует об обособленности прокурорского надзора от процессуальной деятельности, осуществляемой органами предварительного расследования.

Мы специально не рассматриваем различия в объеме процессуальных полномочий прокурора, обусловленные формой расследования – дознанием и предварительным следствием. Полагаем, что правы те авторы, которые предлагают устранить существующее «двойственное положение прокурора, обусловленное разным объемом надзорных полномочий по отношению к

⁸⁷ Гаврилов Б. Я. Прокурор в современном уголовном производстве: позиция ученого и мнение правоприменителя // Российская юстиция. 2020. № 3. С. 33–39.

органам дознания и органам предварительного следствия»⁸⁸. Действительно, в досудебном производстве объем надзорных полномочий прокурора должен быть обусловлен не формой расследования, а необходимостью соблюдения порядка уголовного судопроизводства и защитой прав и свобод участников судопроизводства прежде всего при производстве предварительного расследования.

Таким образом, названная в ч.1 ст.37 УПК РФ функция прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия в буквальном понимании этого термина не является процессуальной, она имеет внешний надпроцессуальный характер, т.к. распространяется на всю деятельность органов расследования в досудебной части уголовного процесса, осуществляется исключительно прокурором как руководителем органа прокуратуры и не может делегироваться подчиненным работникам. Соответственно, приобретаемая прокурором правосубъектность по реализации данной функции всегда будет иметь исключительный государственно-властный характер.

Уголовное преследование. К сожалению Федеральный закон «О прокуратуре РФ» закрепляя за органами прокуратуры функцию уголовного преследования не дает ясности в понимании роли прокурора и прокурорских работников в ее осуществлении. В соответствии с ч. 2 ст. 1 закона, прокуратура РФ осуществляет уголовное преследование в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством. Основанный на принципах состязательности и публичности российский уголовный процесс возлагает осуществление уголовного преследования на прокурора, и соответственно отводит ему место в системе участников стороны обвинения. Однако дать однозначный ответ на основании УПК РФ, какие полномочия из предусмотренных кодексом составляют содержание функции уголовного преследования, а какие осуществляются в рамках процессуального надзора,

⁸⁸ Буланова Н. В. Прокурор в уголовном судопроизводстве: пути совершенствования процессуального статуса // Уголовное право. 2017. № 4. С. 33–36.

также возложенного на прокурора, достаточно сложно. Как следствие уголовное преследование отдельными авторами понимается как «суррогатное словообразование, нелепо отображающее всем известную и всеми отвергнутую функцию расследования»⁸⁹.

Взяв за основу нормативное понятие и содержание уголовного преследования (п.55 ст.5 УПК РФ) как процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, очевидно, что указанная деятельность в досудебном производстве осуществляется не прокурором, а исключительно органами расследования. Помимо отсутствия поисковых элементов в прокурорских полномочиях в досудебном производстве, его «включение» в производство по уголовному делу в этой части уголовного судопроизводства осуществляется фрагментарно, в рамках надзора за отдельными действиями и решениями органов предварительного расследования.

К аналогичному выводу приходим, если посмотреть на проблему определения «вклада» прокурора и прокурорских работников в осуществление уголовного преследования в досудебном производстве в аспекте полномочий, обозначенных ч. 2 ст. 37 УПК РФ. Исходя из представленной выше законодательной дефиниции уголовного преследования (п. 55 ст. 5 УПК РФ), можно констатировать, что ни одно из указанных в данной статье полномочий не связано напрямую с изобличением, так как не предусматривает каких-либо поисковых, познавательных или доказательных действий, но отдельные полномочия позволяют прокурору участвовать в формировании будущего обвинения, например, участие в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Проблема также в том, что, закрепив за прокурором функцию уголовного преследования (обвинения), закон оставляет без внимания то, что

⁸⁹ Бажанов С. В. К вопросу о состоятельности функции уголовного преследования вообще и функции прокурорского уголовного преследования в частности // Российская юстиция. 2017. № 4. С. 55.

в досудебном производстве указанная функция реализуется также и другими государственно-властными субъектами – органами расследования. Полагаем очевидным, что если цель уголовного преследования достигнута - лицо установлено и изобличено, т. е. органом расследования собраны достаточные доказательства, свидетельствующие о причастности лица к преступлению, то завершается не только предварительное расследование, но также должно завершаться и уголовное преследование, которое орган расследования обеспечил. В этом смысле дальнейшая процессуальная деятельность прокурора по утверждению обвинительного заключения, акта, постановления и формированию государственного обвинения явно выходит за пределы нормативной дефиниции уголовного преследования, т.к. эта деятельность отличается не только по содержанию, но и по целям ее осуществления.

Если же содержание уголовного преследования, осуществляемого прокурором рассматривать исключительно в контексте деятельности, обозначенной ч.3 ст.37 УПК РФ – поддержание государственного обвинения, то роль прокурора в осуществлении уголовного преследования ограничивается лишь утверждением государственного обвинения при окончании досудебного производства, а субъектом уполномоченным на поддержание государственного обвинения будет уже не прокурор, а уполномоченное им должностное лицо либо он сам в статусе государственного обвинителя, поддерживающего обвинение в суде. Помимо этого, в данном контексте поддержание обвинения имеет иное содержание, противоречащее установленному в п.55 ст.5 УПК РФ, а именно, оно понимается не как поиск и установление виновного лица, посредством собирания доказательств, а как деятельность по доказыванию (обоснованию) суду уже установленной органами расследования и утвержденной прокурором виновности лица.

С учетом сказанного мы приходим к выводу о закреплении в УПК РФ двух взаимоисключающих понятий уголовного преследования, в каждом из которых роль и полномочия прокурора и прокурорских работников различны:

1) Уголовное преследование, по смыслу, придаваемому п.55 ст.5 УПК РФ как процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, начинается и проводится следователем, дознавателем в форме предварительного расследования и завершается составлением обвинительного заключения (ст. 215), обвинительного акта (ст. 225) или обвинительного постановления (ст. 226.7), утверждаемого прокурором – руководителем органа прокуратуры.

К моменту окончания предварительного расследования собирается достаточная доказательственная база для изобличения (установления) лица и обоснования его виновности в совершенном преступлении. Утверждая итоги предварительного расследования, прокурор соглашается, что органом расследования достигнута стоящая перед ним цель: виновное лицо установлено и изобличено, а собранные доказательства достаточны для обоснования перед судом виновности лица и привлечения его к уголовной ответственности⁹⁰. При таком подходе роль прокурора в досудебном производстве проявляется не в том, чтобы внести свой вклад в процесс изобличения лица, а в том, чтобы объективно и непредвзято проверить, насколько законно и обоснованно орган расследования реализовал свои полномочия по предварительному расследованию/уголовному преследованию и на этой основе утвердить, или даже сформировать государственное обвинение. Другие должностные лица органов прокуратуры такими полномочиями не обладают, их полномочия в реализации данной функции связаны лишь с поддержанием государственного обвинения в судебном разбирательстве.

Сказанное означает, что от органов прокуратуры в осуществлении уголовного преследования в досудебном производстве действует единственный субъект – прокурор, на которого возложена двуединая задача: с

⁹⁰ Забурдаева, К. А. Об уголовно-процессуальных функциях прокурора / К. А. Забурдаева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2022. – № 3(50). – С. 5-10.

одной стороны, обеспечить законность деятельности органов расследования и ее результатов, посредством осуществления прокурорского надзора; с другой стороны, при установлении оснований для применения уголовного закона утвердить обвинительный акт органа расследования, сформировав тем самым государственное обвинение и направить его в суд.

2) Если же уголовное преследование рассматривать в контексте обвинения как утверждение о совершении лицом преступления, выдвинутое в установленном порядке (п.22 ст. 5 УПК РФ), то цели и содержание этой деятельности явно выходят за рамки предварительного расследования, и в целом досудебного производства. При таком подходе очевидно несовпадение смыслов «уголовного преследования» по п.55 ст.5 УПК РФ и обвинения, составляющего содержание ст.15 УПК РФ, в поддержание которого вовлекаются прокурорские работники в статусе государственного обвинителя, обладающего соответствующей уголовно-процессуальной правосубъектностью.

Представленная в УПК РФ двойственность в понимании уголовного преследования не позволяет четко обозначить правосубъектность прокурора и иных прокурорских работников. Отсутствие в уголовно-процессуальной науке единого подхода к определению природы уголовного преследования⁹¹, создает закономерные трудности при его понимании, правовой регламентации и дальнейшем применении субъектами, наделёнными такими полномочиями. Проанализировав различные подходы к пониманию уголовного преследования начиная от Устава уголовного судопроизводства 1864 г., закрепившего понятие уголовного преследования в узком (преследование лица) и широком (преследование преступления) смысле⁹², и завершая классическим определением уголовного преследования, сформулированного М.С. Строговичем, как «сложной системы действий, заключающейся в

⁹¹ Османова Н. В. Основы построения концепции уголовного преследования и его начала // Российский следователь. 2021. № 4. С. 59–61.

⁹² См.: Назаров С. Н. Исторические основы понятия «уголовное преследование» // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 1. С. 47–52.

собрании доказательств, изобличающих обвиняемого, применении принудительных мер, служащих цели изобличения обвиняемого, привлечении к уголовной ответственности, применении мер пресечения, действиях прокурора по обоснованию обвинения перед судом»⁹³ положенным в основу современного понимания уголовного преследования, мы исходим из следующего:

- 1) уголовному преследованию подлежат лица, обвиняемые (подозреваемые) в совершении преступления;
- 2) деяние может быть квалифицировано как преступление после установления всех обстоятельств совершенного деяния;
- 3) обстоятельства совершенного деяния, в том числе образующие состав преступления, устанавливаются в ходе предварительного расследования.

Следуя законам логики, уголовному преследованию обвиняемого хронологически предшествует деятельность по установления обстоятельств совершенного им деяния: нельзя обвинять, если нет уверенности что совершено преступление. Поэтому следователь, как верно отметил А.Г. Халиулин, «создает предпосылки и готовит материалы, на основании которых прокурор осуществляет уголовное преследование перед судом»⁹⁴.

В российском уголовном процессе установление обстоятельств совершенного преступления осуществляется в форме предварительного расследования, целью которого является установление деяния, запрещенного УК РФ посредством собирания доказательств, в том числе изобличающих обвиняемого в совершении преступления. Вместе с тем не всегда предварительное расследование завершается составлением обвинительного заключения, акта, постановления, что свидетельствует не столько об обвинительном характере расследования, сколько об исследовательском,

⁹³ Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. Москва : Издательство АН СССР, 1951. С. 56.

⁹⁴ Халиулин А. Г. Участие прокурора в осуществлении правосудия по уголовным делам // Прокуратура: история и современность – 300 лет прокуратуре России (Сухаревские чтения) / Университет прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. О. С. Капинус ; науч. редактирование А. Ю. Винокурова ; сост.: И. А. Васькина [и др.]. Москва, 2022. С. 26–29.

познавательном. В этой связи уместно вспомнить классиков российского уголовного процесса, выдвигавших тезис о необходимости выделения в досудебном производстве самостоятельной процессуальной функции предварительного расследования⁹⁵, осуществляемой органами расследования под надзором прокурора.

Исключая органы расследования из круга субъектов, обеспечивающих уголовное преследование, логично возложить ее осуществление на прокурора и прокурорских работников, действующих в уголовном судопроизводстве на основании поручения прокурора. В таком понимании уголовного преследования отчетливо выделяются полномочия прокурора по утверждению государственного обвинения на основании результатов предварительного расследования, и полномочия прокурорских работников в статусе государственных обвинителей по поддержанию государственного обвинения в судебном разбирательстве. В совокупности полномочия по осуществлению уголовного преследования в уголовном судопроизводстве должны распределяться между прокурором, действующим на основании своей должностной правосубъектности в досудебном производстве, и прокурорскими работниками, действующими в уголовно-процессуальном статусе государственного обвинителя в судебном производстве.

Содержание и цели должностных лиц органов прокуратуры при реализации функции уголовного преследования в предлагаемом понимании обусловлены целями, стоящими перед прокурором в соответствии с Конституцией РФ и законом о прокуратуре, а пределы ее осуществления ограничиваются уголовным судопроизводством, на что справедливо указывают Н.Н. Ковтун⁹⁶ и Н.Ю. Решетова⁹⁷, что позволяет рассматривать

⁹⁵ Гуляев А. П. Следователь в уголовном процессе. Москва : Юридическая литература, 1981. 191 с. ; Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. Москва : Норма [и др.], 2013. 191 с.

⁹⁶ Ковтун Н. Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 123–137.

⁹⁷ Решетова Н. Ю. Функции прокурора после завершения предварительного расследования и до начала судебного разбирательства уголовного дела // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 5. С. 44–50.

уголовное преследование (обвинение) как прокурорскую функцию, реализация которой осуществляется на основе должностной правосубъектности прокурора и процессуальной правосубъектности прокурорских работников. Вместе с тем вызывают интерес предложения о совершенствовании уголовно-процессуального законодательства в части наделения прокурора дискреционными полномочиями по осуществлению уголовного преследования. В частности Н.С.Манова убедительно обосновала необходимость учета целесообразности уголовного преследования по определенным категориям уголовных дел, возможность применения альтернатив уголовному преследованию и т.д., что безусловно является перспективным направлением реформирования уголовного процесса⁹⁸.

Защита установленного правопорядка (правозащитная функция).

Говоря об особенностях участия прокурора в досудебном производстве, обращает внимание то, что не все полномочия, которые он осуществляет в этой части уголовного судопроизводства связаны с надзорной деятельностью либо с уголовным преследованием (обвинением). Например – полномочия, предусмотренные п. 8 ч. 2 ст. 37 по участию в судебных заседаниях при рассмотрении в ходе досудебного производства вопросов о мере пресечения, о производстве следственных или иных процессуальных действий, которые допускаются на основании судебного решения и т. д.

Сопоставив должностные и процессуальные статусы прокурорских работников, участвующих в данных судебных заседаниях, с функциями прокурора, обозначенными в ч.1 ст.37 УПК РФ, мы пришли к выводу, что их участие в судебных заседаниях, проводимых в ходе досудебного производства, не охватывается ни функцией уголовного преследования, ни функцией процессуального надзора. Участвуя в судебных заседаниях, прокурорский работник не осуществляет надзорную деятельность, т.к. во-

⁹⁸ Манова Н. С. О допустимости дискреционных полномочий прокурора по распоряжению уголовным преследованием // Актуальные проблемы современного российского уголовного судопроизводства / Саратовская государственная юридическая академия. Саратов, 2024. С. 100–105.

первых, надзор является исключительной компетенцией прокурора как руководителя органа прокуратуры; во-вторых, надзор не распространяется на судебную деятельность; в-третьих, прокурор или прокурорский работник не обладает в судебном заседании государственно-властными полномочиями. Нельзя рассматривать эту деятельность в формате надзора еще и потому, что согласно ст.120 Конституции РФ «судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону».

Не связано участие в судебном заседании и с обвинительными целями, достигаемыми прокурором и прокурорскими работниками при осуществлении уголовного преследования. Прокурор вступает в судебное заседание с другой целью – он обеспечивает соблюдение установленного порядка судопроизводства, защиту конституционно-значимых прав и свобод участников уголовного судопроизводства, охрану и защиту общественных и публичных интересов, а в целом – защиту установленного Конституцией РФ и федеральными законами правопорядка. Такая деятельность прокурора и подчиненных ему прокурорских работников может и должна рассматриваться в качестве отдельной функции в уголовном судопроизводстве – функции защиты правопорядка, или другими словами правозащитной функции. На самостоятельность данной функции указывал А.Г. Халиулин и другие ученые, утверждающие, что в уголовном процессе прокурор выполняет не только функцию уголовного преследования, но и правозащитную функцию⁹⁹. Обозначенная направленность деятельности прокурора вытекает из его правового статуса, установленного ФЗ о прокуратуре, ориентированного на охрану конституционного строя России и общественно-значимых ценностей, обеспечение соблюдения Конституции РФ и федерального законодательства, и в этом смысле образует отдельное направление деятельности прокурора.

Значимость правозащитной функции в должностной правосубъектности прокурора проявляется не только в возложении на прокурора полномочий,

⁹⁹ Халиулин А. Г. Уголовно-процессуальное законодательство России о деятельности прокурора // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 3 (82). С. 85–96.

имеющих правозащитную направленность, но и в ее влиянии на остальные направления прокурорской деятельности. Так, в рамках надзора прокурор рассматривает и разрешает жалобы участников судопроизводства на действия (бездействия) и решения органов предварительного расследования (ст.124 УПК РФ), нарушающих права и интересы участников; при осуществлении уголовного преследования прокурор (государственный обвинитель) вправе отказаться от обвинения, если придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают обвинение (ч.7 ст.246 УПК РФ); в рамках уголовного дела прокурор вправе предъявить гражданский иск в защиту прав потерпевших, если они не могут сами защищать свои права и законные интересы (ч.3 ст.44 УПК РФ) и т.д.

Вызывает недоумение тот факт, что деятельность прокурора по осуществлению правозащитной функции до сих пор не стала предметом рассмотрения на уровне Приказов Генерального прокурора РФ. Лишь в некоторых ведомственных актах, посвященных вопросам участия прокуроров в судебных стадиях, а также по осуществлению отдельных видов надзора, можно найти упоминания об участии прокурора в судебных заседаниях в ходе предварительного расследования и в стадии исполнения приговоров, ориентирующие их на «обеспечение неукоснительного соблюдения конституционных прав граждан»¹⁰⁰; либо указывается на обязанность прокурора «принимать участие в рассмотрении судом жалоб на действия (бездействие) дознавателя, следователя, прокурора в порядке, предусмотренном статьями 125 и 125.1 УПК РФ, а также в других судебных заседаниях в ходе досудебного производства...», и привлекать к участию в данных судебных заседаниях «иных прокуроров»¹⁰¹.

¹⁰⁰ Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 27 ноября 2007 года № 189 : (в ред. от 19 августа 2021 года) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.02.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

¹⁰¹ См. например: Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30 июня 2021 года № 376 : (в ред. от 3 июля 2024 года) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.02.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

Отсутствие государственно-властных начал у прокурора, участвующего в судебных заседаниях в досудебном производстве сближает его с прокурорскими работниками, действующими в статусе государственных обвинителей. Но принципиальные различия в целях и предмете деятельности представителя прокурора и государственных обвинителей делают невозможным их объединение в одном процессуальном статусе. Если для государственного обвинителя целью участия в судебном разбирательстве является обоснование виновности подсудимого перед судом; то цели представителя прокурора, участвующего в судебном заседании при решении вопроса о мере пресечения, либо отмене условного осуждения явно другие. Именно поэтому возникает необходимость в правовом оформлении уголовно-процессуального статуса представителя прокурора, в качестве которого выступают подчиненные прокурору прокурорские работники.

Участвующий в судебных заседаниях представитель прокурора, вырабатывает собственную позицию по рассматриваемым судом вопросам – о законности и обоснованности применения меры пресечения, производстве следственного действия, либо соблюдении порядка уголовного судопроизводства и т.д., которая не является решающей для суда и оценивается наравне с мнением других участников процесса и даже наравне с позицией органа расследования, что, на наш взгляд, алогично учитывая, что орган расследования является для прокурора поднадзорным субъектом. Тем не менее, как указано в ведомственном приказе, роль прокурора в судебном заседании заключается в том, чтобы «отстаивать избранную точку зрения, приводя четкие и убедительные аргументы»¹⁰².

Аналогичные задачи стоят перед прокурором в судебных заседаниях, проводимых в порядке кассации и надзора. Хотя УПК РФ именуется данного участника «прокурор», как показывает практика фактически принимает

¹⁰² Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 27 ноября 2007 года № 189 : (в ред. от 19 августа 2021 года) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.02.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

участие не прокурор, а его представители - подчиненные ему прокурорские работники. Участвуя в судебных контрольных инстанциях прокурорский работник, в отличие от государственного обвинителя, не имеет собственного процессуального статуса участника судопроизводства. Такого прокурора нельзя рассматривать в аспекте уголовного преследования, т.к. вопрос обвинения уже разрешен вступившим в силу приговором суда; поэтому предмет судебного заседания в кассации и надзоре составляют возможные нарушения законодательства, допущенные при производстве по уголовному делу. Поэтому предлагаемый нами уголовно-процессуальный статус представителя прокурора вполне может использоваться в обозначенных судебных инстанциях.

Употребляемый в данном контексте термин «представитель прокурора» понимается в широком смысле и распространяется на прокурора и других прокурорских работников, участвующих по поручению прокурора в судебных заседаниях, не связанных с осуществлением уголовного преследования. Это означает, что прокурор вправе делегировать свою функцию по обеспечению соблюдения установленного правопорядка (правозащитную функцию) подчиненным сотрудникам, участвующим в судебных заседаниях в статусе представителя прокурора, задача которого заключается в том, чтобы соблюдая принцип независимости судебной власти «ориентировать суд на принятие законного решения»¹⁰³. Если же такое решение, по мнению прокурора или его представителя не состоялось, то на основе равноправия с другими участниками судебного заседания, используются процессуальные средства для отстаивания своей позиции, в том числе в вышестоящих судебных инстанциях.

Полагаем, что представлены достаточные основания для рассмотрения деятельности представителя прокурора в качестве отдельного направления

¹⁰³ Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 27 ноября 2007 года № 189 : (в ред. от 19 августа 2021 года) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.02.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

процессуальной деятельности, направленного на обеспечение соблюдения установленного правопорядка в интересах защиты прав и законных интересов личности, общества и государства - правозащитной функции, и как следствие, необходимости выделения отдельного уголовно-процессуального статуса представителя прокурора, приобретаемого прокурорскими работниками при реализации правозащитной функции.

Таким образом, проведенный функциональный анализ процессуальных полномочий прокурорских работников позволил выявить корреляционные связи между правовым статусом должностного лица органа прокуратуры и его правосубъектностью в уголовном судопроизводстве. В частности, замещая определенную должность в органах прокуратуры должностное лицо одновременно приобретает правосубъектность, обусловленную его должностным статусом прокурорского работника:

- Должностной статус руководителя органа прокуратуры обуславливает возникновение у него должностной правосубъектности, достаточной для осуществления им в уголовном судопроизводстве трех функциональных направлений: надзора за деятельностью органов предварительного расследования, уголовного преследования (обвинения) и защиты установленного правопорядка (правозащиты);
- Должностной статус иных прокурорских работников является основанием для возникновения двух уголовно-процессуальных статусов:
 - государственного обвинителя и формирование уголовно-процессуальной правосубъектности, обеспечивающей реализацию делегированных прокурором полномочий по уголовному преследованию (обвинению);
 - представителя прокурора и формирование уголовно-процессуальной правосубъектности, обеспечивающей реализацию делегированных прокурором полномочий по защите установленного правопорядка (правозащиты).

Выявленная корреляция должностного статуса прокурорского работника и его правосубъектности в уголовном судопроизводстве, подтверждает необходимость изменения статуса прокурора как участника стороны обвинения и совершенствования уголовно-процессуальных статусов государственного обвинителя и представителя прокурора.

Глава 2. Правосубъектность прокурора в уголовном судопроизводстве

2.1. Правовая природа, структура и содержание правосубъектности прокурора

Рассматривая правосубъектность как сущностное свойство лица, позволяющее ему вступать в правоотношения в качестве субъекта права, мы исходим из того, что прокурор как руководитель органа прокуратуры, также вступает в отношения с участниками уголовного судопроизводства на основании имеющейся у него должностной правосубъектности, приобретенной в установленном законом порядке, а именно, в порядке замещения должности руководителя органа прокуратуры. Должностная правосубъектность прокурора действует в течение всей его службы и прекращается в связи с освобождением от должности, она имеет всеобъемлющий и универсальный характер, позволяющий прокурору вступать в любые правоотношения в пределах своей юрисдикции, в т. ч. в сфере уголовного юрисдикционного производства.

Особый статус органов прокуратуры в системе государственной власти обусловлен содержанием полномочий, возложенных на прокуратуру Конституцией РФ и ФЗ «О прокуратуре РФ». Обособленность прокуратуры в системе государственной власти и ее уникальность, проявляющаяся в присущем «ей механизме реализации возложенных на нее полномочий, который не может рассматриваться в других отраслях права»¹⁰⁴, позволили ученым обосновать необходимость выделения прокурорского права (права прокурорского надзора¹⁰⁵ или прокурорско-надзорного права¹⁰⁶), в качестве самостоятельной отрасли правовой науки, предмет регулирования которой

¹⁰⁴ Шобухин В. Ю. Прокурорское право – отрасль российского права // Законность. 2009. № 7. С. 43–45 ; Биктагиров Р. Т. Институт прокуратуры в механизме российского государства // Гражданин. Выборы. Власть. 2016. № 2–3. С.143–158.

¹⁰⁵ Алексеев С. Л., Вотчель Н. Р. Прокурорский надзор. Казань : Академия социального образования, 2014. С. 9.

¹⁰⁶ Березовская С. Г. Сущность и основные характеристики правовых отношений в сфере прокурорского надзора // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 3. С. 122–131 ; Рохлин В. И. Прокурорский надзор в Российской Федерации. Санкт-Петербург, 1998. С. 7.

составляет «статус прокуратуры и прокурорских работников»¹⁰⁷. Прокурор как субъект прокурорского права наделяется полномочиями межотраслевого или надотраслевого характера, позволяющими ему участвовать в различных видах судопроизводства без изменения своего правового положения, что объясняет отсутствие в УПК РФ механизма приобретения прокурором уголовно-процессуального статуса. Уголовно-процессуальный закон содержит лишь нормы, детализирующие отдельные полномочия прокурора в сфере уголовного судопроизводства. Поэтому считать, что «правовой статус прокурора подробно закреплен в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации»¹⁰⁸, на что указывают В.В. Трухачев и У.Н. Ахмедов, на наш взгляд, не правильно.

Должностной статус прокурора и производная от него правосубъектность, получившие конституционно-правовое закрепление, устанавливают доминирующее положение прокурора в отношениях, связанных с осуществлением возложенных на него функций и его особую, руководящую роль в решении вопросов, отнесенных к компетенции органов прокуратуры. Однако в уголовном судопроизводстве функции прокурора хотя и получили свое закрепление на уровне наименования – надзор и уголовное преследование (ч.1 ст.37 УПК РФ), понять, что составляет их содержание, какие полномочия прокурора обеспечивают реализацию каждой из этих функций и в каком порядке, достаточно не просто. Трудности возникают как при обозначении целей и задач для каждого функционального направления деятельности прокурора, так и при определении сферы их применения. Как следствие, в уголовно-процессуальной науке сложилась ситуация, которую верно охарактеризовала Н.С. Манова: «Суть дискуссии о роли прокурора в уголовном процессе ныне нередко сводится к «перетягиванию каната», когда одни авторы настаивают на ограничении его полномочий, другие – на их

¹⁰⁷ Шобухин В. Ю. Указ. соч.

¹⁰⁸ Трухачев В. В., Ахмедов У. Н. Указ. соч.

расширении»¹⁰⁹. Вступая в данную дискуссию и разрешая вопрос о правовой природе, структуре и содержании должностной правосубъектности прокурора, проявляющейся в сфере уголовного судопроизводства, остановимся на основных, базовых понятиях исследуемой тематики, позволяющих наиболее полно и точно определить семантическое значение обозначенных категорий.

Ключевым термином в определении правовой природы должностной правосубъектности прокурора является категория «функция», под которой традиционно понимают основные направления деятельности, тесно взаимосвязанные, но не совпадающие и не поглощающие друг друга¹¹⁰. В соответствии со ст.1 ФЗ «О прокуратуре РФ» правовой статус прокурора и производная от него правосубъектность обусловлены возложенными на прокуратуру функциями, что логично. В связи с этим, не можем согласиться с А.Ю. Чуриковой, по мнению которой функциональный подход «не позволяет комплексно исследовать деятельность прокурора во всех ее многогранных проявлениях»¹¹¹. Полагаем, что именно функциональный подход раскрывает цели прокурорской деятельности в уголовном судопроизводстве, и на этой основе позволяет систематизировать полномочия в функциональные группы.

Процессуальная функция - это не просто направление деятельности; функция – это направленная деятельность субъекта на получение определенного результата (достижение функциональной цели). Представленное понимание функции является общепризнанным, отражается в большинстве учебников по уголовному процессу¹¹² и берется нами за основу в данном исследовании. Следует сказать, что в правоприменительной деятельности для органов прокуратуры сложилось и иное значение термина

¹⁰⁹ Манова Н. С. Модель деятельности прокурора в уголовном процессе: ключевые проблемы и возможности реформы // Правовая парадигма. 2022. Т. 21, № 2. С. 43–50.

¹¹⁰ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Москва : Наука, 1968. Т. 1. С. 188.

¹¹¹ Чурикова А. Ю. Правовая модель деятельности прокурора в российском и зарубежном уголовном процессе. Москва : Триумф, 2022. С. 5.

¹¹² Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Д. П. Великий, Т. Ю. Вилкова, Л. А. Воскобитова [и др.] ; отв. ред.: П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма [и др.], 2021. С. 7 и др.

«основные направления деятельности», выходящее за пределы понятия «функция». Как отмечает А.И. Гальченко, функции прокуратуры устанавливаются законами, а основные направления деятельности прокуратуры, в отличие от ее функций являются менее постоянными категориями, поскольку изменяются с учетом потребностей общества¹¹³, например, в настоящее время в качестве основных направлений деятельности прокуратуры можно назвать борьбу с коррупцией, терроризмом, экстремизмом и т. д.

Прокурор, как руководитель органа прокуратуры, обеспечивает исполнение функций прокуратуры во всех сферах жизнедеятельности общества, в том числе в сфере уголовного судопроизводства. В соответствии с ФЗ о прокуратуре и УПК РФ на прокурора в уголовном процессе возложено исполнение двух функций – надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и уголовное преследование. Однако качество правового регулирования данных функций в части составляющих их полномочий, не вносит ясности в решение вопросов о содержании и структуре должностной правосубъектности прокурора, о соотношении и разграничении его функциональных полномочий и об определенности целей, стоящих перед прокурором по каждому направлению деятельности. Причин этому несколько.

Во-первых, процессуальная функция как направление деятельности не должна рассматриваться в отрыве от ее носителя учитывая, что функциональная цель достигается именно этим субъектом. В рамках уголовно-процессуального регулирования использование термина «прокурор» не всегда понятно, этот термин распространяется как на прокурора, так и на остальных прокурорских работников. Если у прокурора как руководителя органа прокуратуры, его полномочия по осуществлению каждой функции презюмируются, то для других должностных лиц органов прокуратуры, не обладающих должностной правосубъектностью прокурора,

¹¹³ Гальченко А. И. Функции прокуратуры Российской Федерации: спорные вопросы // Lex russica. 2014. Т. 96, № 11. С. 1346–1359.

предусмотрен иной порядок вступления в уголовное судопроизводство. Именно поэтому закрепляя то или иное полномочие в уголовном судопроизводстве, следует указывать о каком должностном лице органа прокуратуры идет речь.

Очевидная взаимосвязь между функцией и осуществляющим ее субъектом ставит вопросы, требующие углублённого изучения: может ли одна функция осуществляться несколькими субъектами и может ли один субъект обеспечивать несколько функций? Анализ УПК РФ показывает, что законодатель положительно отвечает на данные вопросы. Например, функция уголовного преследования возлагается на различных участников стороны обвинения, как частных, так и публичных субъектов. Положительно решен законодателем и второй вопрос: за прокурором закреплены две функции – надзор и уголовное преследование. При этом надзор за процессуальной деятельностью органов расследования составляет исключительную компетенцию прокурора, а уголовное преследование осуществляется им лишь в части, не получившей однозначного очертания в законодательстве.

Если рассуждать логически, возложение одной функции на двух и более субъектов без четкого распределения между ними «зон ответственности и труда» создает путаницу и непредсказуемость в осуществлении полномочий, что подтверждается многочисленными, часто противоречивыми суждениями ученых и практиков по вопросам осуществления уголовного преследования в досудебном производстве. Если же такие «зоны ответственности» выделить для каждого из должностных лиц, то следует говорить уже не об одной, а о нескольких функциях (направлениях деятельности), каждая из которых обеспечивается отдельным субъектом и направлена на достижение своей уникальной цели, что достаточно убедительно обосновали С.И. Вершинина и В.А. Лазарева¹¹⁴. Даже поверхностный анализ уголовно-процессуального

¹¹⁴ Вершинина С. И., Лазарева В. А. О качестве правового регулирования российского уголовного судопроизводства с позиции системы менеджмента качества // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 4. С. 51–65.

законодательства показывает, что в досудебном производстве орган расследования в первую очередь осуществляет предварительное расследование, а прокурор обеспечивает надзор за его деятельностью. Необходимость выделения данных функций отмечалась еще в советской уголовно-процессуальной науке¹¹⁵, но к сожалению до сих пор, со ссылкой на действующий УПК РФ, за основу берется совместная деятельность прокурора и органа расследования в осуществлении уголовного преследования.

Возможность одного субъекта осуществлять в уголовном процессе несколько функций также допускается законодателем, что наблюдается в том числе при анализе процессуальных функций прокурора. Критически оценивая данное положение Т.К. Рябинина верно отмечает, что «с позиции теории управления невозможно какому-либо субъекту в одном лице (в данном случае – прокурору) эффективно осуществлять совершенно различные виды деятельности – надзорной, обвинительной и руководство – одновременно»¹¹⁶.

Действительно стоит согласиться, что один субъект не может эффективно осуществлять различные функции, но здесь следует добавить, что многофункциональность невозможна только в том случае, если эти виды деятельности осуществляются субъектом одновременно. Поэтому, оценивая возможность осуществления прокурором в уголовном процессе нескольких функций мы исходим из того, что рассматриваемые функции обеспечиваются прокурором не одновременно, а последовательно друг за другом: первоначально прокурор осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов расследования¹¹⁷; а после завершения надзора – уголовное преследование, получившее в 2020 г. конституционно-правовое закрепление¹¹⁸.

¹¹⁵ Гуляев А. П. Указ. соч. ; Выдря М. М. Расследование уголовного дела – функция уголовного процесса // Советское государство и право. 1980. № 9. С. 78–82 ; Шпилев В. М. Участники уголовного процесса. Минск : Издательство БГУ, 1970. 176 с.

¹¹⁶ Рябинина Т. К. Указ. соч.

¹¹⁷ Синельщиков Ю. П. О функциях прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса // Российский следователь. 2008. № 17. С. 9–14.

¹¹⁸ Амирбеков К. И. Полномочия прокурора по уголовному преследованию в судебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 6. С. 25–32.

Во-вторых, ни по одной из названных в УПК РФ функций прокурора не обозначены цели их осуществления, что дает основания для искаженного понимания целей и задач, стоящих перед прокурором при осуществлении как надзора, так и уголовного преследования. Возьмем для примера функцию надзора, которая осуществляется прокурором в досудебной части уголовного судопроизводства и является отдельной формой выражения его государственно-властной деятельности по надзору за исполнением законов всеми государственными и муниципальными органами, их должностными лицами и гражданами. Полагаем бесспорным, что цель прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве соответствует общей цели надзорной деятельности, обозначенной в ч.2 ст.1 ФЗ о прокуратуре, но достигается эта цель по более узкому предмету надзора – процессуальной деятельности органов предварительного расследования. При таком понимании целью прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве является обеспечение верховенства закона в деятельности органов предварительного расследования, защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Или другими словами, предметом прокурорского надзора в уголовном процессе является исполнение органами расследования положений УПК РФ, а его целью – выявление действий и решений органов расследования, нарушающих нормы УПК РФ.

К сожалению, признание данных обстоятельств и их закрепление в УПК РФ в качестве цели прокурорского надзора не является решением существующих проблем. Необходимо определиться с вопросом, что должен делать прокурор с выявленными нарушениями и как на них реагировать. Одни авторы обосновывают необходимость расширения надзорных полномочий прокурора, предусмотренных ст. ст. 24 и 28 ФЗ о прокуратуре, посредством закрепления в УПК РФ прокурорского запроса и представления, как актов прокурорского реагирования на незаконные действия органов

расследования¹¹⁹. Другие ученые настаивают на необходимости расширения полномочий прокурора в досудебном производстве, вплоть до отмены решений следователя и принятия самостоятельных процессуальных решений, обосновывая свой тезис сложившейся на практике фактической ролью прокурора как руководителя уголовного преследования¹²⁰. Каждое из обозначенных предложений рассмотрим в следующем параграфе, а здесь полагаем необходимым отметить, что содержание прокурорского надзора за органами расследования должно не только коррелировать с целями досудебного производства, но и обуславливать последующую функцию прокурора в уголовном судопроизводстве – функцию уголовного преследования или обвинения.

Возвращаясь к правосубъектности прокурора в уголовном судопроизводстве, следует определиться с его полномочиями, составляющими содержание функции уголовного преследования или обвинения. В судебном производстве такие полномочия обозначены как поддержание государственного обвинения, однако для их осуществления прокурорский работник, в том числе и прокурор, должен получить статус государственного обвинителя. Соответственно поддержание государственного обвинения не является полномочием прокурора: чтобы поддерживать обвинение в судебном разбирательстве прокурор должен изменить свой правовой статус – с должностного статуса прокурора на уголовно-процессуальный статус государственного обвинителя.

В досудебном производстве наличие полномочий прокурора по уголовному преследованию еще менее очевидно. Учитывая допускаемую в УПК РФ синонимичность понятий «уголовное преследование» и «обвинение», считаем возможным в качестве полномочий прокурора, обеспечивающих уголовное преследование в досудебном производстве, рассматривать его

¹¹⁹ Супрун С. В. Прокурорский надзор и ведомственный контроль: соотношение и перспективы развития // Российская юстиция. 2011. № 1. С. 46–49.

¹²⁰ Спесивов Н. В. Проблемы реализации прокурором функции уголовного преследования // Законность. 2024. № 2. С. 13–17.

полномочия по утверждению государственного обвинения. Если с момента получения сообщения о преступлении и до окончания предварительного расследования прокурор обеспечивает надзор за деятельностью органа расследования, то после окончания расследования, при условии, что имеются основания для выдвижения государственного обвинения, прокурор переходит к осуществлению функции уголовного преследования, согласовывая обвинительное заключение, акт или постановление и формируя таким образом государственное обвинение для судебного рассмотрения. Другие прокурорские работники такими полномочиями не наделяются. В этом смысле утверждение государственного обвинения для судебного разбирательства – исключительное полномочие прокурора.

Но утверждение государственного обвинения не единственное полномочие прокурора, связанное с осуществлением уголовного преследования в досудебном производстве. Реализуемое в ходе предварительного следствия полномочие по заключению с обвиняемым, подозреваемым досудебного соглашения о сотрудничестве, также направлено на формирование будущего государственного обвинения. Исполненное обвиняемым, подозреваемым соглашение позволяет прокурору корректировать объем обвинения и ходатайствовать о назначении судом более мягкого наказания, условного осуждения или освобождения от отбывания наказания (ст.317.7 УПК РФ). И первое, и второе полномочие реализуется исключительно прокурором и направлено на формирование государственного обвинения, что позволяет говорить об участии именно прокурора в осуществлении уголовного преследования (обвинения) на досудебном производстве.

Если в досудебном производстве прокурор действует на основании своей должностной правосубъектности, то после передачи уголовного дела в суд, для продолжения уголовного преследования в судебном разбирательстве прокурор либо прокурорский работник, которому прокурор делегирует свои полномочия по поддержанию государственного обвинения, получает

уголовно-процессуальный статус государственного обвинителя. Сам прокурор как руководитель органа прокуратуры вместе с государственным обвинителем участвует в стадии апелляционного пересмотра уголовного дела (ст.389.1 УПК РФ). В дальнейших судебных стадиях прокурор также является обязательным участником судебных заседаний, но должностной статус этого прокурорского работника в большинстве случаев не определен. Как правило, в законодательных положениях речь идет о прокуроре в контексте п. 31 ст.5 УПК РФ, т.е. как о руководителе органа прокуратуры, так и о подчиненных ему сотрудниках, выступающих в качестве представителя прокурора.

Помимо законодательно возлагаемых на прокурора функций надзора и уголовного преследования, в уголовно-процессуальной науке высказаны предложения о необходимости выделения в уголовном процессе дополнительных прокурорских функций. Например, оригинальную, о достаточно спорную классификацию функций прокурора в судебном производстве представил А.И. Гальченко, по мнению которого, прокурор наряду с функцией уголовного преследования обеспечивает в суде функцию участия в рассмотрении судами уголовных дел. Как считает автор, между функцией уголовного преследования и функцией участия в рассмотрении судами уголовных дел «существует очень тонкая грань, в связи с чем достаточно сложно их разграничить, но и отождествлять их не следует»¹²¹. Согласиться с такой точкой зрения сложно, т.к. участие в суде – это не направление, а форма деятельности прокурора по поддержанию обвинения (осуществлению уголовного преследования) либо обеспечению соблюдения установленного правопорядка, что мы рассматриваем в рамках правозащитной функции прокурора. Действительно обозначенные функции не следует отождествлять, но и разграничивать их трудно прежде всего потому, что уголовное преследование и участие в рассмотрении дел судами соотносятся

¹²¹ Гальченко А. И. Указ. соч.

как содержание и форма, образуя отдельный правовой институт – поддержание государственного обвинения.

В процессуальной литературе не раз упоминались и такие функции, как правозащитная¹²² или правоохранная¹²³, осуществляемая прокурором в судебных заседаниях досудебного производства. Оценивая обоснованность данных предложений Н.Р. Корешникова рассматривает «правозащитную деятельность прокурора при рассмотрении уголовных дел судами»¹²⁴ не как отдельную функцию, а в рамках либо надзорной деятельности на досудебных стадиях, либо в рамках обвинительной деятельности в суде, ссылаясь на то, что осуществляемые прокурором функции направлены в том числе на защиту прав и свобод человека, а также охраняемых законом интересов общества и государства, на что неоднократно обращал внимание Конституционный Суд РФ¹²⁵.

Развивая эту мысль, обращаем внимание, что участие прокурора в судебных заседаниях в ходе предварительного расследования, либо в стадии исполнения судебного решения действительно является производным от конституционно-закрепленных полномочий прокурора по надзору за соблюдением прав и свобод человека. Аналогичного мнения придерживаются и сами прокуроры. Например, прокурор Брянской области, анализируя состояние прокурорского надзора за предварительным расследованием на территории Брянской области, пришел к выводу что прокурорами области посредством участия в судебных заседаниях, принимаются «меры по

¹²² Камчатов К. В., Тимошенко А. А. Деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве: оценка эффективности // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 29–33 ; Татьяна Л. Г. Указ. соч.

¹²³ Фадеев П. В. Указ. соч.

¹²⁴ Корешникова Н. Р. Деятельность прокурора в уголовном процессе как реализация принципа субсидиарности ветвей власти // Законность. 2023. № 3. С. 7–10.

¹²⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы публичного акционерного общества «Сбербанк России» на нарушение конституционных прав абзацами третьим и четвертым части 1 статьи 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, пунктом 1 статьи 10 и пунктом 2 статьи 168 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2021 года № 277-О // Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : юридическая информационная система. URL: legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26022021-p-277-o/ (дата обращения: 25.07.2024).

соблюдению конституционных прав граждан на досудебной стадии уголовного судопроизводства»¹²⁶.

Поддерживая в целом научные изыскания в этом направлении, мы тем не менее полагаем, что дополнительные функции, озвученные в научной литературе, обеспечиваются в судебных заседаниях не столько прокурорами, сколько должностными лицами органов прокуратуры, действующими в статусе представителя прокурора. Как руководитель органа прокуратуры прокурор вправе делегировать часть своих полномочий подчиненным сотрудникам, но так как их статус прокурорского работника не является правосубъектным для уголовного судопроизводства, отсюда возникает необходимость получения ими уголовно-процессуального статуса для участия в судебных заседаниях, не связанных с разрешением уголовного дела.

Таким образом, должностная правосубъектность прокурора как руководителя органа прокуратуры соответствующего уровня, статус которого закреплен Конституцией РФ и ФЗ «О прокуратуре РФ», позволяет ему в рамках предоставленных полномочий вступать в отношения с участниками уголовного судопроизводства без получения уголовно-процессуального статуса, обеспечивая три функциональных направления деятельности:

- надзор за деятельностью органов предварительного расследования;
- уголовное преследование (обвинение);
- защита установленного правопорядка (правозащита).

Прокурор осуществляет свои полномочия как самостоятельно, так и через подчиненных ему прокурорских работников. Полномочия государственно-властного характера осуществляются прокурором самостоятельно и составляют предмет его исключительного ведения, в который входят:

- все полномочия, обеспечивающие надзор за деятельностью органов предварительного расследования;

¹²⁶ Войтович А. П. Прокурорский надзор за дознанием и предварительным следствием в свете приказа Генерального прокурора РФ // Мировой судья. 2022. № 3. С. 10–13.

- часть полномочий по уголовному преследованию (обвинению), а именно - формирование государственного обвинения в досудебном производстве.

Наряду с государственно-властными исключительными полномочиями прокурора на него возлагаются также полномочия, реализуемые в судебных заседаниях в условиях состязательности и равноправия с участниками судопроизводства, которые прокурор вправе обеспечивать самостоятельно, изменяя должностной статус на уголовно-процессуальный, либо делегировать их исполнение подчиненным прокурорским работникам, а именно:

- поддержание государственного обвинения в судебном разбирательстве;
- участие в судебных заседаниях с целью защиты установленного правопорядка.

2.2. Полномочия прокурора по осуществлению надзора за органами предварительного расследования

Общепризнанно, что базовой функцией российской прокуратуры, начиная с момента ее создания и до настоящего времени, был и остается надзор за соблюдением и исполнением российского законодательства¹²⁷. Не случайно при анкетировании 250 сотрудников территориальных и транспортных прокуратур, проведенном О.В. Левченко в рамках своего докторского исследования, 98% опрошенных отметили, что прокурор в современном досудебном производстве является органом надзора за исполнением законов органами предварительного расследования¹²⁸.

Приступая к исследованию содержания должностной правосубъектности прокурора при осуществлении им процессуального надзора отметим, что надзор за органами предварительного расследования,

¹²⁷ Муравьев, Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. Том 1. Прокуратура на Западе и в России. Москва : Университетская типография, 1889 ; Рябцев В. П., Алексеев А. И., Бессарабов В. Г. Указ. соч.

¹²⁸ Левченко О. В. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора в досудебном производстве по уголовному делу : дис. ... д-ра юрид. наук. Ульяновск, 2024. С. 691.

как и другие виды надзора прокурора, например, за органами, осуществляющими оперативно-розыскную, уголовно-исполнительную либо иную деятельность, юридически и организационно обособлен от деятельности поднадзорного субъекта, имеет собственные цели и задачи, не совпадающие с целями и задачами поднадзорного субъекта. Если орган предварительного расследования как поднадзорный субъект осуществляет уголовно-процессуальную деятельность, то осуществляемые прокурором полномочия лежат за границами этой уголовно-процессуальной деятельности. Устанавливая полномочия прокурора по надзору, законодатель исходит из того, что поднадзорные субъекты реализуют возложенные на них полномочия самостоятельно и под свою ответственность, а прокурор, не вмешиваясь в деятельность поднадзорного субъекта, не дублируя и не подменяя его, контролирует исполнение действующего законодательства. Как мы отмечали ранее, прокурорский надзор - это объективный и непредвзятый «взгляд со стороны» на деятельность поднадзорных субъектов, осуществляемый на основании должностной правосубъектности прокурора как руководителя органа прокуратуры.

Мы также исходим из того, что предварительное расследование, как и любой другой вид поднадзорной деятельности, юридически и организационно обособлен от прокурорского надзора, осуществляется органами расследования самостоятельно и направлен на достижение собственных целей расследования, которые к сожалению, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве четко не обозначены, но исходя из задач, решаемых органами расследования целью их деятельности является установление обстоятельств совершенного преступления посредством собирания достаточной совокупности доказательств. Прокурор не может и не должен участвовать в достижении этой цели, он выступает в качестве внешнего наблюдателя, оценивающего законность деятельности органов предварительного расследования на основании ст. ст. 29 и 30 ФЗ «О прокуратуре РФ». В этой связи следует еще раз вернуться к предложениям,

высказанным авторитетными учеными о необходимости выделения в качестве самостоятельной функции расследования уголовного дела и поддержать современных авторов, развивающих данные идеи¹²⁹.

Исследуя надзор прокурора за деятельностью органов дознания и предварительного следствия, остановимся на его предмете. Согласно ст. 29 закона «О прокуратуре РФ», предметом прокурорского надзора за исполнением законов органами предварительного расследования является «соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения сообщений о преступлениях, проведения расследования и законность решений органов дознания и предварительного следствия». Исходя из статистических данных, представленных на сайте Генеральной прокуратуры РФ, ежегодно при осуществлении надзора за исполнением законов в досудебной части уголовного судопроизводства выявляется более 5 млн. нарушений законов¹³⁰. Так, в 2018 году выявлено 5 159 080 нарушений; 2019 году – 5 139 782 нарушения; 2020 году – 5 086 896 нарушений; в 2021 – 5 172 609, и в 2022 году – 5 217 038 нарушений. К сожалению, с января 2023 года размещение статистических данных на портале правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ приостановлено, однако данные, публикуемые на сайтах прокуратур субъектов РФ подтверждают сохранение представленной тенденции¹³¹.

Учитывая, что среди правоприменителей сформировалось представление о предмете прокурорского надзора как совокупности

¹²⁹ Михайлова Т. Н. Развитие концепции уголовно-процессуальных функций в отечественной доктрине уголовного процесса // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 1. С. 138–149. URL: cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kontseptsii-ugolovno-protsessualnyh-funktsiy-v-otechestvennoy-doktrine-ugolovnogo-protsessa (дата обращения: 25.07.2024).

¹³⁰ Результаты деятельности органов прокуратуры Российской Федерации // Генеральная прокуратура Российской Федерации : сайт. URL: epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result (дата обращения: 25.07.2024).

¹³¹ См. например: Результаты работы прокуратуры в сфере надзора за уголовно-процессуальной деятельностью органов расследования за 9 месяцев 2023 года // Сельское поселение «Хоседа-Хардский сельсовет» Заполярного района Ненецкого автономного округа : официальный сайт. URL: xosedaxardskij-r83.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_514.html (дата обращения: 25.07.2024) ; Результаты работы прокуратуры в сфере надзора за уголовно-процессуальной деятельностью органов расследования за 8 месяцев 2023 года // Сельское поселение «Тиманский сельсовет» Заполярного района Ненецкого автономного округа : официальный сайт. URL: timanskij-r83.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_564.html (дата обращения: 25.07.2024).

процессуальных решений органов предварительного расследования¹³², а из представленной в ст.29 закона о прокуратуре дефиниции следует, что «предметом надзора является соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, проведения расследования, а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие», сложно понять, какие конкретно решения и результаты деятельности органов расследования составляют предмет прокурорского надзора. Объединяя в данной статье не равнозначные, разноуровневые понятия и не устанавливая между ними связи и соотношения, законодатель дает основания для понимания прокурорского надзора как всеобъемлющего, распространяющегося на все действия и решения органов расследования, что нельзя признать верным. Исправляя допущенную неточность предлагаем перечисленные в нормативно-правовом понимании предмета надзора словосочетания рассматривать как критерии, на основании которых и следует определять предмет надзора. Речь идет в частности о следующих критериях:

1. первый критерий указывает на этапы деятельности органа расследования - разрешение сообщений о преступлениях; проведение расследования; этим критерием показаны границы прокурорского надзора в досудебном производстве, включающие стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования;
2. второй критерий - решения органов дознания и предварительного следствия; этим критерием предмет прокурорского надзора ограничивается решениями органов расследования и исключаются действия органов расследования;
3. третий критерий - соблюдение прав и свобод человека и гражданина, еще более суживает предмет надзора, оставляя в нем лишь такие решения

¹³² Беяк Л. Законность привлечения к уголовной ответственности // Законность. 2008. № 10. URL: www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.05.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

органов расследования, которые затрагивают или ограничивают конституционно охраняемые права и свободы.

При таком подходе объектом прокурорского надзора является «вся юридическая действительность» органов расследования, при том, что объект «существует независимо от деятельности прокуратуры и становится вовлеченным в сферу ее деятельности в силу того, что содержит свойство, представляющее для прокуратуры интерес»¹³³, выступающее предметом прокурорского надзора. Резюмируя вышесказанное, *предметом прокурорского надзора за исполнением законов органами расследования являются вынесенные в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования **процессуальные решения** органов дознания и предварительного следствия, ограничивающие или затрагивающие права и свободы человека и гражданина.* Учитывая, что формулировка «права и свободы человека и гражданина» имеет конституционно-правовую значимость, полагаем предмет надзора следует ограничивать решениями органов расследования, затрагивающими конституционно охраняемые права и свободы человека и гражданина.

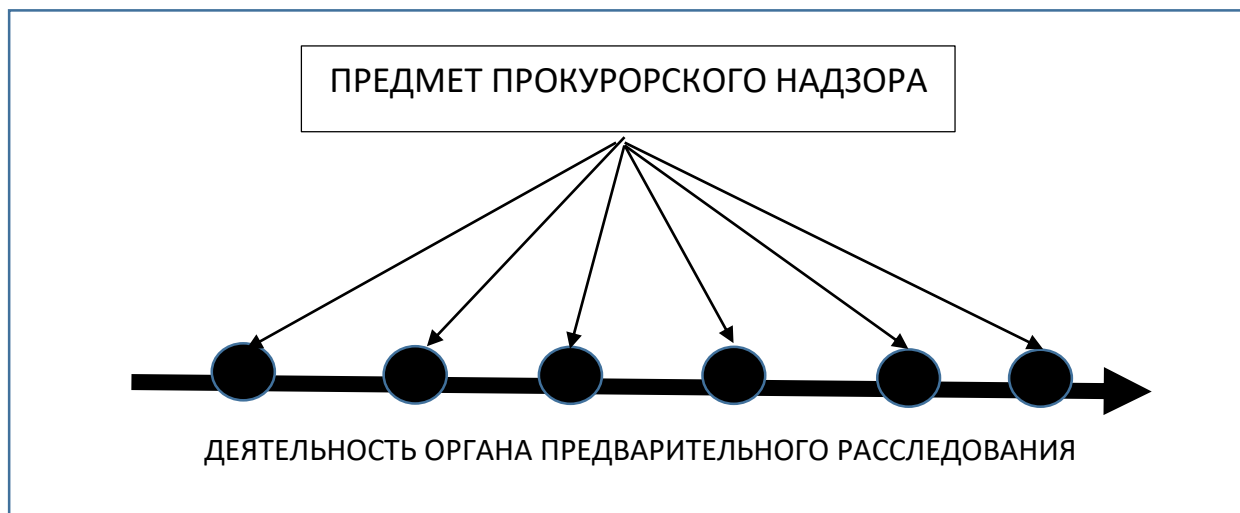
Соответственно, определяя вектор прокурорского надзора за деятельностью поднадзорного органа расследования, следует выделять не всю его деятельность, а лишь ее отдельные фрагменты, в рамках которых выносятся процессуально-значимые решения, затрагивающие конституционные права и свободы человека. Эти фрагменты (части) процессуальной деятельности в своей совокупности и составляют предмет прокурорского надзора в досудебном производстве. Закрепив предмет надзора точно и полно в законодательстве, можно моделировать объем, пределы и содержание надзорных полномочий прокурора. При таком подходе будет соблюдено одно из основных правил организации досудебного производства: «осуществление надзора прокурором не должно лишать следователя

¹³³ Амирбеков К. И. Объект и предмет прокурорской деятельности: теоретический подход // Российский следователь. 2016. № 24. С. 49–52.

возможности проведения объективного расследования по уголовному делу»¹³⁴.

Схематично предмет надзора прокурора за деятельностью органа расследования можно показать следующим образом (Рисунок 2):

Рисунок 2: Соотношение прокурорского надзора и предварительного расследования



Еще раз отметим, что прокурор осуществляет надзор за деятельностью органа расследования оценивает соблюдение им УПК РФ и конституционно-охраняемых прав и свобод человека и гражданина. При этом обязанным субъектом по соблюдению конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве выступают именно органы предварительного расследования, на которых возложены полномочия по осуществлению предварительного расследования в порядке, установленном УПК РФ. Осуществляя доследственную проверку и предварительное расследование следователь, дознаватель принимают решения, затрагивающие в том числе и конституционные права граждан, такие как:

- 1) на обращения в государственные органы (ст.33 Конституции РФ);
- 2) на охрану человеческого достоинства (ст.21 Конституции РФ);
- 3) на свободу и личную неприкосновенность (ст.22 Конституции РФ);
- 4) на неприкосновенность частной жизни (ст.23 Конституции РФ);
- 5) на неприкосновенность жилища (ст.25 Конституции РФ);

¹³⁴ Апостолова Н. Н. Прокурорский надзор и предварительное следствие как гарантии обеспечения прав и свобод личности // Российская юстиция. 2017. № 3. С. 53–56.

- 6) на помощь защитника (ч.2 ст.48 Конституции РФ);
- 7) и другие права, гарантированные Конституцией РФ.

Задача прокурора – выявить, насколько установленный УПК РФ порядок вынесения процессуальных решений, ограничивающих конституционные права граждан, соблюден органом расследования. Но к сожалению ФЗ «О прокуратуре РФ», помимо отсутствия ясного понимания предмета прокурорского надзора, оставил без внимания и полномочия прокурора, которые ему необходимы для достижения целей надзора. В законе сделана ссылка на уголовно-процессуальное законодательство, в котором этот вопрос разрешается. А вот действительно этот вопрос разрешен в УПК РФ или нет, рассмотрим далее.

Основные положения, закрепляющие надзорные полномочия прокурора, содержатся в ч. 2 ст. УПК РФ 37. Чтобы понять, достаточны ли они для достижения целей прокурорского надзора за исполнением законов органами расследования, применим классификацию, традиционно используемую в уголовно-процессуальной науке, согласно которой полномочия прокурора разграничиваются на три группы:

- направленные на выявление нарушений;
- обеспечивающие устранение выявленных нарушений;
- направленные на предупреждение нарушений¹³⁵.

Рассматривая в системном единстве классификационные особенности полномочий прокурора в досудебном производстве и обозначенные выше критерии, на основании которых определяется предмет прокурорского надзора, можно увидеть закономерности в формировании надзорных полномочий прокурора. Выявленные закономерности заключаются в следующем:

¹³⁵ Дорошков В. В. Общие и специальные полномочия прокурора в уголовном процессе // Мировой судья. 2015. № 11. С. 13–19.

- 1) основу моделирования надзорных полномочий составляют конституционные права и свободы человека, соблюдение которых обеспечивается в ходе прокурорской проверки;
- 2) предметом прокурорского надзора являются процессуальные решения органа расследования, ограничивающие конституционные права и свободы человека;
- 3) полномочия прокурора должны быть достаточными для объективной оценки процессуальных решений органов расследования на соответствие их действующему законодательству (полномочия прокурора по выявлению нарушений);
- 4) полномочия прокурора должны быть достаточными для предупреждения или устранения выявленных в ходе надзора нарушений в деятельности органов предварительного расследования (полномочия прокурора по пресечению и устранению нарушений).

Рассмотрим, насколько эти закономерности учитываются в действующем законодательстве на примере полномочий прокурора, указанных в ч.2 ст.37 УПК РФ.

Обеспечивая надзор за органами расследования, прокурор, согласно п.1 ч.2 ст.37 УПК РФ наделяется полномочиями проверять исполнение требований закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях. Конституционно-правовую основу полномочий прокурора составляет право граждан на обращения в государственные органы (ст.33 Конституции РФ). Осуществляя прием, регистрацию и разрешение сообщений о преступлениях, орган расследования выносит делопроизводственные и процессуальные решения, выступающие предметом прокурорского надзора. Установив факт нарушения закона, прокурор составляет требование об устранении выявленных нарушений (п.3 ч.2 ст.37 УПК РФ), которое по своей сути является актом прокурорского реагирования. В соотношении с общим количеством нарушений, выявляемых прокурором в досудебном производстве, примерно 2/3 нарушений допускаются при приеме, регистрации

и рассмотрении сообщений о преступлении и примерно 1/3 при производстве следствия и дознания¹³⁶.

На первый взгляд полномочие прокурора по надзору за законностью приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях получило достаточное правовое регулирование. Однако при более внимательном изучении видно, что надзор за разрешением сообщения о преступлении в форме отказа в возбуждении уголовного дела не охватывается данным предписанием и представляет самостоятельное полномочие, закрепленное п.5.1 ч.2 ст.37 УПК РФ. Соответственно, пределы полномочия прокурора на основании п.1 ч.2 ст.37 УПК РФ охватываются периодом деятельности органа расследования от момента получения сообщения о преступлении и до окончания проверки. Прокурор проверяет лишь исполнение закона при приеме и регистрации сообщений о преступлениях, о соблюдении сроков проверки, а также по обеспечению прав лиц, действия которых подлежат проверке. Процессуальные решения по результатам рассмотрения сообщения о преступлении не входят в предмет надзора по первому пункту ч.2 ст.37 УПК РФ.

Следуя логике, следующее полномочие прокурора – проверка законности отказа в возбуждении уголовного дела. В соответствии с п.5.1 ч.2 ст.37 УПК РФ прокурор уполномочен «истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела».

Предметом надзора выступают решения следственных органов об отказе в возбуждении уголовного дела, которые могут ограничить право гражданина на доступ к правосудию (ст.52 Конституции РФ). Данное полномочие распространяется только на органы предварительного следствия, хотя акт прокурорского реагирования по результатам проведенной проверки

¹³⁶ Результаты деятельности органов прокуратуры Российской Федерации // Генеральная прокуратура Российской Федерации : сайт. URL: epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result (дата обращения: 25.07.2024).

выносятся как в отношении следователя, так и в отношении дознавателя. Несмотря на лексические различия в закреплении полномочий прокурора по отношению к разным органам расследования (ч.6 ст.148 УПК РФ), их содержание по сути идентично: прокурор выносит постановление об отмене решения органа расследования об отказе в возбуждении уголовного дела и возвращает материалы проверки в орган расследования, указав какие обстоятельства требуют дополнительной проверки. Используя в отношении следователя не такую императивную риторику как в отношении дознавателя, законодатель тем не менее предоставляет прокурору одинаковый объем надзорных полномочий по отмене процессуального решения.

Другая форма разрешения сообщения о преступлениях - решение о возбуждении уголовного дела в буквальном понимании текста УПК РФ не является предметом прокурорского надзора. Учитывая, что ч.2 ст.37 УПК РФ не содержит полномочия прокурора по проверке законности вынесенного решения о возбуждении уголовного дела, возникает вопрос о юридической значимости прокурорского полномочия: осуществляется оно в рамках надзора или имеет иную правовую природу? Прежде всего отметим, что надзорные полномочия прокурора могут закрепляться и вне ч.2 ст.37 УПК РФ. Поэтому отсутствие полномочия в конкретной статье закона нельзя рассматривать в качестве аргумента. А вот предложенный выше алгоритм, раскрывающий последовательность формирования надзорных полномочий прокурора, можно взять за основу. Если применить его к рассматриваемому полномочию, то очевидно, что решение о возбуждении уголовного дела, особенно вынесенное в отношении конкретного лица, ограничивает целый ряд конституционных прав и свобод человека и должно находиться под надзором прокурора. Именно поэтому проверка прокурором законности возбуждения уголовного дела, нашла свое закрепление в ч.4 ст.146 УПК РФ, как в части полномочий на выявление нарушений закона, так и в части полномочий, направленных на устранение нарушения (прокурор, признав незаконным постановление о

возбуждении уголовного дела выносит мотивированное решение о его отмене).

В этой связи хотим остановиться на проблеме, активно обсуждаемой в уголовно-процессуальной науке – предоставление прокурору полномочий на возбуждение уголовных дел¹³⁷. Для нас очевидно, что в действующей правовой парадигме, где прокурор осуществляет надзорную функцию в отношении органа расследования, возбуждающего уголовные дела, ставить вопрос о предоставлении прокурору аналогичных полномочий не логично. Для возвращения прокурору данного правомочия необходимо концептуально изменить его правовой статус в уголовном судопроизводстве, сделав его участником стороны обвинения в досудебном производстве не по наименованию, а по сути. Более верным в существующих правовых реалиях является предложение Б.Я. Гаврилова о закреплении в законодательстве правила об обязательности возбуждения органом расследования уголовного дела, на основании постановления прокурора, вынесенного в порядке п.2 ч.2 ст.37 УПК РФ¹³⁸.

Вторая часть полномочий прокурора осуществляется им в стадии предварительного расследования: после возбуждения уголовного дела и до вынесения итогового процессуального акта. Завершение прокурорского надзора мы связываем именно с принятием органом расследования решения о направлении прокурору уголовного дела с итоговым актом расследования - обвинительным заключением, актом, постановлением, что традиционно для российского уголовного процесса, хотя в теории уголовного процесса высказывались и другие суждения. Например, согласно Уставам уголовного судопроизводства (ст.519 УУС), если прокурор принимал решение о предании обвиняемого суду, то этим актом завершались и досудебная стадия уголовного процесса, и прокурорский надзор за процессуальной деятельностью

¹³⁷ Рябцев В. П., Алексеев А. И., Бессарабов В. Г. Указ. соч.

¹³⁸ Гаврилов Б. Я. Указ. соч.

следствия¹³⁹. Современный прокурор прекращает надзорную деятельность только получив от органа расследования уголовное дело вместе с итоговым актом, которые оценивает с позиции поддержания обвинения, а не как надзирающий орган. Особенно наглядно обвинительная направленность в деятельности прокурора проявляется при принятии решения о возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия. В таких случаях очевидно, что прокурор руководствуется достаточностью и допустимостью имеющихся в уголовном деле доказательств, преследуя цель выдвижения и обоснования обвинения в суде.

Возвращаясь к надзорным полномочиям прокурора отметим, что законодатель дифференцированно подошел к их правовому регулированию, ограничив их применение формой расследования - дознанием либо предварительным следствием. Например, полномочия, закрепленные п.5 ч.2 ст.37 УПК РФ, используются прокурором при согласовании ходатайств дознавателя об избрании меры пресечения либо производстве процессуальных действий, допускаемых на основании судебного решения. Содержание полномочий позволяет отнести их к надзорным, как обеспечивающим проверку процессуальных решений органов расследования, ограничивающих конституционные права граждан на свободу, тайну частной жизни, неприкосновенность жилища и т.д. Но в отличие от следователя, у дознавателя отсутствует возможность оспаривать акты прокурорского реагирования (отказ в согласовании ходатайства), что характерно поднадзорным субъектам. В то же время право на обжалование есть у следователя, который представляет свои возражения на решение прокурора в порядке, установленном УПК РФ. При этом, как справедливо отмечает В.Б. Ястребов, «закон вводит излишне усложнённый механизм обжалования предписаний прокурора, допуская

¹³⁹ Варпаховская Е. М., Деревскова В. М. Развитие прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия в судебных реформах России XIX и XX вв. // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 1. С. 102–108.

перенос разбирательства даже несложного конфликта на самый высокий уровень»¹⁴⁰, что вряд ли целесообразно.

Однозначно надзорными являются полномочия прокурора по проверке законности и обоснованности решений органов расследования о приостановлении или прекращении производства по уголовному делу, непосредственно затрагивающих конституционное право граждан на доступ к правосудию. Но и в этом случае очевидна необоснованная нормативная дифференциация. При производстве дознания прокурор утверждает постановление о прекращении уголовного дела на основании п.13 ч.2 ст.37 УПК РФ, для остальных постановлений дознавателя и его руководителей действует правило, установленное п.6 ч.2 ст.37 УПК РФ – прокурор уполномочен отменять их незаконные и необоснованные постановления. Для предварительного следствия действует порядок, установленный п.5.1 ч.2 ст.37, ч. 1.1 ст. 211, ч.1 ст.214 УПК РФ, позволяющий прокурору также отменять незаконные и необоснованные постановления о прекращении уголовного дела или приостановлении производства по уголовному делу, «с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительному расследованию». Полагаем, что последнее правило следует распространить на все органы расследования, что соответствует результатам проведенного нами опроса сотрудников органов прокуратуры и следственных органов: 137 респондентов (88%) согласились с данным утверждением.

Следующее полномочие, обозначенное в п.8 ч.2 ст.37 УПК РФ, предусматривает участие прокурора в судебных заседаниях в ходе досудебного производства по ходатайствам следственных органов. Правовая природа данного полномочия противоречива. С одной стороны, исходя из предмета судебного рассмотрения (применение мер пресечения, производство следственных действий, обжалование) речь идет о конституционных правах и свободах человека, охрана которых составляет предмет надзора; но с другой

¹⁴⁰ Ястребов В. Б. О деятельности стороны обвинения в уголовном судопроизводстве // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С. 87–96.

стороны, учитывая изменения в статусе прокурора, вступающего в судебное заседание – потерю властного статуса и равноправие участников судебных отношений, очевидно, что данные полномочия не являются государственно-властными, а, следовательно, и надзорными. Нельзя их отнести и к другой функции прокурора – уголовному преследованию, т.к. судебные заседания не связаны с рассмотрением уголовно-правового спора. Разрешением этого противоречия может стать на наш взгляд, следующее предложение: на органы следствия возлагается обязанность предварительного согласования с прокурором ходатайств по вопросам применения мер пресечения или производства следственных действий, требующих получения судебного решения. При этом дача согласия освободит прокурора от обязательного участия в судебном заседании с целью доведения до суда своей позиции, а отказ в согласовании – не позволит органу расследования обратиться в суд, но может быть обжалован вышестоящему прокурору, решение которого должно быть окончательно. Такое решение существующей проблемы поддержано 92% (114 человек) опрошенных респондентов из числа прокурорских работников и 84% (71 человек)- из числа их процессуальных оппонентов.

Выявленная двойственность – результат противоречивого правового регулирования полномочий прокурора в досудебном производстве по отношению к различным органам предварительного расследования. Освобождая следственные органы от обязанности согласовывать с прокурором свои ходатайства об ограничении конституционных прав граждан, и наоборот, поддерживая руководящую роль прокурора при производстве дознания, законодатель нивелирует значимость прокурорского надзора. Двойственность в правовом оформлении правосубъектности прокурора несомненно должна быть устранена. Мы согласны с авторами, полагающими что надзор прокурора за следователями и дознавателями не должен принципиально отличаться¹⁴¹. Остается ответить на вопрос: какой

¹⁴¹ Таболина К.А. Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел : автореферат дис. ... канд. юрид. Наук. Москва, 2016. С. 12.

способ совершенствования законодательства следует избрать – расширить перечень субъектов, обладающих правом оспаривать решения прокурора, либо наоборот, взяв за основу координирующую роль прокурора в правоохранительной деятельности (ст.1 ФЗ «О прокуратуре РФ»), закрепить обязательность актов прокурорского реагирования для всех органов расследования?

По нашему мнению – правильным является второй вариант. В отличие от других видов надзора, специфичность прокурорской деятельности в уголовно-процессуальной сфере, обусловлена не только характером и содержанием отношений, возникающих с органами расследования как поднадзорными субъектами, но и наличием у прокурора еще одного направления деятельности - уголовного преследования (обвинения), осуществляемого исключительно в рамках уголовного судопроизводства и предполагающего согласованность в целях и задачах прокурорской деятельности. Осуществляя надзор в досудебном производстве и проверяя решения органов расследования на их соответствие Конституции и УПК РФ, прокурор одновременно решает еще одну глобальную задачу – контролирует процесс формирования будущего обвинения, исполнителями которого являются органы предварительного расследования.

Взяв во внимание, что результаты деятельности органов расследования, в том числе используемые для формирования государственного обвинения, получает прокурор, именно за ним в отношениях с органами расследования и должно оставаться последнее слово по вопросам, составляющим предмет прокурорской деятельности. Сказанное означает, что, решая проблему двойственности полномочий прокурора в отношениях с органами предварительного расследования, следует исходить из его координирующей роли в деятельности правоохранительных органов и обязательности указаний прокурора по вопросам, составляющим предмет прокурорского надзора и предмет государственного обвинения для всех органов предварительного расследования. Несогласованность функций прокурора, как отмечает В.А.

Лазарева, порождает серьезные последствия: «Недостатки предварительного следствия и дознания, препятствующие эффективному доказыванию обвинения в суде, свидетельствуют о серьезных проблемах, существующих в сфере прокурорского надзора за расследованием»¹⁴².

Возвращаясь к ч.2 ст.37 УПК РФ остановимся на пунктах 9-12, в которых устанавливаются полномочия прокурора разрешать отводы дознавателя, отстранять его от расследования, изымать у него уголовные дела и передавать следователю, а также другие формы передачи уголовных дел и материалов проверки. Анализируя характер и содержание данных полномочий не можем согласиться с С.А. Шейфером в том, что они носят «чисто надзорный характер»¹⁴³. Хотя обозначенные полномочия и реализуются в досудебном производстве прокурором на основе должностной правосубъектности, полагаем что считать их надзорными нет оснований ввиду явной организационно-технической направленности этих решений и их внутриведомственного характера. В связи с обозначенным, целесообразно данные полномочия передать руководителю органа расследования. Исключение составляет полномочие прокурора по передаче уголовных дел от одного органа расследования – другому.

До сих пор мы рассматривали надзорные полномочия прокурора, обеспечивающие выявление допущенных нарушений. Вместе с тем очевидно, что недостаточно только выявлять нарушения. Как и в других видах надзора прокурор должен принимать меры как для предупреждения нарушений закона, так и для устранения выявленных нарушений. Как правило такие меры реализуется в форме вынесения протеста, представления, предостережения и других актов прокурорского реагирования, обязательных для поднадзорных адресатов.

¹⁴² Лазарева В. А. Участие прокурора в уголовном процессе. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2019. С. 5.

¹⁴³ Шейфер С. А. Прокурорское уголовное преследование: шаги к возрождению // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России / под ред. В. А. Лазаревой. Самара, 2012. Вып. 6. С. 13–20.

В этой связи представляет интерес полномочие прокурора, указанное в п.3 ч.2 ст.37 УПК РФ, обязательное для органов дознания и предварительного следствия, а именно: «требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при ...производстве дознания или предварительного следствия». Указанная редакция не дает понимания предмета надзора: идет ли речь о каких-то иных процессуальных решениях, кроме обозначенных в данной статье УПК РФ, либо прокурорский надзор распространяется также на действия органов расследования, нарушающих права и свободы участников судопроизводства? Полагаем, что такой формулировкой на прокурора возлагается обязанность обеспечивать превентивный надзор за производством дознания и предварительного следствия, позволяющий выявлять нарушения в действиях органа расследования и предотвращать вынесение незаконных и необоснованных процессуальных решений. Однако с другой стороны, упоминание в тексте закона на возможность прокурора «требовать устранения нарушений» не формирует механизма реализации им полномочия по надзору за органами предварительного расследования. И здесь возникает проблема – отсутствие мер прокурорского реагирования для данного вида надзора, известная современной уголовно-процессуальной науке. Ученые отмечают, что действующее законодательство характеризуется как нормативной неурегулированностью понятий и видов правовых средств, применяемых прокурором при осуществлении надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, так и отсутствием четкой системы актов прокурорского реагирования, используемых в уголовном судопроизводстве¹⁴⁴.

Осталось без анализа последнее полномочие, указанное в п.6 ч.2 ст.37 УПК РФ, позволяющее вышестоящему прокурору отменять незаконные и необоснованные постановления нижестоящего прокурора. Однако это

¹⁴⁴ Ергашев Е. Р. Проблемы правового статуса прокурора в досудебном производстве по уголовному делу // Уголовное право. 2008. № 4. С. 89.

полномочие нельзя отнести ни к надзорной, ни к обвинительной функции прокурора потому, что его носителем является не надзирающий прокурор как руководитель органа прокуратуры, а вышестоящий прокурор, указания которого обязательны для всех нижестоящих прокуроров на основании ФЗ «О прокуратуре РФ».

Помимо рассмотренных предписаний, закрепляющих надзорные полномочия прокурора, часть вторая ст.37 УПК РФ закрепляет еще ряд полномочий, которые хотя и реализуются в досудебном производстве, имеют иную функциональную направленность. Например, пункт 2, позволяющий прокурору инициировать вынесение органом расследования решения о возбуждении уголовного дела; пункт 4, позволяющий прокурору «давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий», или другими словами, участвовать в расследовании и руководить им; пункт 5.2, определяющий полномочия прокурора по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве и объеме обвинения; пункты 8.1, 14 и 15 закрепляющие полномочия прокурора на этапе утверждения итоговых актов предварительного расследования. Все указанные полномочия по своему функциональному назначению тяготеют к обвинительной функции прокурора, т.к. позволяют прокурору быть причастным к формированию государственного обвинения уже на стадии предварительного расследования. Такие полномочия обеспечивают обвинительную функцию прокурора как участника стороны обвинения и будут рассмотрены в следующем параграфе. Следует отметить, что принадлежность полномочий к той или иной функциональной группе имеет принципиальный характер, т.к. каждое полномочие направлено на достижение определенной функциональной цели. Поэтому не можем согласиться с А.А. Тушевым, что «одни и те же полномочия могут обеспечивать реализацию одновременно нескольких функций»¹⁴⁵.

¹⁴⁵ Тушев А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации: система функций и полномочий : автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 12.

На основании проведенного анализа составлена таблица, систематизирующая надзорные полномочия прокурора в досудебном производстве и раскрывающая их связь с предметом надзора и решениями органов предварительного расследования (Таблица 3).

Таблица 3. Надзорные полномочия прокурора в досудебном производстве

Предмет надзора	Решение органа расследования	Полномочия прокурора по надзору	Меры прокурорского реагирования
Возбуждение уголовного дела			
Право гражданина на обращение в гос. органы	Прием и регистрация сообщения, продление сроков рассмотрения	Проверять законность приема, регистрации и разрешения сообщений (п.1 ч.2 ст.37)	Требование об устранении выявленных нарушений (п.3 ч.2 ст.37)
Право на доступ к правосудию	Постановление органа расследования об отказе в ВУД	Проверять законность отказа в возбуждении УД (п.5.1 ч.2 ст.37)	Принимает решение в соответствии с УПК РФ (п.5.1 ч.2 ст.37). Отменяет постановление и возвращает в орган расследования (ч.6 ст.148)
Комплекс конституционных прав и свобод	Постановление органа расследования о ВУД	Проверка законности ВУД (ч.4 ст.146)	Выносит постановление об отмене (ч.4 ст.146)
Предварительное расследование			
Комплекс конституционных прав и свобод	Превентивный характер надзора	Проверять законность производства дознания или предварительного следствия	Требование об устранении выявленных нарушений (п.3 ч.2 ст.37)
Право на доступ к правосудию	Постановление органа расследования о приостановлении или прекращении уголовного дела	Проверять законность приостановлении или прекращении УД: для дознавателя (п.п. 6 и.13 ч.2 ст.37); для следователя (п.5.1 ч.2 ст.37; ч.1.1 ст.211; ч.1 ст.214)	Принимает решение в соответствии с УПК РФ (п.5.1 ч.2 ст.37). Отменяет постановление и возвращает в орган расследования (ч.6 ст.148)
Право на неприкосновенность	Ходатайство о применении меры пресечения	Только для дознания: дает согласие (п.5 ч.2 ст.37)	Обязательность согласования прокурором (п.5 ч.2 ст.37)
Право на частную жизнь, жилище и т.д.	Ходатайство о производстве СД по судебному решению	Только для дознания: дает согласие (п.5 ч.2 ст.37)	Обязательность согласования прокурором (п.5 ч.2 ст.37)

Таким образом, представленную в УПК РФ детализацию надзорных полномочий прокурора за деятельностью органов предварительного расследования нельзя назвать удачной. Обеспечивая надзор, прокурор выступает не как участник стороны обвинения, и в целом - не как участник уголовного судопроизводства. На основе своей должностной

правосубъектности, производной от правового статуса, установленного Конституцией РФ и федеральным законом «О прокуратуре РФ», прокурор обеспечивает соблюдение органами предварительного расследования Конституции РФ и федерального законодательства. Позиционирование прокурора, исполняющего надзорные полномочия в качестве участника стороны обвинения, дискредитирует его истинное предназначение как государственного органа, обеспечивающего надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением федерального законодательства в интересах гражданина, общества и государства во всех сферах общественной жизни.

В целях совершенствования уголовно-процессуального законодательства и детализации надзорной функции прокурора за деятельностью органов предварительного расследования, предусмотренной ст.ст.29 и 30 ФЗ «О прокуратуре РФ», предлагаем исключить из ст.37 УПК РФ указание на осуществление прокурором надзора и соответствующие этой функции полномочия, одновременно расширив содержание статей 29 и 30 ФЗ «О прокуратуре РФ» следующим образом:

Статья 29. Предмет надзора за деятельностью органов предварительного расследования

Предмет надзора прокурора за деятельностью органов предварительного расследования составляют решения органов расследования, вынесенные в ходе досудебного производства:

- 1) об отказе в приеме и/или регистрации сообщения о преступлении;*
- 2) о продлении сроков рассмотрения сообщения о преступлении;*
- 3) об отказе в возбуждении уголовного дела;*
- 4) о возбуждении уголовного дела;*
- 5) о приостановлении производства по уголовному делу;*
- 6) о прекращении производства по уголовному делу или уголовному преследованию.*

В ходе производства предварительного расследования прокурор уполномочен проверять законность действий органов предварительного расследования, если они могут привести к нарушению конституционных прав и свобод участников судопроизводства.

Статья 30. Полномочия прокурора по надзору за деятельностью органов предварительного расследования

При осуществлении надзора за деятельностью органов предварительного расследования прокурор уполномочен:

- 1) запрашивать материалы проверки и/или уголовного дела по предмету надзора;*
- 2) выносить требования об устранении выявленных нарушений;*
- 3) отменять постановление о возбуждении уголовного дела;*
- 4) отменять постановление об отказе в возбуждении уголовного дела с указанием обстоятельств, подлежащих дополнительному исследованию;*
- 5) отменять постановление о приостановлении производства по уголовному делу с указанием обстоятельств, подлежащих дополнительному исследованию;*
- 6) отменять постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, с указанием обстоятельств, подлежащих дополнительному исследованию.*

В ходе производства предварительного расследования прокурор согласовывает ходатайства органов расследования о применении мер пресечения и совершении процессуальных действий, для производства которых необходимо судебное решение. Отказ прокурора в согласовании препятствует обращению органа расследования в суд.

Решения прокурора, вынесенные в пределах его компетенции обязательны для исполнения органом предварительного расследования, но могут быть обжалованы вышестоящему прокурору, решение которого окончательно.

2.3. Полномочия прокурора по уголовному преследованию и защите установленного правопорядка

Полномочия по уголовному преследованию. Функция уголовного преследования (обвинения), обеспечивающая достижение целей уголовного процесса, вытекающих из ст.6 УПК РФ, является базовой для уголовного судопроизводства, непосредственно связанной с его назначением и содержанием. Однако, как правовая (уголовно-процессуальная) дефиниция и доктринальная категория уголовное преследование не имеет ясного и четкого понимания: границы и пределы уголовного преследования не обозначены; различия в реализации функции публичными и частными субъектами отсутствуют; полномочия по осуществлению уголовного преследования между государственно-властными лицами не распределены; соотношение функции уголовного преследования с надзорной функцией прокурора как основного субъекта обвинительной деятельности, не определено.

Неурегулированность одной из основных категорий уголовно-процессуального права, неопределенность субъектов, осуществляющих уголовное преследование приводят к суждениям, что деятельность прокурора в уголовном процессе связана с выполнением только одной функции – прокурорского надзора¹⁴⁶. Не разделяя данное высказывание мы присоединяемся к авторам¹⁴⁷, обосновывающим самостоятельность каждой из возложенных на прокурора функций, как уголовного преследования, так и надзора. Учитывая, что каждая функция объединяет в себе соответствующие полномочия прокурора, обеспечивающие достижение функциональных целей, а в УПК РФ полномочия по функциям не распределены, рассмотрим функцию по осуществлению уголовного преследования в разрезе осуществляемых прокурором полномочий в досудебном и судебном производстве.

¹⁴⁶ Рябинина Т. К. Указ. соч.

¹⁴⁷ Жук О. Д. Формы и виды уголовного преследования // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 11. С. 104–109.

Значительная часть ученых, посвятивших свои исследования изучению роли прокурора в осуществлении уголовного преследования, ограничивают сферу его деятельности в этом направлении поддержанием государственного обвинения в суде¹⁴⁸, обосновывая тезис, что прокурорское уголовное преследование тождественно поддержанию государственного обвинения в суде и реализуется только в судебном производстве. Такая позиция не обосновательна. Из всех действий и решений, перечисленных в статье 37 УПК, определяющей полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве, к уголовному преследованию бесспорно можно отнести поддержание государственного обвинения в суде (ч.3) и отказ от уголовного преследования (ч.4), который также допускается в судебных стадиях.

Относительно определения полномочий прокурора по уголовному преследованию в досудебном производстве в уголовно-процессуальной науке ведутся дискуссии. Высказаны предложения противоречивого характера, от полного отрицания самостоятельности прокурора по уголовному преследованию в досудебном производстве¹⁴⁹, до закрепления его руководящей роли в осуществлении уголовного преследования¹⁵⁰, предоставлении возможности возбуждать уголовные дела и собирать доказательства¹⁵¹, участвовать в предъявлении обвинения¹⁵² и производстве следственных действий¹⁵³ и т.д. Мы полагаем, что более убедительны авторы, признающие самостоятельность и уникальность уголовного преследования прокурора в досудебном производстве. Осуществление прокурором данной функции в досудебном производстве имеет место быть потому, что именно в этой части уголовного процесса формируется официальное государственное

¹⁴⁸ Васильев О. Л. Поправки к Конституции РФ и изменение роли прокурора в отечественном уголовном процессе // Закон. 2017. № 3. С. 46–59 ; Синельщиков Ю. П. Перспективы развития законодательства о прокуратуре // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 6. С. 13–24.

¹⁴⁹ Синельщиков Ю. П. О функциях прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса.

¹⁵⁰ Кругликов А. П., Бирюкова И. А. Указ. соч.

¹⁵¹ Анисимов Г. Указ. соч.

¹⁵² Шевчук А. Н. Соотношение функций уголовного преследования и обвинения в ходе досудебного производства // Военное право. 2021. № 3. С. 229–236.

¹⁵³ Бабенко С. В. К вопросу о соотношении функций прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 3. С. 32–36.

обвинение и прокурор «продолжает играть основную роль в решении вопроса о продолжении уголовного преследования при утверждении обвинительных заключения, акта, постановления»¹⁵⁴. Однако предложения о расширении полномочий прокурора на возбуждение уголовного дела, предъявление обвинения и др., достаточно дискуссионные. В целом обозначенные вопросы должны изучаться и разрешаться системно, с учетом исторических традиций российского законодательства и на основе научно-обоснованной стратегии развития уголовного процесса.

Прежде чем приступим к определению полномочий прокурора по уголовному преследованию в досудебном производстве, отметим, что реализация указанных полномочий по действующему правовому регулированию не обязывает прокурора приобретать уголовно-процессуальный статус. Как и при осуществлении надзорных полномочий, прокурор, утверждающий обвинительное заключение действует на основании своей должностной правосубъектности, установленной ст. ст. 1 и 35 Федерального закона «О прокуратуре РФ». Поэтому круг должностных лиц органов прокуратуры, уполномоченных на осуществление уголовного преследования в досудебном производстве, не подлежит расширительному толкованию, а определяется исходя из ч.5 ст. 37 УПК РФ.

В тоже время, как представитель государства, на которого Конституцией РФ возложена функция уголовного преследования (обвинения) лиц, виновно совершивших деяния, запрещенные уголовным законом и который обязан обеспечивать реализацию уголовного закона, прокурор не может не занимать обвинительную позицию. Однако место и роль прокурора в осуществляемом уголовном преследовании (обвинении) принципиально различны в досудебной и судебной частях уголовного судопроизводства, что позволяет выделить соответственно два этапа в реализации прокурором уголовного преследования (обвинения). На первом этапе в досудебном производстве

¹⁵⁴ Жубрин Р. В. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 2. С. 23.

особый государственно-властный статус прокурора и используемые процедуры, исключаящие равенство сторон и обеспечивающие обязательность установленного порядка, позволяют прокурору осуществлять полномочия по уголовному преследованию на основе своей должностной правосубъектности, не принимая статус участника уголовного судопроизводства (субъекта уголовно-процессуального права). В судебном же производстве, в рамках которого действует принцип состязательности и равноправия сторон защиты и обвинения, прокурор теряет свои государственно-властные начала и получает правосубъектность государственного обвинителя как участника стороны обвинения.

Досудебное производство. Выделение первого этапа в реализации прокурором уголовного преследования (обвинения) обусловлено возложением на него полномочий по формированию в досудебном производстве государственного обвинения как предмета будущего судебного разбирательства. Границы этого этапа совпадают с границами досудебного производства, однако активность прокурора в осуществлении уголовного преследования в пределах данного этапа не одинакова. В стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования участие прокурора имеет эпизодический, фрагментарный характер, т.к. зависит от возникновения определенных обстоятельств, а именно: установления прокурором правонарушений криминального характера и обращения обвиняемого, подозреваемого с ходатайством о сотрудничестве. При отсутствии указанных обстоятельств в досудебном производстве по уголовному делу, прокурор приступает к осуществлению уголовного преследования только после окончания предварительного расследования с обвинительным заключением, актом или постановлением. Рассматривая и утверждая решения органов расследования, прокурор формирует государственное обвинение для судебного разбирательства. Рассмотрим каждое полномочие прокурора отдельно.

1. *Инициация уголовного преследования.* Обеспечивая надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением федерального законодательства, прокурор эпизодически сталкивается с необходимостью инициирования уголовного преследования, в связи с чем использует полномочие, обозначенное п.2 ч.2 ст.37 УПК РФ, предусматривающее вынесение мотивированного постановления о направлении материалов проверки в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений уголовного законодательства. Например, в 2021 году более 5000 материалов было направлено прокурором в орган расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, из них возбуждено 4 529 уголовных дел; в 2022 году этот показатель снизился до 3 983 материалов, однако возбуждено 3 808 уголовных дел¹⁵⁵. Похожая ситуация сохраняется и в последние годы, что свидетельствует об активной роли органов прокуратуры в инициации уголовного преследования.

Хотя прокурор не обладает и не должен обладать полномочиями по возбуждению уголовного дела, тем не менее инициацию уголовного преследования нельзя рассматривать в рамках надзора за органами расследования, как утверждают отдельные авторы¹⁵⁶, так как цели, к которым стремится прокурор не связаны с установлением законности исполнения законодательства органами расследования. Составляя указанное постановление, прокурор реализует себя как субъект, преследующий прежде всего обвинительные цели, чтобы лицо, совершившее преступление не избежало ответственности.

Интересен еще один момент: прокурор составляет мотивированное постановление по фактам нарушений, выявленных при осуществлении им отраслевых видов надзора, возложенных на него законом о прокуратуре и не

¹⁵⁵ Результаты деятельности органов прокуратуры Российской Федерации // Генеральная прокуратура Российской Федерации : сайт. URL: epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result (дата обращения: 25.07.2024).

¹⁵⁶ Стрельников В. В. Уголовное преследование прокуратурой // *Эж-Юрист*. 2012. № 1–2. С. 3.

связанных с уголовно-процессуальной деятельностью. Такая «не процессуальная» природа полномочий прокурора, закрепленных п.2 ч.2 ст.37 УПК РФ исключает любую, даже опосредованную связь данного полномочия с надзором прокурора за деятельностью органов предварительного расследования. К аналогичным выводам, позволившим рассматривать в структуре функции уголовного преследования полномочия прокурора, предусмотренные п.2 ч.2 ст.37 УПК РФ, пришли и другие ученые¹⁵⁷.

Вместе с тем, правовая значимость данных полномочий, трансформировавшаяся в самостоятельный повод для возбуждения уголовного дела (п.4 ч.1 ст.140 УПК РФ) не должна обязывать органы расследования к возбуждению уголовных дел без дополнительной проверки, о чем пишет С.В. Клещев¹⁵⁸, т.к. во-первых, именно орган расследования несет ответственность за законность и обоснованность возбуждения уголовного дела и производство предварительного расследования; во-вторых, у органа расследования значительно больше проверочных средств для установления обстоятельств, обуславливающих необходимость возбуждения уголовного дела и начала уголовного преследования; в-третьих, отказ органа расследования в возбуждении уголовного дела по «прокурорскому» поводу, как и по остальным поводам, может быть отменен прокурором, но уже в рамках осуществления надзора.

2. *Сотрудничество с обвиняемым, подозреваемым.* Другим, не менее значимым обстоятельством, требующим участия прокурора в досудебном производстве в обвинительных целях является заявленное обвиняемым ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, ставящее перед прокурором запрос на возможность изменения (расширения) обвинения и корректировки наказания. На первый взгляд, полномочия

¹⁵⁷ См.: Вецкая С. А., Муллагалеева Л. Р. Отдельные вопросы реализации прокурором функции уголовного преследования на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 60–65 ; Соловьева Н. А., Ильясова А. К. Постановление прокурора как повод для возбуждения уголовного дела: проблемы совершенствования законодательства // Правовая парадигма. 2019. Т. 18, № 4. С. 131–139.

¹⁵⁸ Клещев С. В. «Прокурорский» повод для возбуждения уголовного дела: проблемы реализации // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3. С. 174–178.

прокурора по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве в соответствии с п.5.2 ч.2 ст.37 УПК РФ реализуются в период осуществления им надзорных полномочий за деятельностью органа расследования, в связи с чем могут рассматриваться в качестве надзорных полномочий. Однако нацеленность прокурора, заключающего соглашение, на возбуждение новых уголовных дел либо привлечение новых обвиняемых свидетельствует об обвинительном характере деятельности прокурора. Аналогичное мнение высказано А.Г. Халиулиным, указывающим на правовую природу досудебного соглашения о сотрудничестве, вытекающую из взаимодействия сторон обвинения и защиты¹⁵⁹; а также Н.Н. Апостоловой, считающей, что участие прокурора в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве показывает его «как главу обвинительной власти»¹⁶⁰.

Вывод об обвинительной направленности деятельности прокурора в реализации рассматриваемого полномочия подтверждается и Приказом Генерального прокурора РФ, регламентирующим организацию работ по заключению досудебных соглашений и определяющий значимость этой деятельности в правоприменительной практике, в рамках «прокурорского надзора, а также повышения эффективности борьбы с преступностью, особенно ее организованными формами»¹⁶¹. Обозначенная в Приказе «борьба с преступностью», в силу специфики уголовно-процессуальной деятельности трансформируется в функцию уголовного преследования, которую прокурор осуществляет в том числе посредством заключения с обвиняемым соглашения о сотрудничестве. Подписывая соглашение, прокурор мотивирует обвиняемого сотрудничать с органами предварительного следствия, содействовать раскрытию новых преступлений и изобличать других

¹⁵⁹ Халиулин А. Г. Полномочия прокурора по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное право. 2010. № 3. С. 98–102.

¹⁶⁰ Апостолова Н. Н. Указ. соч.

¹⁶¹ Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15 марта 2010 года № 107 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.02.2025). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

соучастников. Возложение на прокурора полномочия по заключению досудебного соглашения подтверждает его активную роль в осуществлении уголовного преследования как в отношении обвиняемого, заключающего досудебное соглашение, так и в отношении других изобличаемых обвиняемым лиц.

В этой связи не можем согласиться с предложением Е.А. Буглаевой о передаче полномочий по составлению досудебного соглашения о сотрудничестве следователю, мотивируя тем, что «следователь как организатор производства по уголовному делу обладает полной информацией по нему»¹⁶², оставив при этом прокурору лишь право на утверждение соглашения. Напомним, что закреплением данного института в УПК РФ ФЗ № 141-ФЗ от 29.06.2009 г., ставились цели уголовно-правовой направленности, а именно возможность изменения условий ответственности подозреваемого или обвиняемого, зависящие от его действий по оказанию содействия следствию в раскрытии и расследовании преступлений, изобличению других соучастников преступления. Указание на досудебный характер соглашения означает лишь, что целесообразность его заключения существует в стадии предварительного расследования, как раз тогда, когдаследователь не обладает «полной информацией». При этом значимость заключенного соглашения и полнота его исполнения проявляются в судебных стадиях, существенно влияя на вид, объем и содержание назначаемого наказания. Учитывая, что именно прокурор отвечает за поддержание государственного обвинения в судебном производстве и в целом за осуществление уголовного преследования в отношении виновных лиц, возложение на него рассматриваемых полномочий оправданно и понятно.

3. *Утверждение итогового процессуального акта.* Завершающим, а по значительному количеству уголовных дел, единственным «фрагментом» в осуществлении прокурором уголовного преследования в досудебном

¹⁶² Буглаева Е. А. Участие прокурора в ходе предварительного следствия : автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. С. 10.

производстве является утверждение им обвинительного заключения, акта или постановления по итогам проведенного предварительного расследования. Относительно функциональной принадлежности данных полномочий также ведутся споры. Авторы, исключая у прокурора в досудебном производстве функцию уголовного преследования, рассматриваемые полномочия соответственно связывают с надзорной деятельностью. Те же ученые кто такую функцию выделяет, относят утверждение итогового акта к уголовному преследованию.

Помимо узкофункциональных подходов в уголовно-процессуальной науке высказана компромиссная позиция «о биполярности процессуальных функций прокурора» при осуществлении им полномочий по утверждению обвинительного заключения, акта, постановления, т.е. указанные полномочия прокурора, как считают авторы, одновременно «следует относить к реализации надзорной функции прокурора и функции уголовного преследования»¹⁶³. В качестве возражения заметим, действительно в досудебном производстве прокурор одновременно осуществляет две функции и суждение о биполярности (двуполярности) функций справедливо, но только в рамках всего досудебного производства. Однако, когда исследуется отдельное полномочие прокурора, то принадлежность его к нескольким функциям ошибочна и алогична, т.к. каждая функция, как направление деятельности по заданному вектору, представлена в законодательстве совокупностью определенных полномочий прокурора, закрепленных законом, каждое из которых уникально, имеет собственное содержание и направлено на получение результата, соответствующего функциональной цели. Признание полномочия биполярным означает, что полномочие не предусматривает конкретного результата, а у субъекта, реализующего данное полномочие отсутствуют цели деятельности.

¹⁶³ Вецкая С. А., Муллагалеева Л. Р. Указ. соч.

В соответствии с действующим законодательством содержание полномочия по утверждению итогового акта зависит от формы предварительного расследования – предварительного следствия или дознания. Полномочия прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением (глава 31 УПК РФ) обширны: прокурор не только анализирует материалы уголовного дела на предмет законности проведенного следствия и достаточности имеющихся в деле доказательств для обоснования вины обвиняемого перед судом, но и решает вопросы по мере пресечения. Еще шире полномочия прокурора при рассмотрении итогового акта дознавателя – обвинительного акта или постановления: он может переквалифицировать обвинение, прекратить уголовное дело либо направить его для производства предварительного следствия.

Усмотрев недостатки в проведенном следствии или дознании, прокурор может вернуть уголовное дело вместе с итоговым актом для дополнительного расследования и/или пересоставления обвинительного заключения, акта, постановления. В рамках функции уголовного преследования такой подход логичен и оправдан, т.к. орган расследования устанавливает обстоятельства совершенного деяния и собирает доказательственную базу, а прокурор анализирует материалы уголовного дела с точки зрения законности их получения и достаточности для поддержания обвинения в суде в условиях состязательности со стороны защиты. Обнаружив нарушения и признав необходимость совершения дополнительных действий по производству расследования, прокурор возвращает уголовное дело уполномоченному должностному лицу для устранения замечаний. В связи со сказанным не можем согласиться с И.С. Дикаревым, считающим, что выполнение функции уголовного преследования «прокурор принимает на себя только в случае утверждения обвинительного заключения»¹⁶⁴.

¹⁶⁴ Дикарев И. С. Полномочия прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением // Российский следователь. 2020. № 10. С. 61–64.

Право следователя и дознавателя не согласиться с решением прокурора и принести вышестоящему прокурору возражения на замечания надзирающего прокурора также логически обосновано, т.к. с одной стороны, учитывается так называемый «человеческий фактор» (возможность ошибки), а с другой, посредством ознакомления с возражениями органа расследования, создаются условия для прокурора еще глубже ознакомиться с материалами уголовного дела и результатами проведенного расследования.

Вызывают возражения предписания, позволяющие следователю обжаловать несогласие вышестоящего прокурора Генеральному прокурору РФ. Включение в процедуру обжалования верхнего уровня «прокурорской вертикали» на наш взгляд чрезмерно и малоэффективно. Еще более неприемлемы предложения о предоставлении органу расследования (следователю либо руководителю следственного органа) права на обращение в суд с жалобой на требования прокурора¹⁶⁵. Учитывая, что орган расследования как публичный субъект обеспечивает государственную функцию по расследованию преступлений под надзором прокурора, а прокурор является также руководителем уголовного преследования и координатором всей правоохранительной деятельности, не понятен предмет данной жалобы и его связь с защитой прав и свобод человека. Полагаем, что для всех органов расследования должен быть установлен единый порядок обжалования указаний прокурора - только вышестоящему прокурору, решение которого обязательно как для надзирающего прокурора, так и для органа расследования.

Судебное разбирательство. Следующий этап в осуществлении прокурором уголовного преследования принципиально отличается от предыдущего как по границам, охватывающим судебное разбирательство и апелляционное производство, так и по содержанию. На этом этапе обвинительная деятельность реализуется гласно, целенаправленно и

¹⁶⁵ Апостолова Н. Н. Указ. соч.

предметно, при этом прокурор как руководитель органа прокуратуры, на которого Конституцией РФ возложена функция уголовного преследования, обладает исключительными полномочиями по осуществлению обвинения, что позволяет ему в рамках должностной правосубъектности участвовать во всех уголовно-процессуальных отношениях при рассмотрении любых уголовных дел в статусе государственного обвинителя, либо делегировать свои полномочия по поддержанию государственного обвинения подчиненным прокурорским работникам.

Следует отметить, что использование законодателем в УПК РФ, в 3 части «Судебное производство» термина «прокурор», не аналогично пониманию этого субъекта в предыдущих стадиях. Если в досудебном производстве значение термина «прокурор» определялось на основании ч.5 ст.37 УПК РФ – как руководителя органа прокуратуры, то в судебном производстве «прокурор» понимается преимущественно как должностное лицо органа прокуратуры в статусе государственного обвинителя. Объясняется это тем, что уголовных дел, по которым необходимо поддерживать государственное обвинение значительно больше, чем фактической возможности прокурора осуществлять уголовное преследование. Именно этим как мы полагаем, и объясняется расширительное толкование «прокурора» в п.31 ст.5 УПК РФ, и его изменение ФЗ № 92-ФЗ от 04.07.2003 г. в части включения в это понятие всех должностных лиц органов прокуратуры, участвующих в уголовном судопроизводстве в статусе государственного обвинителя.

Если для стадии судебного разбирательства проблема двойственности статуса прокурора не так значима, то для процессуальных отношений с участием прокурора, возникающих в судебном производстве за рамками судебного разбирательства, эта проблема выходит на первый план. Допуская двойственность в правовом регулировании статуса прокурора, законодатель игнорирует различия между узким и широким пониманием данного субъекта и обозначает прокурора как участника судебного производства не раскрывая

его должностную принадлежность. И если в одних ситуациях не сложно понять о каком прокуроре идет речь, например, ч.4 ст.227 УПК РФ, предписывающая направлять копию судебного постановления прокурору как руководителю, то в других случаях требуются пояснения. Например, указанное в ч.6 ст.246 УПК РФ «Участие обвинителя» полномочие прокурора предъявлять или поддерживать предъявленный по уголовному делу иск, не имеет указания на конкретного адресата: судя по наименованию статьи речь идет о государственном обвинителе, однако если ориентироваться на ч.3 ст.44 УПК РФ – о прокуроре-руководителе.

Особенно нелогично, когда законодатель в одном предложении использует термин «прокурор» одновременно в двух смыслах, например, в ч.2 ст.228 УПК РФ: «Вопрос об избрании меры пресечения... рассматривается в судебном заседании судьей по ходатайству прокурора..., с участием ...прокурора». В первом упоминании речь идет о прокуроре - руководителе органа прокуратуры, обратившемся в суд с ходатайством; во втором – о должностном лице органа прокуратуры, принимающем участие в судебном заседании. Очевидно, что статус должностных лиц – должностной и процессуальный, не одинаков, и эти различия должны отражаться в законодательстве.

Несмотря на допускаемое отождествление узкого и широкого понимания термина «прокурор», УПК РФ закрепляет ряд полномочий в судебном производстве, относящихся исключительно к прокурору как руководителю органа прокуратуры. Сюда относятся:

- 1) право на апелляционное обжалование судебного решения (ч.1 ст.389.1);
- 2) обязательность указаний апелляционного суда для прокурора (ч.3 ст.389.19).

Не вызывает сомнений, что должностная правосубъектность прокурора-руководителя позволяет ему участвовать в уголовно-процессуальных отношениях, в том числе в судебном производстве, так как она основана на положениях Конституции РФ, Федерального закона о прокуратуре и ст.37

УПК РФ, детализирующей эти предписания. А вот положение должностных лиц органов прокуратуры, действующих по поручению прокурора в судебных заседаниях, не связанных с поддержанием государственного обвинения, остается как отмечено ранее не ясным: их процессуальный статус не обозначен; полномочия, которыми они наделяются не понятны; сфера их деятельности не определена. Более конкретным является процессуальный статус государственного обвинителя как участника судебного разбирательства, действующего также по поручению прокурора, но в судебном разрешении уголовного дела по существу. Хотя прокурор может выступать в статусе государственного обвинителя, в правоприменительной деятельности наибольшее использование получил вариант делегирования обвинительных полномочий подчиненному сотруднику – должностному лицу органа прокуратуры, который для участия в судебном разбирательстве приобретает процессуальный статус государственного обвинителя.

Итак, прокурор как руководитель органа прокуратуры по большинству уголовных дел не участвует непосредственно в судебном разбирательстве, а делегирует свои полномочия подчиненным сотрудникам, приобретающим процессуальный статус государственного обвинителя, либо действующим в качестве представителя прокурора. Именно поэтому роль прокурора в судебных стадиях не нашла своего закрепления в УПК РФ. Восполняет данный пробел ведомственный акт прокуратуры – Приказ Генерального прокурора РФ № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства»¹⁶⁶. В соответствии с обозначенным приказом прокурор осуществляет ряд полномочий, имеющих процессуальный характер, а именно:

- 1) назначает государственного обвинителя;
- 2) формирует группу государственных обвинителей с определением руководителя группы;

¹⁶⁶ Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30 июня 2021 года № 376 : (в ред. от 3 июля 2024 года) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.02.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

- 3) дает письменные поручения о поддержании государственного обвинения;
- 4) согласовывает отказ государственного обвинителя от обвинения или его изменение, либо самостоятельно поддерживает государственное обвинение по утверждённому им обвинительному заключению, акту, постановлению;
- 5) приносит апелляционное представление, если оно не принесено государственным обвинителем.

Учитывая, что данная глава диссертации посвящена полномочиям прокурора-руководителя в уголовном процессе, процессуальные статусы других должностных лиц органов прокуратуры здесь не рассматриваются, они будут детально рассмотрены в следующей главе. Полагаем, что указанные полномочия прокурора-руководителя должны получить законодательное закрепление, особенно в части предписаний, регламентирующих порядок делегирования должностным лицам органов прокуратуры полномочий прокурора и получения ими уголовно-процессуальных статусов. Пока же на уровне подзаконных актов Генеральной прокуратуры закрепляется лишь обязанность прокуроров – руководителей органов прокуратуры обеспечить участие прокуроров в рассмотрении судами вопросов, возникающих в досудебном производстве, а также связанных с исполнением приговоров¹⁶⁷.

Относительно участия прокурора в апелляционной инстанции, полагаем что в п.1 ч.1 ст. 389.12 УПК РФ, закрепляющем «обязательное участие государственного обвинителя и (или) прокурора», речь идет не о прокуроре как руководителе, а о должностных лицах органов прокуратуры, которые по поручению прокурора поддерживают обвинение в судах апелляционных инстанций выше районного уровня. Именно так разъясняется альтернатива «государственный обвинитель и (или) прокурор» пунктом 10 вышеназванного

¹⁶⁷ Об организации прокурорского надзора за соблюдением законов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и исполнении уголовных наказаний : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 24 октября 2024 года № 800 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: www.consultant.ru/ (дата обращения: 29.10.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

приказа Генерального прокурора: в районных судах в апелляционном производстве участвуют государственные обвинители; во всех остальных судах апелляционных инстанций обвинение поддерживают прокуроры структурных подразделений, обеспечивающих рассмотрение уголовных дел судами прокуратур субъектов РФ, соответствующих военных прокуратур, а также прокуроры Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры РФ. Однако у прокурора как руководителя органа прокуратуры остаются все полномочия, которыми он обладает в отношении государственных обвинителей.

Производство по пересмотру судебных решений. Данный этап прокурорской деятельности начинается после вступления судебного решения в законную силу и охватывает производства по его пересмотру: кассацию и надзор. Значительная часть ученых считают, что и на этом этапе прокурор продолжает осуществлять уголовное преследование, обеспечивая одновременно защиту прав и свобод участников судопроизводства¹⁶⁸. Позволим себе не согласиться. Говорить о продолжении прокурором уголовного преследования на этих стадиях нет оснований, т.к. вопрос о виновности лица уже решен приговором суда, который вступил в законную силу и начал исполняться. Нельзя взять за основу и представленную в науке уголовного процесса второй половины XX века концепцию, обосновывающую возложение на прокурора в судебных контрольных стадиях двух обозначенных функций – уголовного преследования и надзора¹⁶⁹.

Даже в тех случаях, когда прокурор ставит вопрос об ухудшении положения осужденного или оправданного, основная цель стадии пересмотра судебных решений - устранение допущенных нарушений в предшествующих судебных инстанциях и защита установленного правопорядка. Возобновить или начать уголовное преследование лица, незаконно избежавшего уголовной

¹⁶⁸ Теоретико-правовые и организационные основы участия прокурора в уголовном судопроизводстве / А. Л. Аристархов, Н. В. Буланова, Е. В. Быкова [и др.] ; под общ. ред. А. Г. Халиулина. Москва : Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. С. 414.

¹⁶⁹ Полянский Н. Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса. Москва : Издательство Академии наук СССР, 1960. С. 165.

ответственности прокурор сможет только в случае возвращения судом уголовного дела на предшествующую стадию. В качестве аргументов, подтверждающих данный тезис, сошлемся на положения УПК РФ, закрепляющие пределы прав суда кассационной (ст.401.16) и надзорной (ст.412.12) инстанций, и основания отмены или изменения судебных решений при рассмотрении уголовного дела в кассационном (ст.401.15) или надзорном (ст.412.9) порядке.

Исключая уголовное преследование как цель прокурора в кассации и надзоре, не можем также согласиться с мнением о том, что, участвуя в судебных проверочных стадиях прокурор осуществляет исключительно «надзор за соблюдением законности»¹⁷⁰, хотя данный тезис поддерживается и развивается многими учеными. Так И.С. Дикарев исходя из предмета проверки в судах кассационной и надзорной инстанции, делает вывод об осуществлении прокурором на этих стадиях надзорной функции и сетует, что предлагаемый подход «не вполне вписывается в нормативную дефиницию прокурора как участника уголовного процесса», осуществляющего надзор «только за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия». При этом автор соглашается, что «выполнение прокурором надзорной функции ни в коем случае не ставит прокурора над судом, поскольку прокурор осуществляет ее лишь теми средствами, которыми он обладает как одна из сторон процесса»¹⁷¹. Развивая данную мысль хотим отметить, что использование термина «надзор» применительно к деятельности прокурора в судебных заседаниях является на наш взгляд необоснованным, т.к. надзор предполагает наличие у надзирающего субъекта государственно-властных полномочий, а у прокурора в судебном заседании такие полномочия отсутствуют.

¹⁷⁰ Тугутов Б. А. Функции прокурора на судебных стадиях уголовного процесса : дис. канд. юрид. наук. Москва, 2014. С. 128; Таболина К.А. О функциях прокурора в судебном производстве по уголовным делам // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. 2024. № 1 (113). С.165-171.

¹⁷¹ Дикарев И. С. Уголовно-процессуальная функция прокурора в судах кассационной и надзорной инстанций // Уголовное судопроизводство. 2022. № 2. С. 28–32.

Как мы полагаем основная проблема данной концепции не в том, что отсутствует нормативное признание надзора как функции прокурора в судебных стадиях, а в том, что положение прокурора в отношениях с судом и другими участниками судебного заседания не является доминирующим, что обязательно для надзирающего субъекта. Если в советском уголовном процессе, допускающем доминирование прокурорского надзора над судами такой подход считался приемлемым, то в современных реалиях он вступает в противоречие с действующим законодательством и однозначно нами отвергается.

В условиях, когда у прокурора нет государственно-властных полномочий, а его указания не обязательны для поднадзорных, да и в целом в судебных заседаниях кассационного или надзорного судов нет поднадзорных, а есть суд и равноправные участники судопроизводства, разве можно считать такие полномочия надзорными? Однозначно нет. Еще один аргумент в обоснование тезиса об отсутствии у прокурора в судебном заседании надзорных полномочий заключается в принципиальных различиях в объекте и предмете прокурорской деятельности, осуществляемой в рамках надзорной либо судебной деятельности, на которые обратил внимание К.И. Амирбеков¹⁷². В этом и заключается основная причина, почему осуществляемые прокурором полномочия нельзя рассматривать в рамках надзора.

Итак, установленные в ч.1 ст.37 УПК РФ функции прокурора ни по отдельности, ни в совокупности, не приемлемы для определения его статуса в контрольных судебных стадиях. Отсутствие у прокурора, участвующего в судебных заседаниях государственно-властного статуса, не позволяет говорить о нем как о надзирающем субъекте. Хотя несомненно, что участие прокурора в суде направлено на достижение тех же результатов – соблюдение Конституции РФ и исполнение федеральных законов, соблюдение прав и

¹⁷² Амирбеков К. И. Объект и предмет прокурорской деятельности: теоретический подход. С. 49–52.

свобод человека и гражданина, охрана и защита публичных интересов, но в отличие от надзорных полномочий, у правовых средств, используемых прокурором в судебном заседании, отсутствуют какие-либо элементы властности и принудительности. Вместе с тем, отдельные полномочия, указанные в ч.2 ст.37 УПК РФ (например, участие прокурора в судебных заседаниях, проводимых в ходе досудебного производства), а также в главах УПК РФ, регламентирующих порядок проверочных судебных производств, подтверждает существование обоснованного ранее еще одного направления деятельности прокурора в уголовном процессе – защиту установленного правопорядка.

Осуществляя данные полномочия, прокурор обеспечивает соблюдение Конституции РФ и исполнение федерального законодательства в части соблюдения прав и свобод человека и гражданина, охраны и защиты общественных и государственных интересов, в том числе в судебных стадиях после вступления приговора в законную силу, но уже не как государственно-властный субъект, указания которого обязательны для поднадзорных субъектов, а как равноправный с другими участник уголовного судопроизводства. Эта функция, которую вполне логично назвать правозащитной функцией прокурора обеспечивается им также в судебных заседаниях досудебного производства, при рассмотрении вопросов о применении мер процессуального принуждения, производстве следственных действий, либо рассмотрении жалоб участников. Уместно вспомнить, что с момента своего учреждения органам прокуратуры в лице генерал-прокурора отводилась именно эта «первоначальная охранительная функция в составе правящего и вместе охраняющего сената»¹⁷³.

Вместе с тем, определяя в качестве самостоятельного направления деятельности прокурора правозащитную функцию следует отметить, что

¹⁷³ Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности : Пособие для прокурорской службы. Москва : Университетская типография, 1889. Т. 1. С. 254. URL: sites.google.com/view/procurorskiy-nadzor/prokurorskiy-nadzor (дата обращения: 20.09.2024).

предмет деятельности прокурора не ограничивается только защитой прав, свобод и интересов участников судопроизводства и других граждан, вовлекаемых в уголовный процесс. Как верно отметил В.В. Долежан, «правозащита как цель деятельности прокуратуры, достигаемая посредством всех функций и полномочий прокурора, должна пониматься в широком смысле, включающем охрану прав и законных интересов не только граждан но и государства и общества»¹⁷⁴. В таком же аспекте понимается предмет деятельности прокуроров в ведомственных актах, мотивируя прокуроров «реализовывать комплексный подход, всесторонне оценивать состояние законности»¹⁷⁵. В таком же контексте следует обозначить данную функцию в УПК РФ и закрепить соответствующие ей полномочия прокурора.

Следовательно, анализ так называемых «ненадзорных» полномочий прокурора показал, что в рамках уголовного судопроизводства прокурор помимо надзора и уголовного преследования (обвинения) осуществляет также ряд полномочий, имеющих правозащитную направленность, а именно обеспечивающих защиту установленного правопорядка в части соблюдения Конституции РФ, исполнения федерального законодательства, соблюдения частных и публичных интересов. Эти полномочия и образуют содержание отдельной правозащитной функции прокурора и выступают средством «наиболее эффективной реализации его правозащитного потенциала»¹⁷⁶.

Правозащитная функция прокурора еще мало изучена и для уголовно-процессуальной науки представляет значительный интерес, в том числе в рамках концепции, предложенной Л.А. Курочкиной, согласно которой прокурор в суде первой инстанции наряду с уголовным преследованием (обвинением) осуществляет также правообеспечительную функцию, выступая гарантом прав потерпевшего, подсудимого и других участников уголовного

¹⁷⁴ Долежан В. В. Проблемы компетенции прокуратуры // Государство и право. 1994. № 2. С. 22–23.

¹⁷⁵ Об организации прокурорского надзора за соблюдением законов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и исполнении уголовных наказаний : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 24 октября 2024 года № 800 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: www.consultant.ru/ (дата обращения: 29.10.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

¹⁷⁶ Евдокимов В. Б., Игонина Н. А. Указ. соч.

процесса¹⁷⁷. В данном контексте понимание правообеспечительной функции совпадает с содержанием правозащитной функции, выделяемой нами в качестве самостоятельного направления деятельности прокурора вне судебного разбирательства.

Подводя итог проведенному исследованию, предлагаем авторскую редакцию ст.37 УПК РФ, закрепляющую правовой статус прокурора, который хотя и действует на основе своей должностной правосубъектности, тем не менее обеспечивает в уголовном судопроизводстве осуществление функции уголовного преследования (обвинения):

Статья 37. Прокурор

1. Прокурор уполномочен осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также обеспечивать соблюдение Конституции РФ и федерального законодательства.

2. Осуществляя уголовное преследование в досудебном производстве прокурор уполномочен:

- 1) выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства;*
- 2) рассматривать ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и т.д.*
- 3) утверждать обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление по уголовному делу и направлять уголовное дело в суд;*
- 4) возвращать уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного*

¹⁷⁷ Курочкина Л. А. Проблема обеспечения прокурором прав участников судебного разбирательства : автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2003. С. 8–9.

заклучения, обвинительного акта или обвинительного постановления и устранения выявленных недостатков.

3. Осуществляя уголовное преследование в судебном производстве, прокурор уполномочен:

- 1) назначать государственного обвинителя, либо группу государственных обвинителей с определением руководителя группы;
- 2) давать письменные поручения о поддержании государственного обвинения;
- 3) согласовывать отказ государственного обвинителя от обвинения или его изменение, либо поддерживать государственное обвинение по утверждённому обвинительному заключению, акту, постановлению;
- 4) приносить апелляционное представление, если оно не принесено государственным обвинителем.

4. Прокурор, обеспечивая соблюдение Конституции РФ и федерального законодательства, в том числе настоящего Кодекса, уполномочен:

- 1) принимать участие в судебных заседаниях, проводимых в ходе досудебного производства по вопросам применения мер процессуального принуждения; производства следственных действий, осуществляемых на основании решения суда, а также при рассмотрении жалоб участников судопроизводства, либо назначать из числа должностных лиц органа прокуратуры представителя прокурора для участия в судебном заседании;
- 2) принимать участие в судебных заседаниях судов в кассационной и надзорной инстанции, либо назначать из числа должностных лиц органа прокуратуры представителя прокурора для участия в судебном заседании;
- 3) приносить кассационные и надзорные представления.

Таким образом, подводя итоги проведенному анализу должностной правосубъектности прокурора, мы пришли к следующим выводам:

1. Должностная правосубъектность прокурора, возникающая в момент замещения им должности руководителя органа прокуратуры, позволяет ему вступать в любые правоотношения в пределах своей юрисдикции, в том числе с участниками уголовного судопроизводства, без принятия дополнительного уголовно-процессуального статуса.

2. Правовой статус прокурора как руководителя органа прокуратуры, установленный Конституцией РФ, ФЗ «О прокуратуре РФ» и УПК РФ, и производная от него должностная правосубъектность прокурора обеспечивают осуществление не двух, а трех самостоятельных функций:

- 1) надзора за деятельностью органов предварительного расследования,
- 2) уголовного преследования (обвинения),
- 3) защиту установленного правопорядка (правозащитной функции).

3. Надзор прокурора за деятельностью органов предварительного расследования по своему содержанию, целям и задачам является внешним по отношению к уголовному судопроизводству и не может рассматриваться в качестве отдельного вида уголовно-процессуальной деятельности. Цели, стоящие перед надзирающим прокурором в досудебном производстве, аналогичны целям и задачам по другим видам так называемого «непроцессуального» надзора, что раскрывает их общность и подтверждает межотраслевой характер всех видов прокурорского надзора.

4. Полномочия по осуществлению уголовного преследования (обвинения) осуществляются прокурором в рамках уголовно-процессуальных отношений, но без принятия уголовно-процессуального статуса. Осуществляя уголовное преследование (обвинение) в досудебном и судебном производстве прокурор использует различные по характеру, содержанию и направленности формы деятельности. В досудебном производстве прокурор, обладающий государственно-властными полномочиями, формирует государственное обвинение, что является его исключительной компетенцией как руководителя органа прокуратуры. В судебном производстве на прокурора возлагается поддержание государственного обвинения на основе состязательности и

равноправия с участниками стороны защиты, что обуславливает необходимость получения им уголовно-процессуального статуса государственного обвинителя.

5. Полномочия, осуществляемые прокурором в судебных заседаниях досудебного производства либо в судебных заседаниях, проводимых после вступления судебного решения в законную силу, явно выходят за пределы функций надзора и уголовного преследования, что позволяет утверждать о необходимости выделения отдельного направления в деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве – правозащитной функции. Содержание правозащитной функции составляют полномочия прокурора по защите установленного Конституцией РФ и федеральным законодательством правопорядка, в интересах государства, общества и человека, осуществляемые в судебных заседаниях в условиях равноправия с другими участниками.

Глава 3. Уголовно-процессуальная правосубъектность иных должностных лиц органов прокуратуры

3.1. Уголовно-процессуальная правосубъектность государственного обвинителя

Рассматривая в первой главе диссертации правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве, мы обосновали, что государственный обвинитель - это уникальный субъект уголовно-процессуального права, действующий в стадии судебного разбирательства и апелляционного производства, посредством принятия должностным лицом органа прокуратуры поручения прокурора о поддержании государственного обвинения и получающий в связи с этим процессуальную правосубъектность, производную от его должностного статуса. Обусловленность правосубъектности государственного обвинителя его должностным статусом прокурорского работника означает, что реализуемые им в судебном разбирательстве полномочия производны от полномочий прокурора как руководителя органа прокуратуры.

Несмотря на основную роль государственного обвинителя в осуществлении уголовного преследования в судебном производстве, его правовое оформление в УПК РФ далеко от совершенства. Государственный обвинитель как должностное лицо органа прокуратуры «поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу» (п.6 ст.5 УПК РФ), не упомянут даже в шестой главе УПК РФ, закрепляющей участников стороны обвинения, что является серьезным упущением. На первый взгляд его отсутствие можно было бы объяснить тем, что процессуальная правосубъектность данного участника производна от статуса прокурора как руководителя органа прокуратуры, уполномоченного выступать в качестве государственного обвинителя по любому уголовному делу, относящемуся к его юрисдикции. Однако такое понимание является явно ошибочным, так как

статус государственного обвинителя может получить не только прокурор, но и любое должностное лицо органа прокуратуры, не включенное в понятие «прокурор» в смысле ч.5 ст.37 УПК РФ.

С другой стороны, независимо от должности сотрудника прокуратуры, получающего статус государственного обвинителя, возникающая у него процессуальная правосубъектность принципиально отличается от правосубъектности прокурора как руководителя органа прокуратуры: государственный обвинитель действует на основе состязательности и равноправия со стороной защиты и исключительно в рамках судебного разбирательства. Другими словами, «какими бы прерогативами не был наделен прокурор вне стен зала судебного заседания, они исчезают, как только он является в суд для участия в судебном разбирательстве по уголовному делу»¹⁷⁸. Данное обстоятельство также указывает на необходимость законодательного оформления государственного обвинителя в качестве отдельного участника стороны обвинения, являющегося субъектом уголовно-процессуального права и обладающего в связи с этим уголовно-процессуальной правосубъектностью.

Комментируя столь очевидный пробел в правовом оформлении государственного обвинителя, ученые отмечают, что «либо законодатель не различает статусы прокурора и государственного обвинителя и рассматривает их в совокупности, либо это ошибка законодателя, которую он должен устранить»¹⁷⁹. Соглашаясь с последним тезисом, проанализируем статус государственного обвинителя с точки зрения качества его правового оформления в действующем законодательстве, относительно каждого из элементов, составляющих его правовой статус, а именно:

1. имя субъекта права;
2. основания получения и прекращения статуса;

¹⁷⁸ Бернам У. Правовая система США. Москва : Новая юстиция, 2006. С. 171.

¹⁷⁹ Гамидов А. М., Абдуллаев М. М. Некоторые спорные положения о соотношении понятий «прокурор» и «государственный обвинитель» // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2017. Т. 24, № 4. С. 147–150.

3. способ приобретения правосубъектности (правоспособности и дееспособности);
4. права, обязанности, ответственность (процессуальные полномочия).

1. *Имя субъекта права.* Идентификация участника в качестве субъекта уголовно-процессуального права начинается с обозначения его правового имени. Применительно к государственному обвинителю его процессуальное имя и понятие легализовано в п.6 ст.5 УПК РФ, как «поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры».

Вместе с тем, согласно ч.4 ст.246 УПК РФ, государственное обвинение могут поддерживать несколько прокуроров, что означает, что государственный обвинитель может быть не только единоличным, но и коллективным субъектом¹⁸⁰. Однако, допуская групповую форму участия гособвинителей закон не разъясняет, как формируется группа обвинителей, что понимать под коллективной формой участия обвинителей и в каком порядке они взаимодействуют в производстве по уголовному делу. Остаются без ответа и такие вопросы, как: обязательно ли участие всех должностных лиц органов прокуратуры, включенных в группу государственных обвинителей в судебных заседаниях либо их участие может быть поочередным; как распределяются процессуальные полномочия между руководителем и участниками группы обвинителей; может ли количество гособвинителей превышать количество защитников подсудимого и т.д. Ответы на эти и другие вопросы, возникающие при участии группы гособвинителей, как верно отмечают С.П. Щерба и Н.Н. Федяков, должны содержаться «в нормативных положениях УПК РФ и организационно-распорядительных документах Генеральной прокуратуры РФ»¹⁸¹.

¹⁸⁰ Каплунов А. С. Проблема поддержания государственного обвинения группой государственных обвинителей // Проблемы становления гражданского общества. Иркутск, 2022. Ч. 2. С. 321–324.

¹⁸¹ Щерба С. П., Федяков Н. Н. Проблемы правового и организационно-методического обеспечения поддержания государственного обвинения группой прокуроров // Законность. 2016. № 2. С. 29–32.

В правоприменительной практике на нерешенность указанных вопросов обращает внимание в первую очередь сторона защиты. Например, при апелляционном обжаловании решения суда об отказе в удовлетворении жалобы о возвращении уголовного дела прокурору, один из доводов защиты для отмены судебного решения заключался в следующем: «решение принято без учета мнения старшего помощника прокурора отдела государственных обвинителей уголовно-судебного управления ФИО5, включенного в состав группы обвинителей. Возражения на ходатайства о возвращении дела прокурору подписаны двумя членами организованной группы обвинителей – ФИО6 и ФИО7, а ФИО5 не подписаны»¹⁸². К сожалению суд, отказывая в удовлетворении апелляционной жалобы не изложил своего ответа по данному доводу полагая видимо, что он не стоит судейского внимания. Тем не менее, чтобы избежать конфликтных ситуаций полагаем что такие вопросы должны быть разрешены на законодательном уровне.

Поддерживая предложение о нормативном закреплении групповой формы участия обвинителей, отметим, что редакция ч.4 ст.246 УПК РФ допускает и иное толкование данного предписания: участие нескольких государственных обвинителей в судебном разбирательстве рассматривается не одномоментно, а в порядке замены выбывающих гособвинителей. Об этом в частности говорит то, что из пяти предложений, составляющих содержание части 4 ст. 246, только в первом содержится предписание, допускающее возможность поддерживать государственное обвинение несколькими прокурорам, в остальных же четырех предложениях, разъясняются правила вступления в производство других прокуроров в порядке замены выбывшего гособвинителя.

Двойственность понимания данного предписания приводит к тому, что в правоприменении руководствуются обоими толкованиями. Как показывает

¹⁸² Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда № 22К-4393/2021 от 24 августа 2021 года по делу № 1-55/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: sudact.ru/regular/doc/8Cgd6s20VoLw/?regular-txt=группа+обвинителей®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&snippet_pos=594#snippet (дата обращения: 25.07.2024).

практика «прецеденты, связанные с поддержанием обвинения группой прокуроров, получают все большее распространение»¹⁸³, особенно при рассмотрении уголовных дел в суде с участием присяжных заседателей. Соответственно должна быть достаточная нормативная основа для такого участия, особенно когда в группу включаются должностные лица органов прокуратуры разного уровня. На необходимость формирования таких групп указывает прокурор Алтайского края Я.Е. Хорошев, по мнению которого для отработки практических навыков сотрудниками прокуратуры районного и городского уровня следует включать их в группы государственных обвинителей, в которых в качестве руководителя группы участвуют прокуроры управления прокуратуры края, имеющие опыт поддержания обвинения в суде с участием присяжных заседателей¹⁸⁴.

Иное толкование ч.5 ст.246 УПК РФ применяется в практической деятельности при участии нескольких государственных обвинителей, но уже без создания группы. Интерес представляет уголовное дело, рассмотренное Верхневилуйским районным судом Республики Саха (Якутия) в отношении подсудимой Васильевой Т.И., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч.3 ст. 286 УК РФ. Как следует из приговора суда, государственное обвинение поддерживали поочередно четыре сотрудника прокуратуры, но группа государственных обвинителей не создавалась. Помощники прокурора, старший помощник прокурора и прокурор района, участвовали в рассмотрении уголовного дела без создания группы, но в приговоре суда в качестве государственного обвинителя отражен весь состав сотрудников прокуратуры данного судебного разбирательства¹⁸⁵, что позволяет говорить о групповом поддержании государственного обвинения.

¹⁸³ Федяков Н. Н. Пути совершенствования участия группы прокуроров в судебном разбирательстве в суде первой инстанции // Российский судья. 2017. № 9. С. 28–31.

¹⁸⁴ Хорошев Я. Е. Подготовка государственных обвинителей к введению суда присяжных в районных судах // Законность. 2017. № 1. С. 3–5.

¹⁸⁵ Приговор № 1-3/2015 1-92/2014 от 24 апреля 2015 г. по делу № 1-3/2015 // Судебные и нормативные акты РФ // https://sudact.ru/regular/doc/4DmzCttLxXrP/?regular-txt=отвод+законного+представителя®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1636201008209&snippet_pos=29810#snippet

Такая двойственность в толковании ч.4 ст.246 УПК РФ должна быть устранена, в связи с чем предлагаем исключить из содержания этой нормы указание на возможность поддержания государственного обвинения несколькими прокурорами, оставив лишь правило о замене государственного обвинителя в случае невозможности его дальнейшего участия. Что касается единоличной либо коллективной формы участия гособвинителей, то понятие и содержание данных форм целесообразно раскрыть в отдельной статье шестой главы УПК РФ, закрепляющей данного субъекта в качестве самостоятельного участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения.

2. Основания получения и прекращения статуса. В соответствии с УПК РФ государственный обвинитель как участник появляется в подготовительной части судебного заседания, что следует из ч.1 ст. 266 УПК РФ, предусматривающей, что председательствующий открывает судебное заседание и объявляет состав суда, в том числе ФИО государственного обвинителя. При этом, процессуальное основание появления данного участника в законе не обозначено, хотя в отношении его процессуального оппонента – защитника, имеются четкие указания относительно рассматриваемого основания - предоставление адвокатом ордера (ч.4 ст. 49 УПК РФ).

Несколько больше информации об основаниях вступления гособвинителя в процесс можно найти в приказах Генерального прокурора РФ, согласно которым государственные обвинители назначаются прокурорами из числа подчиненных сотрудников заблаговременно, посредством составления в письменной форме поручения о поддержании обвинения¹⁸⁶. К сожалению, выносимое прокурором поручение имеет ведомственный, оперативно-служебный характер и не вызывает каких-либо последствий для остальных

¹⁸⁶ Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30 июня 2021 года № 376 : (в ред. от 3 июля 2024 года) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.02.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

участников судопроизводства, что несомненно является ошибкой законодателя. С точки зрения уголовно-процессуального регулирования государственный обвинитель появляется «ниоткуда» как для других участников стороны обвинения, участников стороны защиты, так и для суда, не владеющего информацией о должностных лицах, поддерживающих государственное обвинение вплоть до начала судебного разбирательства. Отсутствие данной информации не позволяет участникам своевременно заявлять обоснованные отводы государственному обвинителю, а самому государственному обвинителю подготовиться к судебному разбирательству.

Для устранения пробела в правовом закреплении основания получения должностным лицом статуса государственного обвинителя, следует придать поручению прокурора процессуальный характер, закрепив его в нормах УПК РФ. Замена государственного обвинителя также должна сопровождаться составлением нового поручения прокурора. При этом указание в приказе Генерального прокурора на «заблаговременность» назначения государственного обвинителя следует понимать, как обязательность его вынесения до начала судебного производства.

Не получили своего правового оформления и основания прекращения статуса государственного обвинителя. Исходя из системного единства норм уголовно-процессуального закона в большинстве случаев правосубъектность гособвинителя завершается принесением апелляционного представления на решение суда первой инстанции, в котором он принимал участие. Вместе с тем ст. 389.12 УПК РФ допускает участие государственного обвинителя в судебном заседании при рассмотрении уголовного дела в суде апелляционной инстанции. Указанное разночтение устраняется п.10 Приказа Генерального прокурора № 376, разъясняющим, что в апелляционном производстве государственные обвинители участвуют только в районных судах, при рассмотрении жалоб, представлений на решения мирового судьи. Соответственно, в апелляционных судах вышестоящих звеньев обвинение поддерживает не гособвинитель, а должностное лицо органа прокуратуры, как

правило, вышестоящего уровня. Исходя из сказанного, основанием прекращения правосубъектности государственных обвинителей, участвующих в судебных разбирательствах мировых судов, является вынесение судом апелляционного решения; а государственных обвинителей, участвующих в судебных разбирательствах федеральных судов – принесение апелляционного представления на решение суда первой инстанции.

Закрепление в УПК РФ оснований получения и прекращения статуса государственного обвинителя, позволит определить период нахождения лица в данном статусе (время его «правовой жизни») и четко обозначить полномочия на всех этапах процессуальной деятельности. Учитывая требование Генерального прокурора РФ о заблаговременном назначении государственных обвинителей для подготовки к судебному разбирательству, а также исходя из логики организации состязательного судебного разбирательства, предполагающего активность сторон защиты и обвинения и наличия у них достаточного времени для подготовки к судебному заседанию, полагаем целесообразным закрепить в УПК РФ полномочие прокурора по вынесению письменного поручения о назначении государственного обвинителя одновременно с утверждением им обвинительного заключения (акта, постановления). Указанное поручение должно направляться участникам судопроизводства одновременно с обвинительными документами.

Появление государственного обвинителя на этапе окончания досудебного производства позволит должностному лицу органа прокуратуры, выступающему в качестве государственного обвинителя, заблаговременно изучить материалы уголовного дела и подготовиться к судебному заседанию начиная со стадии подготовки, а другим участникам судопроизводства адекватно оценивать наличие либо отсутствие обстоятельств для его отвода. При таком подходе уже на стадии подготовки дела к судебному разбирательству в судебных заседаниях от органа прокуратуры будет участвовать государственный обвинитель, а не «представитель прокурора», процессуальный статус которого действующим законом не определен.

3. Приобретение правосубъектности. Отметим, что правосубъектность государственного обвинителя непосредственно связана с наличием должностного статуса сотрудника органа прокуратуры. Попытки законодателя распространить статус государственного обвинителя на должностных лиц иных государственных органов, представленные в первой редакции действующего УПК РФ¹⁸⁷, не увенчались успехом, что на наш взгляд закономерно, т.к. участие в судебном производстве требует соответствующей профессиональной подготовки и осуществляется на постоянной основе.

Исходя из системного единства ФЗ «О прокуратуре РФ» и положений УПК РФ следует, что любое должностное лицо органа прокуратуры потенциально готово участвовать в любом виде судопроизводства, в том числе обеспечивать функцию уголовного преследования. Это означает, что замещающая должность прокурорский работник подтверждает наличие уголовно-процессуальной правоспособности, т.е. он потенциально способен участвовать в судебных производствах от имени прокурора. Однако для того, чтобы сотрудник органа прокуратуры смог реализовать полномочия государственного обвинителя, т.е. появилась процессуальная дееспособность, он должен получить соответствующее поручение прокурора на поддержание обвинения в конкретном уголовном деле. Именно с этого момента у должностного лица органа прокуратуры формируется уголовно-процессуальная правосубъектность. Соответственно, для участия государственного обвинителя в судебном разбирательстве по конкретному уголовному делу недостаточно предоставления служебного удостоверения и подтверждения им должностного статуса сотрудника органа прокуратуры (за исключением прокурора-руководителя); необходимо чтобы прокурор вынес решение о делегировании подчиненному сотруднику соответствующих полномочий в конкретном уголовном деле. Предоставляя суду письменное поручение прокурора на поддержание государственного обвинения,

¹⁸⁷ См. п.6 ст.5 УПК РФ в редакции ФЗ от 29.05.2002 г. № 58-ФЗ

должностное лицо органа прокуратуры подтверждает наличие у него процессуальной правосубъектности для участия в статусе государственного обвинителя.

4. Процессуальные полномочия государственного обвинителя. К сожалению, УПК РФ не содержит указаний относительно осуществляемых государственным обвинителем процессуальных полномочий. Исходя из наименования данного участника общепризнанно, что государственный обвинитель обеспечивает функцию уголовного преследования (обвинения), а именно – поддержание государственного обвинения с целью назначения виновным справедливого наказания. К аналогичному выводу приходим при анализе положений, содержащихся в главах 35-38 УПК РФ, определяющих полномочия государственного обвинителя, а именно:

- изложение предъявленного подсудимому обвинения (ч. 1 ст.273 УПК РФ)
- представление доказательств обвинения и исследование доказательств, представленных стороной защиты (ч. 5 ст.246 УПК РФ);
- изложение своего мнения по вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства, в том числе о применении уголовного закона и назначении наказания (ч. 5 ст.246 УПК РФ);
- предъявление и поддержание в общественных интересах гражданского иска по уголовному делу (ч. 6 ст.246 УПК РФ);
- полный или частичный отказ от обвинения (ч.7 ст.246 УПК РФ);
- изменение обвинения в сторону смягчения (ч.8 ст.246 УПК РФ);
- заявление ходатайств (ст.271 УПК РФ);
- участие в судебных прениях (ст.292 УПК РФ);
- обжалование в апелляционном порядке решения суда (ч.1 ст.389.1 УПК РФ).

Следует отметить, что наряду с обвинительными полномочиями закон исходя из целей деятельности государственного обвинителя, а именно – назначения виновным справедливого наказания, закрепляет ряд положений,

обязывающих государственного обвинителя при отсутствии убежденности в виновности подсудимого, отказаться от обвинения полностью или частично (ч.7 ст.246 УПК РФ), либо изменить обвинение в сторону смягчения (ч.8 ст.246 УПК РФ). Указанная направленность в деятельности государственного обвинителя по мнению отдельных ученых означает, что на него наряду с обвинением возлагается «выявление нарушений прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, вынесение законных, обоснованных и справедливых судебных решений»¹⁸⁸, т.е. предоставляются полномочия, обеспечивающие охрану прав и свобод участников судопроизводства.

Действительно, полномочия государственного обвинителя, обеспечивающие охрану и защиту прав и свобод участников судопроизводства, в том числе подсудимого, образуют отдельное направление его процессуальной деятельности, результатом которой может являться отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию. Однако как и функция уголовного преследования (обвинения), правозащитная направленность в деятельности гособвинителя не является самостоятельной и независимой от указаний прокурора – руководителя органа прокуратуры. Все полномочия государственного обвинителя, в том числе правозащитные производны от функций прокурора и соответственно реализуются в объеме, изначально обозначенном прокурором при составлении поручения о поддержании обвинения и в одинаковой «мере отвечают назначению уголовного судопроизводства», указанному в ч.2 ст.6 УПК РФ.

Характер и содержание предоставленных государственному обвинителю полномочий позволяют говорить о нем как об участнике

¹⁸⁸ Кулик, Н. В. Современные проблемы использования правовых средств прокурором, участвующим в рассмотрении уголовных дел судами первой инстанции // Средства прокурорской деятельности : проблемы теории и практики : монография / О. Н. Коршунова, В. В. Лавров, Е. Л. Никитин [и др.]. – Москва, 2019. – Глава 11. – С. 156–165.

уголовного судопроизводства (субъекте уголовно-процессуального права), обладающем достаточной уголовно-процессуальной правосубъектностью для достижения стоящих перед ним целей, а именно, уголовном преследовании с целью назначения виновным справедливого наказания, либо отказе от обвинения невиновных. В то же время, обозначение государственного обвинителя в качестве обособленного участника судопроизводства не делает его независимым от его руководителя прокурора и не позволяет ему самостоятельно определять направленность реализуемых полномочий. Являясь должностным лицом иерархически организованной системы органов прокуратуры, государственный обвинитель действует по поручению прокурора, утвердившего обвинительное заключение, акт, постановление и делегировавшего ему изначально функцию уголовного преследования (обвинения). Поэтому самостоятельность государственного обвинителя по поддержанию обвинения обусловлена именно содержанием данного поручения, и любое отступление от обвинения возможно также по указанию прокурора.

Двойственность положения государственного обвинителя обусловлена двумя факторами: его подчиненностью прокурору, и необходимостью обеспечивать в судебном разбирательстве не только обвинение, но также защиту прав и свобод человека, необоснованно подвергнутого уголовному преследованию (правозащитную функцию). Однако вряд ли следует говорить о равнозначности этих процессуальных функций в правосубъектности государственного обвинителя – обвинения и защиты правопорядка. Учитывая утилитарно-общественную роль гособвинителя в судебном разбирательстве и достаточно сложную процедуру досудебного производства, сводящую на минимум необоснованное и незаконное выдвижение государственного обвинения (отказ в возбуждении уголовного дела, прекращение уголовного преследования), полагаем, что в иерархии процессуальных функций государственного обвинителя приоритет следует отдавать функции обвинения, оставляя за функцией защиты правопорядка дополнительную,

контрольно-проверочную роль. Сказанное означает, что в системе субъектов уголовно-процессуального права (участников уголовного судопроизводства) государственный обвинитель занимает место одного из основных участников стороны обвинения, и соответственно его уголовно-процессуальный статус должен регламентироваться положениями главы 6 УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения».

В связи со сказанным, предлагаем внести в УПК РФ статью 37.1 «Государственный обвинитель» следующего содержания:

Статья 37.1 Государственный обвинитель

1. Государственный обвинитель – это должностное лицо органа прокуратуры, уполномоченное от имени государства осуществлять уголовное преследование в форме поддержания государственного обвинения в судебном производстве, в пределах полученного от прокурора поручения.

2. Утверждая обвинительное заключение, акт, постановление, прокурор одновременно выносит письменное поручение о возложении полномочий по поддержанию государственного обвинения на одного обвинителя либо группу обвинителей, которое прилагается к утвержденному обвинительному заключению, акту, постановлению. При коллективном участии государственных обвинителей, в поручении прокурора указывается состав группы и ее руководитель. Позиция коллективного государственного обвинителя по вопросам объема, содержания, изменения и отказа от обвинения выражается и удостоверяется его руководителем.

3. Осуществляя уголовное преследование в судебном производстве, государственный обвинитель уполномочен:

- 1) ходатайствовать о предварительном слушании по уголовному делу и участвовать в его проведении;*
- 2) заявлять суду ходатайства о возвращении уголовного дела прокурору при установлении обстоятельств, обозначенных частями 1, 1.1 и 1.2 ст.237 УПК РФ;*

- 3) ходатайствовать об участии в судебном заседании подсудимого путем использования систем видео-конференц-связи, если имеются обстоятельства, исключающие его непосредственное участие;
- 4) заявлять суду ходатайства об отводах участников судопроизводства при наличии предусмотренных законом оснований;
- 5) ходатайствовать о вызове новых свидетелей, экспертов и специалистов; об истребовании вещественных доказательств и документов; об исключении доказательств, полученных с нарушением закона;
- 6) излагать суду свое мнение по существу обвинения, представлять доказательства и участвовать в их исследовании;
- 7) представлять суду письменные формулировки по вопросам, разрешаемым судом при постановлении приговора;
- 8) предъявлять или поддерживать предъявленный по уголовному делу гражданский иск, если того требуют общественные интересы;
- 9) полностью или частично отказаться от государственного обвинения, если представленные и исследованные в судебном заседании доказательства его не подтверждают;
- 10) участвовать в судебных прениях;
- 11) приносить апелляционные представления на решения суда, вынесенные с его участием;
- 12) участвовать в апелляционном пересмотре решений мирового суда.

Таким образом, потребность в государственном обвинителе как обязательном субъекте уголовно-процессуального права (участнике уголовного судопроизводства) возникает после утверждения/формирования государственного обвинения, поэтому следующим решением прокурора должен стать вопрос о придании должностному лицу органа прокуратуры статуса государственного обвинителя для подготовки к поддержанию обвинения в суде. Независимо от того выступит в роли государственного обвинителя сам прокурор, либо возложит данные полномочия на

подчиненного сотрудника, в обоих случаях должен выноситься процессуальный акт (например, поручение), фиксирующий решение прокурора либо о личном поддержании обвинения, либо о делегировании обвинительной функции должностному лицу органа прокуратуры. Такой акт должен направляться вместе с государственным обвинением в суд и заинтересованным участникам.

Уголовно-процессуальная правосубъектность государственного обвинителя формируется поэтапно, на основании должностного статуса, но не является универсальной как должностная правосубъектность прокурора. Характеризуя уголовно-процессуальную правосубъектность государственного обвинителя следует отметить ее значимость и уникальность, проявляющуюся исключительно в рамках уголовного судопроизводства, что свидетельствует о принадлежности данного участника к субъектам уголовно-процессуального права. Но особенность уголовно-процессуальной правосубъектности государственного обвинителя в том, что возникает она эпизодически, ограничиваясь рамками конкретного уголовного дела.

3.2. Уголовно-процессуальная правосубъектность представителя прокурора

Возлагая на прокурора правозащитную функцию, реализуемую в судебных заседаниях досудебного или судебного производства не связанных с осуществлением уголовного преследования и позволяя прокурору делегировать данные полномочия подчиненным прокурорским работникам, УПК РФ оставляет без внимания пробельность уголовно-процессуального статуса последних, в то время как количество таких судебных заседаний значительно. Например, в 2023 году в Российской Федерации проведено 125 433 судебных заседаний, рассматривающих вопросы производства обыска и/или выемки в жилище; 71 949 заседаний, по вопросам наложения ареста на

имущество; 252 020 заседаний, предметом рассмотрения которых стало получение информации о соединениях между абонентами и т.д.¹⁸⁹

Очевидно, что должностное лицо органа прокуратуры участвующее в данных судебных заседаниях не обладает статусом прокурора - руководителя органа прокуратуры, обозначенном ст.37 УПК РФ. Поэтому у ученых, занимающихся данной проблематикой, возникает вполне резонный вопрос: «каким образом в уголовном судопроизводстве могут принимать участие иные сотрудники органов прокуратуры, которые, исходя из смысла п.31 ст.5 УПК РФ относятся к категории «иных должностных лиц органов прокуратуры»¹⁹⁰, а в приказах Генерального прокурора РФ обозначаются как *иные прокуроры*¹⁹¹?

Отвечая на данный вопрос считаем возможным ввести в сферу уголовно-процессуального регулирования термин «представитель прокурора» и обозначать данным именем субъекта уголовно-процессуального права (участника уголовного судопроизводства), появляющегося в результате делегирования прокурором подчиненному должностному лицу органа прокуратуры отдельных прокурорских полномочий для участия в судебном заседании в досудебном производстве или после вступления приговора в законную силу.

Осуществляемая представителем прокурора уголовно-процессуальная деятельность принципиально отличается от надзора, прежде всего потому, что осуществляется в рамках судебного заседания в условиях равноправия с другими участниками судебных отношений. Не связаны полномочия представителя прокурора и с уголовным преследованием, т.к. предмет судебного рассмотрения не затрагивает вопросы обвинения. Следовательно,

¹⁸⁹ Уголовное судопроизводство : Рассмотрение ходатайств при следственных действиях // Судебная статистика РФ : сайт. URL: stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/15/s/13 (дата обращения: 25.07.2024).

¹⁹⁰ Жук О. Д. Об участии в уголовном преследовании в качестве субъекта прокурора, следователя и руководителя следственного отдела // Закон и право. 2016. № 1. С. 88–93.

¹⁹¹ Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30 июня 2021 года № 376 : (в ред. от 3 июля 2024 года) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.09.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. Пункты 17, 18 и 19.

участие представителя прокурора в судебном заседании осуществляется в рамках защиты правопорядка (правозащитной функции), которая хотя и не обозначена законом, но которая безусловно реализуется в правоприменительной деятельности и направлена на достижение общих целей прокурорской деятельности, указанных в статье 129 Конституции РФ.

Здесь же следует отметить, что статус представителя прокурора приобретает не только должностным лицом органа прокуратуры по поручению прокурора, но и самим прокурором, если он принимает решение самостоятельно реализовать данные полномочия. Прокурор, участвуя в судебном заседании, например, в порядке ст.108 УПК РФ, в рамках судебного заседания теряет свои государственно-властные начала и выступает уже в статусе участника судопроизводства. Аналогичная трансформация статуса прокурора наблюдается и при вступлении прокурора в судебное разбирательство в качестве государственного обвинителя.

Существующий правовой пробел в оформлении процессуального статуса представителя прокурора ставит задачу уже озвученную Н.С. Мановой в уголовно-процессуальной науке¹⁹², суть которой выражается в трансформации используемой на практике фактической модели участия прокурора в правовую модель уголовно-процессуального статуса представителя прокурора. Решение этой задачи предполагает установление и правовое закрепление каждого элемента, составляющего уголовно-процессуальный статус представителя прокурора, а именно:

1. наименование субъекта права;
2. основания получения и прекращения статуса;
3. способ приобретения правосубъектности (правоспособности и дееспособности);
4. перечень и содержание процессуальных полномочий.

¹⁹² Манова Н. С. Модель деятельности прокурора в уголовном процессе: ключевые проблемы и возможности реформы // Правовая парадигма. 2022. Т. 21, № 2. С. 43–50.

1. Наименование субъекта права. Специфичность уголовно-процессуального статуса представителя прокурора предполагает наличие у него собственного *правового имени*, позволяющего идентифицировать его в системе участников уголовного судопроизводства (субъектов уголовно-процессуального права). В этих целях мы и вводим уголовно-процессуальный термин «представителя прокурор» понимая под ним субъекта уголовно-процессуального права, уполномоченного от имени прокурора участвовать в судебных заседаниях досудебного уголовного судопроизводства, а также в судебных заседаниях, проводимых после вступления приговора в законную силу. Необходимость уголовно-процессуального статуса представителя прокурора очевидна: данный статус обеспечивает участие должностных лиц органов прокуратуры в судебных заседаниях, не связанных с уголовным преследованием. В частности, в досудебном производстве представитель прокурора участвует при рассмотрении судом вопросов о применении меры пресечения, о производстве отдельных следственных действий, осуществляемых на основании судебного решения, при обжаловании действий и решений органов расследования. Помимо досудебного производства участие представителя прокурора обязательно в стадии исполнения приговора при рассмотрении вопросов, перечисленных в ст.397 УПК РФ, а также в судебном рассмотрении запросов о выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора.

2. Основания получения и прекращения должностным лицом органа прокуратуры статуса представителя прокурора, а также ***способ приобретения им правосубъектности*** представителя прокурора аналогичны способу приобретения статуса государственного обвинителя. Объясняется это тем, что статус представителя прокурора, как и статус государственного обвинителя приобретают действующие должностные лица органов прокуратуры, которые с момента замещения должности получают уголовно-процессуальную правоспособность. Получение же ими уголовно-процессуальной дееспособности, и как следствие – процессуальной правосубъектности,

становится возможным после вынесения прокурором решения о возложении на подчиненного сотрудника полномочий по участию в судебном заседании. Однако в отличие от поручения, выдаваемого государственному обвинителю для участия в конкретном уголовном деле, полагаем разумным при делегировании прокурором полномочий своему представителю на участие в судебном заседании устанавливать более широкие предметные и временные границы его правосубъектности. Например, выносить поручение на участие должностного лица органа прокуратуры в статусе представителя прокурора в судебных заседаниях при рассмотрении вопросов о применении мер пресечения в течение определенного периода времени и т.д.

3. Процессуальные полномочия. Моделирование последнего элемента правосубъектности – *процессуальных полномочий* представителя прокурора, вызывает наибольшие трудности, так как требует ответа на вопрос о его роли в уголовном судопроизводстве и выполняемой им процессуальной функции. Взяв за основу тезис, что границы полномочий представителя прокурора не выходят за рамки судебных заседаний, проводимых в ходе предварительного расследования или в стадии исполнения приговора, при этом данные полномочия не связаны ни с надзорной деятельностью прокурора, ни с его участием в уголовном преследовании, проанализируем нормы УПК РФ, регламентирующие данные судебные заседания с тем, чтобы определить какова роль и цели деятельности представителя прокурора в данных производствах. В частности, участие прокурора в судебных заседаниях предусматривают статьи УПК РФ, регламентирующие:

- рассмотрение вопроса о применении меры пресечения, ст.108 УПК РФ;
- рассмотрение жалоб на действия или решения органа предварительного расследования или прокурора, ст.125 УПК РФ;
- рассмотрение ходатайств о производстве следственного действия, ст.165 УПК РФ;
- разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора, ст.399 УПК РФ;

- рассмотрение ходатайства о снятии судимости, ст.400 УПК РФ;
- судебное обжалование решения о выдаче лица, ст.463 УПК РФ.

Анализ указанных предписаний показал, что предусматривая участие представителя прокурора в судебных заседаниях, законодатель по-разному определяет порядок и цели его участия. В одних случаях участие представителя прокурора осуществляется на диспозитивной основе – прокурор *вправе* участвовать в судебном заседании. Например, участие прокурора в судебных заседаниях, рассматривающих вопросы о применении меры пресечения (ст.108 УПК РФ), ходатайства о производстве следственного действия (ст.165 УПК РФ) либо вопросы, связанные с исполнением приговора (ст. ст. 399 и 400 УПК РФ). В других случаях представитель прокурора вступает в судебное заседание императивно – «с участием прокурора» проводятся судебные заседания, рассматривающие жалобы подозреваемых, обвиняемых, а также лиц, подлежащих выдаче (ст. ст. 125 и 463 УПК РФ). Сюда же, как мы полагаем, следует отнести судебные заседания, проводимые в рамках кассационного или надзорного производства, которые также проводятся после вступления приговора в законную силу и предусматривают обязательное участие прокурора (ч.2 ст.401.13, ч.3 ст.412.10 УПК РФ).

Несогласованность юридической техники нивелируется приказами Генеральной прокуратуры РФ, обязывающими нижестоящих прокуроров и иных прокуроров участвовать в обозначенных судебных заседаниях в обязательном порядке. Однако насколько эта обязательность целесообразна можно проследить при анализе правовых предписаний.

Так, под диспозитивное регулирование попадают вопросы, выступающие одновременно как предмет судебного контроля, так и предмет прокурорского надзора. Учитывая, что прокурор в соответствии с ФЗ о прокуратуре и ст.37 УПК РФ осуществляет надзорные полномочия в отношении органов предварительного расследования и учреждений, исполняющих наказания в части соблюдения ими прав и свобод человека и гражданина, он может оценивать законность составленного должностным

лицом ходатайства еще до направления его в суд, и в случае необходимости принять соответствующие меры.

Но к сожалению, идея диспозитивного участия прокурора в судебных заседаниях реализована законодателем в уголовном процессе лишь в отношении дознавателей, обязанных до направления в суд согласовывать свои ходатайства с прокурором. Освобождение от этой обязанности следователя создает в суде противоречивые ситуации, когда позиция прокурора, участвующего в судебном заседании не совпадет с рассматриваемым ходатайством следователя. Такая ситуация по меньшей мере нелогична: прокурор и следователь являются представителями государства, действуют на одной стороне – стороне обвинения, при этом именно на прокурора в соответствии с Конституцией РФ возложены функции надзора и уголовного преследования, поэтому публичное процессуальное противостояние прокурора и органа расследования трудно объяснить. Очевидно, что орган расследования независимо от его организационно-правовой формы и ведомственной принадлежности, должен направлять в суд ходатайства об ограничении конституционно-охраняемых прав и свобод человека только после согласования с надзирающим прокурором. В свою очередь прокурор, действующий в рамках надзорных полномочий уполномочен как согласовать ходатайство, так и отказать в согласовании. Отказ надзирающего прокурора в согласовании ходатайства органа расследования может быть обжалован вышестоящему прокурору в порядке ч.4 ст.124 УПК РФ, решение которого должно быть окончательным.

Если же ходатайство прокурором согласовано, возникает вопрос об обязательности участия прокурора в судебных заседаниях, а точнее, о целесообразности его участия. Полагаем, что в тех случаях, когда у прокурора нет оснований сомневаться в достаточности представляемых материалов для удовлетворения ходатайства органа расследования и прокурор выразил свое мнение посредством согласования ходатайства, его дальнейшее участие в судебном заседании совместно с органом расследования становится лишним.

Во-первых, инициатором ходатайства является орган расследования, который и должен обосновать суду необходимость принятия соответствующего решения. Во-вторых, прокурор в рамках надзорных полномочий уже проверил и подтвердил свое решение о законности и обоснованности ходатайства органа расследования. В-третьих, одновременное участие в одном судебном заседании двух государственных должностных лиц – прокурора и органа расследования, с одинаковой процессуальной позицией и общими целями по меньшей мере, не объяснимо с точки зрения организации эффективного взаимодействия.

Однозначное решение данной проблемы возможно посредством закрепления в УПК РФ правила прокурорского усмотрения, закрепляющего дилемму: либо прокурор берет на себя бремя обоснования перед судом ходатайства, освобождая от этой обязанности орган расследования, либо орган расследования, пройдя процедуру прокурорского согласования, самостоятельно участвует в судебном заседании и обосновывает необходимость удовлетворения ходатайства. Используемая в отдельных статьях УПК РФ формулировка «прокурор вправе участвовать» как раз ориентирована на данную модель. Остается применить ее в практической деятельности, но для этого необходимо принятие совместного межведомственного акта Генеральной прокуратуры РФ и федеральных органов расследования.

Участие представителя прокурора в большей части судебных заседаний в стадии исполнения приговора происходит по аналогичной схеме. Если судебное заседание инициируется учреждением ОВД или органом, исполняющим наказание (п.3-6 ч.1 ст.399 УПК РФ), то направляемое в суд представление также необходимо согласовать с надзирающим прокурором. Несогласованные прокурором представления учреждений ОВД и органов, исполняющих наказания, не подлежат направлению в суд, но могут, по аналогии с ходатайствами органов расследования, обжаловаться вышестоящему прокурору. Согласовав представление прокурор, на основе

прокурорского усмотрения принимает решение о необходимости участия должностного лица органа прокуратуры в судебном заседании. При отсутствии такой необходимости судебные заседания проходят без участия представителя прокурора. Иная ситуация в случаях, когда судебное заседание инициируется реабилитированным или осужденным (пункты 1 и 2 ч.1 ст.399 УПК РФ), тогда участие представителя прокурора является обязательным в силу того, что в судебном заседании рассматриваются вопросы, составляющие исключительно предмет судебного рассмотрения, а также то, что прокурор (представитель прокурора) является единственным представителем государства, выступающим на противоположной к заявителю стороне.

Императивное правовое регулирование участия представителя прокурора в судебном заседании предполагается и при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ, предусматривающей две формы участия прокурора, каждая из которых обязательна. В первом случае, при судебном обжаловании действий и решений органов расследования представитель прокурор выступает как «независимый эксперт», высказывающий суду свое объективное мнение о законности деятельности поднадзорного лица. При этом представитель прокурора может занять позицию как заявителя, подавшего жалобу, так и поднадзорного должностного лица, чьи действия обжалуются, тем самым помогая суду принять законное и обоснованное решение. Следует отметить, что в соответствии со ст.124 УПК РФ прокурор уполномочен сам разрешать жалобы, поэтому обладает соответствующими компетенциями. В тех же случаях, когда заявитель обращается в суд с целью обжалования решения прокурора, проявляется вторая форма участия представителя прокурора в судебном заседании в порядке ст.125 УПК РФ. Здесь представитель прокурора уже не «независимый эксперт», а сторона - «ответчик», чьи решения или действия обжалуются. Аналогичным образом регламентировано участие прокурора (представителя прокурора) в судебных заседаниях в порядке ст.463 УПК РФ, при обжаловании решения прокурора о выдаче лица иностранному государству. Как видно, в обоих случаях участие

представителя прокурора обязательно, поэтому используемый законодателем императив логичен и оправдан.

Резюмируя сказанное, представим наиболее эффективную модель участия должностных лиц органов прокуратуры в судебных заседаниях в статусе представителя прокурора:

1) Диспозитивное правовое регулирование участия представителя прокурора целесообразно при условии предварительного согласования прокурором ходатайства или представления поднадзорного органа. Прокурор по своему усмотрению может направить своего представителя для участия в судебном заседании, рассматривающем согласованное им:

- а) ходатайство органа расследования о применении мер пресечения или производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы человека,
- б) представление учреждения органа внутренних дел или органа, исполняющего наказания.

2) Императивное правовое регулирование участия представителя прокурора в судебных заседаниях целесообразно при рассмотрении:

- а) обращений лиц, реабилитированных или осужденных к уголовному наказанию;
- б) жалоб участников уголовного судопроизводства на действия и решения органов расследования, в порядке ст.125 УПК РФ;
- в) жалоб участников уголовного судопроизводства на действия и решения прокурора, в порядке ст.125 УПК РФ;
- г) жалоб на решения прокурора о выдаче лица иностранному государству;
- д) кассационных или надзорных жалоб и представлений.

Разграничив диспозитивную и императивную формы вступления представителя прокурора в судебное заседание, остановимся на тех целях и задачах, которые перед ним стоят и которые обуславливают его деятельность в судебном заседании.

Анализируя участие представителя прокурора в судебном заседании, мы исходим из того, что его полномочия обусловлены общим назначением и целями прокурорской деятельности. Особенно наглядно эта обусловленность проявляется при диспозитивной форме участия представителя прокурора в судопроизводстве. Так, прокурор, действуя в статусе надзирающего органа и рассматривая направленные ему ходатайства и представления, проверяет законность и обоснованность решения поднадзорного субъекта с точки зрения соблюдения прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений, законности принимаемых решений (ст. 29 ФЗ о прокуратуре), а также законности нахождения лиц в местах содержания под стражей и исполнения наказания (ст. 32 ФЗ о прокуратуре). Соглашаясь с поднадзорным органом на применение к подозреваемому, обвиняемому или осужденному мер, ограничивающих его в правах и свободах, прокурор удостоверяется, что имеются достаточные основания для принятия такого решения; что ограничение прав и свобод конкретного лица является действительно необходимым и производится для защиты публичных интересов. В противном случае прокурор отказывает в согласовании решения поднадзорного органа. Такая роль прокурора имеет явный правозащитный характер и направлена на достижение двуединой цели - обеспечить соблюдение установленного порядка судопроизводства в части охраны прав, свобод и интересов как отдельного участника, вовлеченного в уголовное судопроизводство, так и в целом общества и государства.

Аналогичные цели стоят перед представителем прокурора и при императивной форме участия в судебном заседании. Поэтому представитель прокурора, участвующий в судебном заседании при рассмотрении жалобы на действия и решения органа предварительного расследования в порядке ст. 125 УПК РФ может занять позицию как заявителя, подавшего жалобу, так и органа или должностного лица, чьи действия обжалуются, обеспечивая тем самым в одних судебных заседаниях защиту прав и свобод заявителя, в других - защиту публичных интересов. При этом, представитель прокурора, участвующий в

судебных заседаниях апелляционной инстанции «обязан обеспечить проверку законности и обоснованности состоявшихся судебных решений. Не позднее дня, следующего за днем провозглашения постановления, рапортом докладывать о нем прокурору, поручившему принять участие в заседании, отразив мнение о его законности и обоснованности. При наличии оснований приносить апелляционные представления»¹⁹³. Сказанное еще раз подтверждает правозащитный характер деятельности представителя прокурора.

Правозащитная направленность в деятельности прокурора (представителя прокурора) наблюдается в кассационном и надзорном производствах. В этих стадиях уже не ставится вопрос об уголовном преследовании виновного, предмет судебного рассмотрения составляют возможные нарушения законодательства, искажающие суть правосудия. Соответственно задача прокурора (представителя прокурора), участвующего в таких судебных заседаниях заключается в обосновании перед судом необходимости соблюдения законности и сохранения баланса частных и публичных интересов. Исходя из сказанного, полномочия представителя прокурора в рассмотренных судебных заседаниях следует рассматривать в контексте защиты установленного правопорядка (правозащитной функции), позволяющей ему в одинаковой степени обеспечивать как охрану и защиту нарушенных прав и свобод участников судопроизводства, так и интересов общества и государства.

Таким образом, уголовно-процессуальный статус представителя прокурора должен получить в действующем УПК РФ свое правовое оформление. Неопределенная роль представителя прокурора в судебных заседаниях досудебного производства и в стадии исполнения приговора, на

¹⁹³ Об организации прокурорского надзора за соблюдением законов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и исполнении уголовных наказаний : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 24 октября 2024 года № 800 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: www.consultant.ru/ (дата обращения: 29.10.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. П.1.15.

которую совершенно справедливо обращают внимание ученые¹⁹⁴, должна уйти в прошлое. В связи со сказанным предлагаем внести следующие изменения и дополнения в УПК РФ:

1. Изменить редакцию п.31 ст.5 УПК РФ следующим образом, добавив новый пункт 31¹:

«31) прокурор – Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры, их заместители, наделенные соответствующими полномочиями федеральным законом о прокуратуре;

31¹) представитель прокурора - иное должностное лицо органов прокуратуры, участвующее в судебном заседании, не связанном с осуществлением уголовного преследования; представитель прокурора по поручению прокурора в рамках предоставленных полномочий вправе:

- 1) принимать участие в судебных заседаниях, проводимых в ходе досудебного производства по вопросам применения мер процессуального принуждения; производства следственных действий, осуществляемых на основании решения суда, а также при рассмотрении жалоб участников судопроизводства;*
- 2) принимать участие в судебных заседаниях судов кассационной и надзорной инстанции.*

Участвуя в судебном заседании представитель прокурора уполномочен излагать суду свое мнение по существу рассматриваемого вопроса, представлять доказательства и участвовать в их исследовании».

Подводя итоги третьей главы диссертации остановимся на наиболее значимых на наш взгляд моментах, определяющих уголовно-процессуальную правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры.

Во-первых, должностные лица органов прокуратуры (прокурорские работники) замещают в уголовном судопроизводстве два уголовно-

¹⁹⁴ Бурмагин С. В. Проблемные вопросы состязательности построения судебных производств в стадии исполнения приговора // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 9. С. 93–103 ; Крымов А. А., Тябина Ю. А. Проблемы правового регулирования участия прокурора в стадии исполнения приговора // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 2. С. 63.

процессуальных статуса: государственный обвинитель и представитель прокурора. Каждый процессуальный статус уникален и реализуется в сфере уголовного судопроизводства исключительно должностными лицами органов прокуратуры, в том числе руководителями прокуратур. Процессуальная правосубъектность государственного обвинителя и представителя прокурора приобретается *в порядке формирования*: первоначально, посредством замещения должности в органах прокуратуры лицо приобретает уголовно-процессуальную правоспособность, затем, с момента вынесения прокурором процессуального решения о делегировании полномочий по конкретному уголовному делу – процессуальную дееспособность.

Во-вторых, уголовно-процессуальная правосубъектность государственного обвинителя нуждается в совершенствовании. Необходимо законодательно закрепить появление государственного обвинителя с момента утверждения прокурором государственного обвинения и принятия процессуального решения о поручении/делегировании полномочий по поддержанию государственного обвинения должностному лицу органа прокуратуры. Содержание уголовно-процессуальной правосубъектности государственного обвинителя должны составить полномочия, обеспечивающие возложенную на прокурора функцию уголовного преследования, а целью его деятельности должно стать назначение виновным справедливого наказания (ч.2 ст.6 УПК РФ).

В-третьих, уголовно-процессуальный статус представителя прокурора в целом не известен действующему законодательству, хотя в практической деятельности потребность в этом участнике очевидна. Необходимо законодательно оформить представителя прокурора в качестве участника уголовного судопроизводства, появляющегося в связи с вынесением прокурором процессуального решения о возложении на должностное лицо органа прокуратуры полномочий по участию в судебных заседаниях в досудебном производстве; в судебных заседаниях, проводимых в стадии исполнения приговора; а также в судебных заседаниях, проводимых в порядке

кассации или надзора. Содержание уголовно-процессуальной правосубъектности представителя прокурора должны составить полномочия, обеспечивающие правозащитную функцию органов прокуратуры, а целью его деятельности должна стать защита правопорядка, в том числе охрана и защита интересов государства, общества и человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Установленный Конституцией РФ и Федеральным законом «О прокуратуре РФ» правовой статус руководителя органа прокуратуры достаточен для участия прокурора в любых правоотношениях без получения дополнительного отраслевого статуса. Соответственно должностная правосубъектность прокурора позволяет ему обеспечивать в сфере уголовного судопроизводства такие государственно-властные функции, как: 1) надзор за деятельностью органов предварительного расследования, осуществляемый в целях соблюдения поднадзорными субъектами Конституции РФ и федерального законодательства; 2) осуществление уголовного преследования в целях применения мер уголовной ответственности к лицам, виновно совершившим преступления, и 3) защиту правопорядка, обеспечивая соблюдение участниками судопроизводства установленного уголовно-процессуального порядка.

Однако возлагая на прокурора различные по содержанию и характеру государственно-властные функции, законодатель не указал цели и задачи прокурора по каждому направлению деятельности и не наделил его необходимым объемом законодательных полномочий. Более того действующий УПК РФ закрепил правовой статус прокурора в системе участников уголовного судопроизводства с изначально дефектной правосубъектностью: с формальной стороны прокурор позиционируется как участник стороны обвинения, осуществляющий уголовное преследование (обвинение), но с содержательной стороны предоставленные прокурору полномочия раскрывают его не как участника стороны обвинения, а как субъекта, осуществляющего надзор.

Практическая реализация обоснованного в данном диссертационном исследовании законодательного размежевания двух разнонаправленных функций прокурора – надзора за органами предварительного расследования и уголовного преследования, приведет к их понятному и однозначному

правовому регулированию. Надпроцессуальный по своей природе прокурорский надзор получит должное закрепление в отраслевом прокурорском законодательстве, а именно в статьях 29 и 30 ФЗ о прокуратуре. А признание надотраслевого (внепроцессуального) характера прокурорского надзора и исключение из ст.37 УПК РФ надзорных полномочий прокурора, поставит перед законодателем задачу переструктурировать уголовно-процессуальные нормы в части заполнения ст.37 УПК РФ правовыми предписаниями, закрепляющими полномочия прокурора в осуществлении уголовного преследования, особенно в досудебной части уголовного процесса при формировании и выдвижении государственного обвинения.

Исключение прокурорского надзора из сферы уголовно-процессуального регулирования позволило увидеть еще одну часть деятельности прокурора по осуществлению полномочий по обеспечению соблюдения участниками уголовного судопроизводства установленного процессуального порядка в судебных заседаниях, не связанных с осуществлением уголовного преследования. Такие правозащитные по своей направленности полномочия вытекают из государственно-властного статуса прокурора как должностного лица, обеспечивающего верховенство закона, единство и укрепление законности на всей территории Российской Федерации (ст.1 ФЗ о прокуратуре). По своему содержанию правозащитные полномочия прокурора принципиально отличаются от полномочий по надзору и уголовному преследованию, в связи с чем должны получить самостоятельное правовое оформление в УПК РФ.

Анализируя правосубъектность прокурора в уголовном судопроизводстве в ходе исследования обосновывается необходимость законодательного разграничения полномочий, осуществляемых исключительно прокурором и полномочий, которые прокурор вправе делегировать подчиненным прокурорским работникам. При делегировании прокурором полномочий иным должностным лицам органов прокуратуры,

последние получают уголовно-процессуальную правосубъектность государственного обвинителя либо представителя прокурора.

Так как в действующей классификации участников уголовного судопроизводства вопросы, связанные с правозащитными полномочиями прокурора и с уголовно-процессуальной правосубъектностью представителя прокурора решить затруднительно, полагаем настало время для критического переосмысления и моделирования новой системы субъектов уголовно-процессуального права (лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве), организованной по принципу размежевания двух основных классификационных групп:

- первая группа субъектов – это уполномоченные должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу либо выполняющие государственно-властные функции по контролю или надзору за деятельностью уполномоченных должностных лиц;
- вторая группа субъектов – это участники, вовлеченные в уголовный процесс решением уполномоченного должностного лица и получающие в связи с этим процессуальный статус заинтересованного (обвиняемый или потерпевший) либо незаинтересованного (свидетель, специалист, понятой и др.) участника.

Обязательность размежевания двух групп субъектов уголовно-процессуального права объясняется не только принципиальными различиями в изначальном правовом статусе частного либо публичного субъекта. Такая классификация необходима прежде всего потому, что в рамках публичного уголовного судопроизводства не могут ставиться на один уровень субъекты, осуществляющие этот процесс от лица государства и субъекты, вовлекаемые в процесс, как правило в принудительном порядке. Но это задача нового научного исследования, при проведении которого следует ориентироваться не только на обозначенный УПК РФ правовой статус субъекта, но и на его обусловленность целями уголовного судопроизводства, осуществляемой

процессуальной функцией и объемом предоставляемых полномочий (прав и обязанностей).

Полагаем, что в предлагаемой парадигме субъектов уголовно-процессуального права правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры станет более очевидной и понятной как для правоприменителей, так и для других участников судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты, судебные акты и другие документы:

1. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 20.09.2024).

2. Российская Федерация. Законы. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон о поправке к Конституции Российской Федерации № 1-ФКЗ : одобрен Государственной Думой 11 марта 2020 года : одобрен Советом Федерации 11 марта 2020 года // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/ (дата обращения: 20.09.2024).

3. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации : Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.09.2024).

4. Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 27 ноября 2007 года № 189 : (в редакции от 19 августа 2021 года) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.09.2024). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

5. Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15 марта 2010 года № 107 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.09.2024). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

6. Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30 июня 2021 года № 376 : (в редакции от 3 июля 2024 года) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.09.2024). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

7. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17 сентября 2021 года № 544 : (в редакции от 22 февраля 2023 года) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.09.2024). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

8. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 19 января 2022 года № 11 : (в редакции от 22 февраля 2023 года) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.09.2024). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

9. Об организации прокурорского надзора за соблюдением законов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и исполнении уголовных наказаний : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 24 октября 2024 года № 800 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: www.consultant.ru/

(дата обращения: 29.10.2024). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

10. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : (в редакции от 28 декабря 2024 года) : принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 20.09.2024).

11. Российская Федерация. Законы. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон № 2202-1 : (в редакции от 30 сентября 2024 года) : введен постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 17 января 1992 года № 2203-1 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 02.10.2024).

12. Российская Федерация. Законы. О Следственном комитете Российской Федерации : Федеральный закон № 403-ФЗ : (в редакции от 14 октября 2024 года) : принят Государственной Думой 22 декабря 2010 года : одобрен Советом Федерации 24 декабря 2001 года // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108565/ (дата обращения: 20.10.2024).

Монографии, учебники, учебные пособия, комментарии:

13. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права : учебник для вузов / В. В. Иванов, М. Ю. Жирова, Ю. В. Кувалдина [и др.]. – 5-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Юрайт, 2024. – 434 с.

14. Алексеев, Н. С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1980. – 251 с.
15. Алексеев, С. Л. Прокурорский надзор : учеб. пособие / С. Л. Алексеев, Н. Р. Вотчель. – Казань : Академия социального образования, 2014. – 126 с. – ISBN 978-5-98259-049-7.
16. Алексеев, С. С. Общая теория права : учебник / С. С. Алексеев. – 2-е изд. – Москва : Проспект, 2008. – 565 с. – ISBN 978-5-482-01784-5.
17. Алексеев, С. С. Общая теория права. Курс. В 2 томах. Том 2 / С. С. Алексеев. – Москва : Юридическая литература, 1982. – 360 с.
18. Архипов, С. И. Субъект права : теоретическое исследование / С. И. Архипов. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. – 466 с. – (Теория и история государства и права). – ISBN 5-94201-393-4.
19. Баев, О. Я. Прокурор как субъект уголовного преследования : науч.-практ. пособие / О. Я. Баев – Москва : Юрлитинформ, 2006. – 144 с. – (Библиотека криминалиста : БК). – ISBN 5-93295-196-6.
20. Бернам, У. Правовая система США = Introduction to the Law and Legal System of the United States / У. Бернам ; науч. ред. В. А. Власихин ; пер. с англ.: А. В. Александров [и др.]. – Москва : Новая юстиция, 2006. – 1211 с. – ISBN 5-91028-010-4.
21. Выдря, М. М. Участники судебного разбирательства и гарантии их прав : учеб. пособие / М. М. Выдря. – Краснодар : Издательство Кубанского университета, 1979. – 101 с.
22. Гражданское право. Учебник. В 4 томах. Том 1. Общая часть / В. С. Ем, Н. В. Козлова, С. М. Корнеев [и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов ; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – Москва : Волтерс Клувер, 2007. – 669 с. – (Классический университетский учебник). – ISBN 978-5-466-00043-6.
23. Гуляев, А. П. Следователь в уголовном процессе / А. П. Гуляев. – Москва : Юридическая литература, 1981. – 191 с.

24. Кашаев К.А. Прокурор -гарант соблюдения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве России. М.: Изд. дом «Городец», 2008. – 336 с.

25. Козлова, Н. В. Очерк 1. Физическое лицо как субъект российского гражданского права: в поисках понятия / Н. В. Козлова, С. Ю. Филиппова // Физические лица как субъекты российского гражданского права : монография / А. С. Ворожеевич, О. И. Гентовт, Н. В. Козлова [и др.] ; отв. ред.: Н. В. Козлова, С. Ю. Филиппова. – Москва, 2022. – С. 10–23. – ISBN 978-5-8354-1808-4.

26. Кокорев, Л. Д. Участники правосудия по уголовным делам / Л. Д. Кокорев. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1971. – 160 с.

27. Корецкий, В. И. Гражданское право и гражданские правоотношения в СССР / В. И. Корецкий. – Душанбе : Ирфон, 1967. – 128 с.

28. Красавчиков, О. А. Гражданская правосубъектность как правовая форма // Категории науки гражданского права : Избранные труды : в 2 томах / О. А. Красавчиков. – Москва, 2005. – Т. 2. – С. 26–48. – ISBN 5-8354-0287-2.

29. Кулик, Н. В. Современные проблемы использования правовых средств прокурором, участвующим в рассмотрении уголовных дел судами первой инстанции // Средства прокурорской деятельности : проблемы теории и практики : монография / О. Н. Коршунова, В. В. Лавров, Е. Л. Никитин [и др.]. – Москва, 2019. – Глава 11. – С. 156–165. – ISBN 978-5-4365-3979-9.

30. Курс уголовного процесса / [А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев и др.] ; под ред. Л. В. Головки ; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. – 2-е изд., испр. – Москва : Статут, 2017. – 1280 с. – ISBN 978-5-8354-1335-5.

31. Лазарева, В. А. Участие прокурора в уголовном процессе : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / В. А. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2019. – 253 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-02869-0.

32. Малеин, Н. С. Гражданский закон и права личности в СССР / Н. С. Малеин. – Москва : Юридическая литература, 1981. – 216 с.

33. Марченко, М. Н. Проблемы общей теории государства и права. Том 2. Право / М. Н. Марченко. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2016. – 648 с. – ISBN 978-5-392-16549-0.

34. Матузов, Н. И. Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – Москва : Юрист, 2004. – 245 с.

Матузов, Н. И. Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – Москва : Юрист, 2004. – 512 с. – ISBN 5-7975-0429-0.

35. Матузов, Н. И. Правовая система и личность / Н. И. Матузов. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1987. – 295 с.

36. Матузов, Н. И. Субъективные права граждан СССР / Н. И. Матузов ; под общ. ред. И. Е. Фарбер. – Саратов : Приволжское книжное издательство, 1966. – 190 с.

37. Мицкевич, А. В. Избранное = Selected works / А. В. Мицкевич ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва : Контракт [и др.], 2010. – 303 с. – (Юридическое наследие XX века). – ISBN 978-5-98209-103-1.

38. Мицкевич, А. В. Субъекты советского права / А. В. Мицкевич. – Москва : Госюриздат, 1962. – 213 с.

39. Муравьев, Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. Том 1. Прокуратура на Западе и в России / Н. В. Муравьев. – Москва : Университетская типография, 1889. – [4], VIII, 552, II с.

40. Муравьев, Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. Том 1. Прокуратура на Западе и в России / Н. В. Муравьев. – Москва : Университетская типография, 1889. – Подготовка текста и примечания Н. В. Мазуренко (2022 г.). – URL:

sites.google.com/view/procurorskiy-nadzor/прокурорский-надзор (дата обращения: 20.09.2024).

41. Нерсисянц, В. С. Общая теория права и государства : учебник / В. С. Нерсисянц ; Институт государства и права Российской академии наук, Академический правовой институт. – Москва : Норма [и др.], 2010. – 547 с. – ISBN 978-5-89123-381-2

42. Полянский, Н. Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса / Н. Н. Полянский. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1960. – 212 с.

43. Проблемы теории права и правореализации : учебник / [Л. Т. Бакулина, Р. Г. Валиев, М. В. Воронин и др.] ; отв. ред. Л. Т. Бакулина. – Москва : Статут, 2017. – 384 с. – (Учебник Казанского университета). – ISBN 978-5-8354-1307-2.

44. Смолицкая, Е. Е. Гражданско-правовые институты, понятия и термины в налоговом праве : монография / Е. Е. Смолицкая. – Москва : Проспект, 2018. – 174 с. – ISBN 978-5-392-24908-4.

45. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. Том 1 / М. С. Строгович. – Москва : Наука, 1968. – 470 с.

46. Строгович, М. С. Сущность прав личности. Ее правовой статус // Права личности в социалистическом обществе / М. С. Строгович, В. А. Патюлин, Н. В. Витрук [и др.] ; отв. ред.: В. Н. Кудрявцев, М. С. Строгович. – Москва, 1981. – С. 23–29.

47. Строгович, М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе / М. С. Строгович ; отв. ред. М. М. Гродзинский. – Москва : Издательство АН СССР, 1951. – 191 с.

48. Теоретико-правовые и организационные основы участия прокурора в уголовном судопроизводстве : монография / [А. Л. Аристархов, Н. В. Буланова, Е. В. Быкова и др.] ; под общ. ред. А. Г. Халиулина. – Москва : Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. – 504 с.

49. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / Д. П. Великий, Т. Ю. Вилкова, Л. А. Воскобитова [и др.] ; отв. ред.: П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова ; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма [и др.], 2021. – 1007 с. – ISBN 978-5-91768-905-0. – ISBN 978-5-16-106429-0.

50. Уголовный процесс : учебник для вузов / [В. К. Бобров, В. П. Божьев, Б. Б. Булатов и др.] ; под ред. В. П. Божьева, Б. Я. Гаврилова. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2021. – 568 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-14940-1.

51. Фадеев, П. В. Теоретические основы правовой помощи участникам уголовного судопроизводства : монография / П. В. Фадеев. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 278, [1] с. – (Уголовный процесс). – ISBN 978-5-4396-0715-0.

52. Халфина, Р. О. Общее учение о правоотношении / Р. О. Халфина ; Институт государства и права АН СССР. – Москва : Юридическая литература, 1974. – 351 с.

53. Чурикова, А. Ю. Правовая модель деятельности прокурора в российском и зарубежном уголовном процессе : монография / А. Ю. Чурикова ; под ред. Н. С. Мановой. – Москва : Триумф, 2022. – 285 с. – ISBN 978-5-94472-068-9.

54. Шебанов, А. Ф. Советское социалистическое общенародное право : учеб. пособие / А. Ф. Шебанов ; Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. – Москва : [б. и.], 1963. – 98 с.

55. Шейфер, С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти / С. А. Шейфер. – Москва : Норма [и др.], 2013. – 191 с. – ISBN 978-5-91768-380-5.

56. Шейфер, С. А. Прокурорское уголовное преследование: шаги к возрождению // Актуальные проблемы современного уголовного процесса

России : сборник научных трудов / под ред. В. А. Лазаревой. – Самара, 2012. – Вып. 6. – С. 13–20.

57. Шершеневич, Г. Ф. Избранное. В 6 томах. Том 4 включая Общую теорию права / Г. Ф. Шершеневич ; вступ. слово П. В. Крашенинникова ; сост. П. В. Крашенинников. – Москва : Статут, 2016. – 750, [1] с. – (Юристы, изменившие право, государство и общество). – ISBN 978-5-8354-1260-0. – ISBN 978-5-8354-1259-4.

58. Шпилев, В. Н. Участники уголовного процесса / В. Н. Шпилев. – Минск : Издательство БГУ, 1970. – 176 с.

Научные статьи и материалы научных конференций:

59. Абрамов, А. М. Понятие субъекта права в сфере социально-экономических отношений // История государства и права. – 2007. – № 16. – С. 3–5.

60. Алиев, Р. А. Функции и полномочия прокурора в уголовном процессе России // Закон и право. – 2021. – № 2. – С. 104–105.

61. Амирбеков, К. И. Объект и предмет прокурорской деятельности: теоретический подход // Российский следователь. – 2016. – № 24. – С. 49–52.

62. Амирбеков, К. И. Полномочия прокурора по уголовному преследованию в судебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2021. – № 6. – С. 25–32.

63. Анисимов, Г. Г. Проблемы реализации прокурором функции уголовного преследования // Законность. – 2019. – № 9. – С. 15–18.

64. Антонович, Е. К. Правосубъектность свидетеля в уголовном судопроизводстве: миф или реальность? // Российский следователь. – 2019. – № 12. – С. 24–27.

65. Апостолова, Н. Н. Прокурорский надзор и предварительное следствие как гарантии обеспечения прав и свобод личности // Российская юстиция. – 2017. – № 3. – С. 53–56.

66. Артеменков, В. К. К вопросу о признании прокуратуры Российской Федерации государственным органом в контексте проблемы наличия у нее правосубъектности // Законность. – 2022. – № 7. – С. 3–7.

67. Афанасьев, С. Ф. К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. – 2022. – № 3. – С. 12–31.

68. Бабенко, С. В. К вопросу о соотношении функций прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2021. – № 3. – С. 32–36.

69. Бахта, А. С. О соотношении понятий «участники уголовного судопроизводства» и «субъекты уголовно-процессуального права» // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – № 12. – С. 45–47.

70. Бажанов, С. В. К вопросу о состоятельности функции уголовного преследования вообще и функции прокурорского уголовного преследования в частности // Российская юстиция. – 2017. – № 4. – С. 52–55.

71. Березовская, С. Г. Сущность и основные характеристики правовых отношений в сфере прокурорского надзора // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2023. – № 3. – С. 122–131.

72. Бессарабов, В. Г. Законность и целесообразность в деятельности Отечественной прокуратуры / В. Г. Бессарабов // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. – 2015. – № 2. – С. 88–91.

73. Биктагиров, Р. Т. Институт прокуратуры в механизме российского государства // Гражданин. Выборы. Власть. – 2016. – № 2–3. – С. 143–158.

74. Богданов, Е. В. Проблемы правосубъектности человека // Государство и право. – 2017. – № 1. – С. 23–29.

75. Буланова, Н. В. Прокурор в уголовном судопроизводстве: пути совершенствования процессуального статуса // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 33–36.

76. Бурмагин, С. В. Проблемные вопросы состязательности построения судебных производств в стадии исполнения приговора // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 9. – С. 93–103.

77. Бычкова, С. С. Гражданская процессуальная правосубъектность как предпосылка приобретения гражданского процессуального статуса / С. С. Бычкова, С. Н. Дмитриев // Проблемы гражданского права и процесса : сборник научных статей / гл. ред. И. Э. Мартыненко. – Гродно, 2018. – С. 257–264.

78. Васильев, О. Л. Поправки к Конституции РФ и изменение роли прокурора в отечественном уголовном процессе // Закон. – 2017. – № 3. – С. 46–59.

79. Варпаховская, Е. М. Развитие прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия в судебных реформах России XIX и XX вв. / Е. М. Варпаховская, В. М. Деревскова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2021. – № 1. – С. 102–108.

80. Вершинина С.И., Забурдаева К.А. О соотношении функций прокурора по процессуальному надзору и уголовному преследованию // Актуальные проблемы прокурорской деятельности: сб. ст. межвузовской науч.-практ. конф. (г. Москва, 23 нояб. 2023 г.) / под общ. ред. Н.В. Коваль; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2024. – 136 с.

81. Вершинина С. И., Лазарева В. А. О качестве правового регулирования российского уголовного судопроизводства с позиции системы менеджмента качества // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2023. – № 4. – С. 51–65.

82. Вецкая, С. А. Отдельные вопросы реализации прокурором функции уголовного преследования на досудебной стадии уголовного судопроизводства / С. А. Вецкая, Л. Р. Муллагалеева // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 6. – С. 60–65.

83. Вилкова, Т. Ю. К вопросу о роли прокурора в возбуждении уголовного дела и инициировании уголовного преследования / Т. Ю. Вилкова // Lex Russica (Русский закон). – 2021. – Т. 74, № 7(176). – С. 85-94.

84. Винокуров, А. Ю. О новеллах в Конституции Российской Федерации, затрагивающих статус прокуратуры // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2014. – № 7–8. – С. 21–24.

85. Винокуров, А. Ю. Поправки к Конституции Российской Федерации в контексте закрепления статусных положений о прокуратуре // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 4. – С. 31–34.

86. Витрук, Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / Н. В. Витрук. – Москва : Наука, 1979. – 229 с.

87. Войтович, А. П. Прокурорский надзор за дознанием и предварительным следствием в свете приказа Генерального прокурора РФ // Мировой судья. – 2022. – № 3. – С. 10–13.

88. Володина, Л. М. Назначение, функции и задачи уголовного судопроизводства // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – № 2-2. – С. 14–18.

89. Воронин, О. В. О современном содержании прокурорского уголовного преследования на досудебных этапах уголовного судопроизводства / О. В. Воронин // Правовые проблемы укрепления российской государственности / Ответственные редакторы М.К. Свиридов, Ю.К. Якимович; редакторы О.И. Андреева, И.В. Чаднова / Министерство образования и науки рф , Томский государственный университет. Том Часть 51. – Томск : Издательство Томского университета, 2011. – С. 81-87.

90. Востриков, П. П. Правовой статус личности: понятие, структура, судебные гарантии // Реформирование судебной системы в России: история и современность : сборник научных трудов, посвященный 80-летию Нижегородского областного суда / редкол.: А. В. Бондар [и др.]. – Нижний Новгород, 2018. – Ч. 1. – С. 134–141.

91. Выдря, М. М. Расследование уголовного дела – функция уголовного процесса // Советское государство и право. – 1980. – № 9. – С. 78–82.
92. Гаврилов, Б. Я. Прокурор в современном уголовном производстве: позиция ученого и мнение правоприменителя // Российская юстиция. – 2020. – № 3. – С. 33–39.
93. Гальченко, А. И. Функции прокуратуры Российской Федерации: спорные вопросы // Lex russica. – 2014. – Т. 96, № 11. – С. 1346–1359.
94. Гараева, Г. Х. Супружеская правосубъектность как разновидность семейной правосубъектности // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2010. – № 2. – С. 197–201.
95. Даровских, С. М. Прокурор как субъект доказывания в досудебных стадиях процесса: вопросы законодательного регулирования / С. М. Даровских // Проблемы права. – 2021. – № 3(82). – С. 99–103.
96. Деришев, Ю. В. Уголовное досудебное производство: проблемы и пути реформирования // Уголовное право. – 2005. – № 1. – С. 81–83.
97. Диваев, А. В. Уголовно-процессуальная правосубъектность // Законодательство и практика. – 2021. – № 1. – С. 29–33.
98. Дикарев, И. С. Полномочия прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением // Российский следователь. – 2020. – № 10. – С. 61–64.
99. Дикарев, И. С. Уголовно-процессуальная функция прокурора в судах кассационной и надзорной инстанций // Уголовное судопроизводство. – 2022. – № 2. – С. 28–32.
100. Долежан, В. В. Проблемы компетенции прокуратуры // Государство и право. – 1994. – № 2. – С. 22–23.
101. Дорошков, В. В. Общие и специальные полномочия прокурора в уголовном процессе // Мировой судья. – 2015. – № 11. – С. 13–19.
102. Евдокимов, В. Б. Конституционная модернизация и прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина / В. Б.

Евдокимов, Н. А. Игонина // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 12. – С. 157–170.

103. Ергашев, Е. Р. Проблемы правового статуса прокурора в досудебном производстве по уголовному делу // Уголовное право. – 2008. – № 4. – С. 88–92.

104. Ермолаева, Т. А. Гражданская правосубъектность физических лиц: эволюция содержания / Т. А. Ермолаева, А. А. Ананьева // Lex Russica. – 2019. – № 12. – С. 9–18.

105. Ефанова, В. А. Прокурорское уголовное преследование: современное состояние и перспективы развития / В. А. Ефанова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2017. – № 4(31). – С. 262–272.

106. Жубрин, Р. В. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 2. – С. 22–25.

107. Жук, О. Д. Об участии в уголовном преследовании в качестве субъекта прокурора, следователя и руководителя следственного отдела // Закон и право. – 2016. – № 1. – С. 88–93.

108. Жук, О. Д. Формы и виды уголовного преследования // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 11. – С. 104–109.

109. Забурдаева, К. А. Об уголовно-процессуальных функциях прокурора / К. А. Забурдаева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2022. – № 3(50). – С. 5–10.

110. Забурдаева, К. А. Уголовно-процессуальная правосубъектность: понятие, правовая природа и процесс формирования / К. А. Забурдаева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2023. – № 1(52). – С. 5–12.

111. Забурдаева, К. А. Публичное уголовное преследование в досудебном производстве: понятие, субъекты и формы реализации / К. А.

Забурдаева // Вестник Российской правовой академии. – 2023. – № 2. – С. 134-147.

112. Зеленина, О. А. Физическое лицо как субъект уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Калининградского юридического института МВД России. – 2010. – № 2. – С. 15–18.

113. Зусь, Л. Б. Об уголовно-процессуальной правосубъектности // Правоведение. – 1975. – № 5. – С. 49–54.

114. Иоффе, О. С. Спорные вопросы учения о правоотношении // Очерки по гражданскому праву : сборник статей / отв. ред. О. С. Иоффе. – Ленинград, 1957. – С. 21–64.

115. Камчатов, К. В. Деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве: оценка эффективности / К. В. Камчатов, А. А. Тимошенко // Российская юстиция. – 2017. – № 11. – С. 29–33.

116. Каплунов, А. С. Проблема поддержания государственного обвинения группой государственных обвинителей // Проблемы становления гражданского общества : сборник статей Всероссийской научной студенческой конференции с международным участием, посвященной 300-летию прокуратуры России (Иркутск, 25 марта 2022 года) / Иркутский юридический институт (филиал) Университет прокуратуры Российской Федерации ; редкол.: М. В. Давыдова (гл. ред.) [и др.]. – Иркутск, 2022. – Ч. 2. – С. 321–324.

117. Карасева (Сенцова), М. В. Федеральная налоговая служба: специальная и общая правосубъектность // Финансовое право. – 2022. – № 4. – С. 19–22.

118. Клещев, С. В. «Прокурорский» повод для возбуждения уголовного дела: проблемы реализации // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 3. – С. 174–178.

119. Ковтун, Н. Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. – 2019. – № 9. – С. 123–137.

120. Корешникова, Н. Р. Деятельность прокурора в уголовном процессе как реализация принципа субсидиарности ветвей власти // Законность. – 2023. – № 3. – С. 7–10.

121. Корчагина, К.А. Правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве / К. А. Корчагина // Jus strictum. – 2024. – № 3. – С.12-19

122. Корчагина, К. А. Надзор прокурора за органами предварительного расследования: понятие, предмет и содержание / К. А. Корчагина // Юридический вестник Самарского университета. – 2024. – Т. 10. – № 4. – С. 84-92.

123. Корчагина, К.А. О функциональном разграничении полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве / К. А. Корчагина // Jus strictum. – 2025. – № 1. – 15-22.

124. Костян, И. А. Вопросы правосубъектности работодателя (юридического лица) // Трудовое право в России и за рубежом. – 2020. – № 4. – С. 7–10.

125. Красавчиков, О. А. Гражданская правосубъектность как правовая форма // Правовые проблемы гражданской правосубъектности : межвузовский сборник научных трудов / Свердловский юридический институт. – Свердловск, 1978. – Вып. 62. – С. 5–26.

126. Красавчиков, О. А. Социальное содержание правоспособности советских граждан // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1960. – № 1. – С. 12–25.

127. Кругликов, А. П. Процессуальное руководство прокурором уголовным преследованием от имени государства – принцип уголовного судопроизводства / А. П. Кругликов, И. А. Бирюкова // Законность. – 2019. – № 2. – С. 38–42.

128. Крюков, В. Ф. Уголовное преследование в судебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора / В. Ф. Крюков. – Курск : [б. и.], 2010. – 411 с. – ISBN 978-5-8386-0109-4.

129. Крымов, А. А. Проблемы правового регулирования участия прокурора в стадии исполнения приговора / А. А. Крымов, Ю. А. Тябина // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 2. – С. 62–66.

130. Кузнецов, О. Ю. Правосубъектность переводчика в уголовном процессе // Вестник международного юридического института при Министерстве юстиции Российской Федерации. – 2005. – № 1. – С. 47–78.

131. Кузнецов, С. В. Институт правосубъектности в общей теории права: основные подходы и взгляды / С. В. Кузнецов, Л. Н. Хасимова // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 2. – С. 35–38.

132. Кукса, П. А. О функциях прокурора в уголовном судопроизводстве // Уголовная юстиция. – 2021. – № 17. – С. 54–57.

133. Лазарева, В. А., Вершинина С. И. О процессуальном статусе должностных лиц органов прокуратуры, участвующих в уголовном судопроизводстве / В. А. Лазарева, С. И. Вершинина // Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 6–10.

134. Лазарева, В. А. Взаимодействие следователя, руководителя следственного органа и прокурора при возбуждении и осуществлении уголовного преследования // Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 41–48.

135. Лазарева, В. А. Уголовно-процессуальные последствия истечения срока давности уголовного преследования / В. А. Лазарева // Мировой судья. – 2022. – № 3. – С. 14-21.

136. Мамошин, М. А. О процессуальном положении отдельных участников уголовного процесса, деятельность которых связана с осуществлением уголовного преследования / М. А. Мамошин, А. А. Мамошин // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2019. – № 2(47). – С. 10-16.

137. Манова, Н. С. О допустимости дискреционных полномочий прокурора по распоряжению уголовным преследованием // Актуальные

проблемы современного российского уголовного судопроизводства : сборник научных статей, посвященных памяти профессора В.Я. Чеканова / Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов, 2024. – С. 100–105.

138. Манова, Н. С. Модель деятельности прокурора в уголовном процессе: ключевые проблемы и возможности реформы // Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 43–50.

139. Манова, Н. С. Модель деятельности прокурора как основа реформирования уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности : Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию образования кафедры уголовного процесса / Кубанский государственный университет ; редкол.: В. А. Семенцов (отв. ред.) [и др.]. – Краснодар, 2022. – Ч. 1. – С. 337–345.

140. Манова, Н. С. Обвинение: научный дискурс и проблемы законодательного закрепления // Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 21–30.

141. Назаров, С. Н. Исторические основы понятия «уголовное преследование» // Юрист-Правоведъ. – 2022. – № 1. – С. 47–52.

142. Османова, Н. В. Основы построения концепции уголовного преследования и его начала // Российский следователь. – 2021. – № 4. – С. 59–61.

143. Попова, Т. Ю. Соотношение правового и процессуального статуса руководителя следственного органа // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2018. – Т. 22, № 2. – С. 158–165.

144. Поскачина, М. Н. Отношение понятий «субъект права» и «трансцендентальный субъект» в теории права // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2018. – № 1. – С. 5–9.

145. Пятков, Д. В. Формирование правосубъектности предпринимателя // Журнал российского права. – 2006. – № 1. – С. 85–97.

146. Рохлин, В. И. Прокурорский надзор в Российской Федерации : курс лекций / В. И. Рохлин ; Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1998. – 112 с. – ISBN 5-89094-062-7.

147. Решетова, Н. Ю. Функции прокурора после завершения предварительного расследования и до начала судебного разбирательства уголовного дела // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 5. – С. 44–50.

148. Рябинина, Т. К. О функциях прокурора в уголовном процессе: дискуссия продолжается // Уголовное судопроизводство. – 2007. – № 2. – С. 18–25.

149. Рябцев, В. П. Роль и место органов прокуратуры в системе государственных институтов Российской Федерации / В. П. Рябцев, А. И. Алексеев, В. Г. Бессарабов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2023. – № 3. – С. 202–211.

150. Селиверстов, М. В. Понятие субъекта трудового права и элементы трудовой правосубъектности / М. В. Селиверстов, Г. Н. Назарбекова // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2021. – Т. 21, № 7. – С. 105–109.

151. Синельщиков, Ю. П. О функциях прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса // Российский следователь. – 2008. – № 17. – С. 9–14.

152. Синельщиков, Ю. П. Перспективы развития законодательства о прокуратуре // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2021. – № 6. – С. 13–24.

153. Соловьева, Н. А. Постановление прокурора как повод для возбуждения уголовного дела: проблемы совершенствования

законодательства / Н. А. Соловьева, А. К. Ильясова // Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 131–139.

154. Спесивов, Н. В. Проблемы реализации прокурором функции уголовного преследования // Законность. – 2024. – № 2. – С. 13–17.

155. Стрельников, В. В. Уголовное преследование прокуратурой // Эж-Юрист. – 2012. – № 1–2. – С. 3.

156. Супрун, С. В. Прокурорский надзор и ведомственный контроль: соотношение и перспективы развития // Российская юстиция. – 2011. – № 1. – С. 46–49.

157. Табельский, С. В. Некоторые проблемы правосубъектности в административно-процессуальных отношениях // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2021. – № 3. – С. 56–61.

158. Таболина, К. А. О функциях прокурора в судебном производстве по уголовным делам / К. А. Таболина // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 1(113). – С. 165–171.

159. Таран, А. С. Уголовно-процессуальная правосубъектность адвоката: понятие и признаки // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2019. – Т. 2, № 4. – С. 132–140.

160. Таран, А. С. Уголовно-процессуальная правосубъектность: постановка проблемы // Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – Т. 3, № 2. – С. 87–92.

161. Тарасов, А. А. Должностное лицо как субъект уголовно-процессуальных отношений // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2020. – № 4. – С. 106–112.

162. Татьяна, Л. Г. Виды деятельности прокурора в уголовном процессе России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2010. – № 3. – С. 30–33.

163. Трухачев, В. В. Функции и полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве и их отражение в процессуальном статусе прокурора / В. В.

Трухачев, У. Н. Ахмедов // Вестник Воронежского института МВД РФ. – 2020. – № 1. – С. 195–202.

164. Уздимаева, Н. И. Субъект права: основные подходы к пониманию / Н. И. Уздимаева, А. С. Козуров // Контентус. – 2020. – № 4. – С. 135–143.

165. Федяков, Н. Н. Пути совершенствования участия группы прокуроров в судебном разбирательстве в суде первой инстанции // Российский судья. – 2017. – № 9. – С. 28–31.

166. Хабриева, Т. Я. Введение // Правосубъектность : общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ : сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / [В. Ф. Яковлев, Т. Я. Хабриева, В. К. Андреев и др.] ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва, 2017. – С. 21–28.

167. Халиулин, А. Г. Полномочия прокурора по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное право. – 2010. – № 3. – С. 98–102.

168. Халиулин, А. Г. Понятия «прокурор» и «вышестоящий прокурор» в досудебном производстве по уголовным делам // Законность. – 2014. – № 1. – С. 43–46.

169. Халиулин, А. Г. Уголовно-процессуальное законодательство России о деятельности прокурора // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 3. – С. 84–96.

170. Халиулин, А. Г. Участие прокурора в осуществлении правосудия по уголовным делам // Прокуратура: история и современность – 300 лет прокуратуре России (Сухаревские чтения) : сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 8 октября 2021 г.) / Университет прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. О. С. Капинус ; науч. редактирование А. Ю. Винокурова ; сост.: И. А. Васькина [и др.]. – Москва, 2022. – С. 26–29.

171. Хамгоков, М. М. О процессуальных органах как субъектах уголовного процесса в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. – 2019. – № 1. – С. 144–146.

172. Хорошев, Я. Е. Подготовка государственных обвинителей к введению суда присяжных в районных судах // Законность. – 2017. – № 1. – С. 3–5.

173. Хрептова, Т. П. О соотношении понятий финансовой правосубъектности и правосубъектности других отраслей права // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. – 2017. – № 4. – С. 166–174.

174. Хрептова, Т. П. О соотношении субъекта финансового права и субъектов других отраслей права // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2020. – № 2. – С. 280–285.

175. Честнов, И. Л. Субъект права: дополнительность правового статуса и правовой идентичности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2023. – № 2. – С. 5–11.

176. Шевчук, А. Н. Соотношение функций уголовного преследования и обвинения в ходе досудебного производства // Военное право. – 2021. – № 3. – С. 229–236.

177. Шобухин, В. Ю. Прокурорское право – отрасль российского права // Законность. – 2009. – № 7. – С. 43–45.

178. Щерба, С. П. Проблемы правового и организационно-методического обеспечения поддержания государственного обвинения группой прокуроров / С. П. Щерба, Н. Н. Федяков // Законность. – 2016. – № 2. – С. 29–32.

179. Эмих, В. В. Правосубъектность и компетенция государственных органов: содержание понятий и их соотношение // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2009. – Вып. 9. – С. 423–432.

180. Ястребов, В. Б. О деятельности стороны обвинения в уголовном судопроизводстве // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 1. – С. 87–96.

Диссертации и авторефераты диссертаций:

181. Абдул-Кадыров, Ш. М. Осуществление прокурором уголовного преследования и надзора за исполнением законов в досудебном производстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Абдул-Кадыров Шарпудди Муайдович. – Москва, 2015. – 195 с.

182. Борозенец, Н. Н. Правообеспечительная деятельность прокурора в стадии возбуждения уголовного дела : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Борозенец Николай Николаевич. – Краснодар, 2016. – 238 с.

183. Буглаева, Е. А. Участие прокурора в ходе предварительного следствия : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Буглаева Елена Анатольевна ; Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). – Челябинск, 2011. – 23 с. – Место защиты: Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет).

184. Гринюк, Е. Н. Роль прокурора в обеспечении прав участников уголовного процесса на досудебных стадиях : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гринюк Елена Николаевна. – Волгоград, 2018. – 280 с.

185. Ережипалиев, Д. И. Прокурор как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения в досудебных стадиях : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание

ученой степени кандидата юридических наук / Ережипалиев Дамир Ильдарович. – Москва, 2013. – 200 с.

186. Климова, Я. А. Трансформация полномочий прокурора на завершающих этапах досудебного производства : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Климова Яна Александровна. – Волгоград, 2017. – 287 с.

187. Коломеец, Е. В. Использование прокурором средств реагирования в досудебном производстве : специальность 12.00.09 "Уголовный процесс" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Коломеец Елена Владимировна. – Москва, 2019. – 259 с.

188. Крюков, В. Ф. Правовой статус прокурора в уголовном преследовании (досудебное и судебное производство) : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Крюков Виктор Федорович. – Москва, 2012. – 584 с.

189. Курочкина, Л. А. Проблема обеспечения прокурором прав участников судебного разбирательства : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Курочкина Лариса Александровна ; Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ. – Москва, 2003. – 26 с. – Место защиты: Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ.

190. Ларина, А. В. Дискреционные полномочия прокурора в досудебном производстве России и других стран СНГ (сравнительно-правовое исследование) : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ларина Антонина Вячеславовна. – Москва, 2018. – 186 с.

191. Левченко, О. В. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора в досудебном производстве по уголовному делу : специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Левченко Олег Викторович ; Ульяновский государственный университет. – Ульяновск, 2024. – 698 с.

192. Никоноров, С. А. Процессуальное положение прокурора в сокращенных процедурах уголовного судопроизводства : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Никаноров Сергей Александрович. – Москва, 2017. – 192 с.

193. Пестов, А. Д. Процессуальные полномочия прокурора при производстве дознания в сокращенной форме : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Пестов Антон Дмитриевич; Акад. Генер. прокуратуры РФ. – Москва, 2014. – 30 с.

194. Потапов, Д. В. Проблемы взаимодействия следователя, руководителя следственного органа и прокурора в досудебном производстве по уголовному делу : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Потапов Денис Валерьевич. – Москва, 2019. – 186 с.

195. Рыгалова, К. А. Деятельность и роль прокурора при осуществлении судебного контроля в досудебном производстве по уголовным делам : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Рыгалова Кристина Андреевна. – Саратов, 2019. – 215 с.

196. Синдеев, А. Ю. Процессуальные решения прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства и их юридические последствия : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Синдеев Андрей Юрьевич. – Москва, 2021. – 245 с.

197. Сычев, Д. А. Содержание и реализация прокурором функций надзора и уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сычев Дмитрий Анатольевич. – Москва. 2016. – 318 с.

198. Таболина, К. А. Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Таболина Ксения Андреевна ; Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина. – Москва, 2016. – 39 с.

199. Тугутов, Б. А. Функции прокурора на судебных стадиях уголовного процесса : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Тугутов Булат Анатольевич ; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. – Москва, 2014. – 186 с.

200. Тушев, А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации: система функций и полномочий : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Тушев Александр Александрович ; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2006. – 384 с.

201. Чубыкин, А. В. Процессуальный статус прокурора в стадии возбуждения уголовного дела : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Чубыкин Александр Викторович; Акад. Генер. прокуратуры РФ. – Москва, 2014. – 30 с.

Электронные ресурсы:

202. Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда № 22К-4393/2021 от 24 августа 2021 года по делу № 1-55/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. – URL:

sudact.ru/regular/doc/8Cgd6s20VoLw/?regular-txt=группа+обвинителей®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&snippet_pos=594#snippet (дата обращения: 25.07.2024).

203. Беляк, Л. Законность привлечения к уголовной ответственности // Законность. – 2008. – № 10. – URL: www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.05.2024). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

204. Гамидов, А. М. Некоторые спорные положения о соотношении понятий «прокурор» и «государственный обвинитель» / А. М. Гамидов, М. М. Абдуллаев // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2017. – Т. 24, № 4. – С. 147–150. – URL: cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-spornye-polozheniya-o-sootnoshenii-ponyatiy-prokuror-i-gosudarstvennyu-obvinitel (дата обращения: 16.09.2024).

205. Михайлова, Т. Н. Развитие концепции уголовно-процессуальных функций в отечественной доктрине уголовного процесса // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2020. – № 1. – С. 138–149. – URL: cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kontseptsii-ugolovno-protsessualnyh-funktsiy-v-otechestvennoy-doktrine-ugolovnogoprotsessa (дата обращения: 25.07.2024).

206. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы публичного акционерного общества «Сбербанк России» на нарушение конституционных прав абзацами третьим и четвертым части 1 статьи 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, пунктом 1 статьи 10 и пунктом 2 статьи 168 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2021 года № 277-О // Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : юридическая информационная система. – URL: legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26022021-n-277-o/ (дата обращения: 25.07.2024).

207. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 года № 17 : (в редакции от 16 мая 2017 года) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102220/ (дата обращения: 20.09.2024).

208. Приговор № 1-3/2015 1-92/2014 от 24 апреля 2015 г. по делу № 1-3/2015 // Судебные и нормативные акты РФ // <https://sudact.ru/regular/doc/4DmzCttLxXrP/?regular> (дата обращения: 20.09.2024).

209. Результаты деятельности органов прокуратуры Российской Федерации // Генеральная прокуратура Российской Федерации : [сайт]. – URL: epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result (дата обращения: 25.07.2024).

210. Результаты работы прокуратуры в сфере надзора за уголовно-процессуальной деятельностью органов расследования за 9 месяцев 2023 года // Сельское поселение «Хоседа-Хардский сельсовет» Заполярного района Ненецкого автономного округа : официальный сайт. – URL: xosedaxardskij-r83.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_514.html (дата обращения: 25.07.2024).

211. Результаты работы прокуратуры в сфере надзора за уголовно-процессуальной деятельностью органов расследования за 8 месяцев 2023 года // Сельское поселение «Тиманский сельсовет» Заполярного района Ненецкого автономного округа : официальный сайт. – URL: timanskij-r83.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_564.html (дата обращения: 25.07.2024).

212. Уголовное судопроизводство : Рассмотрение ходатайств при следственных действиях // Судебная статистика РФ : [сайт]. – URL: stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/15/s/13 (дата обращения: 25.07.2024).

Приложение 1**РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ПРОЕКТ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА****О внесении изменений и дополнений
в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации**

Статья 1. Внести в Федеральный закон от 18.12.2001 N 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» следующие изменения:

1. Пункт 31 ст.5 изложить в следующей редакции:

«31) **прокурор** – Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры, их заместители, наделенные соответствующими полномочиями федеральным законом о прокуратуре

2. Добавить в ст.5 п.31¹ в следующей редакции:

31¹) **представитель прокурора** - иное должностное лицо органов прокуратуры, участвующее в судебном заседании, не связанном с осуществлением уголовного преследования; представитель прокурора по поручению прокурора в рамках предоставленных полномочий вправе:

1) принимать участие в судебных заседаниях, проводимых в ходе досудебного производства по вопросам применения мер процессуального принуждения; производства следственных действий, осуществляемых на основании решения суда, а также при рассмотрении жалоб участников судопроизводства;

2) принимать участие в судебных заседаниях судов кассационной и надзорной инстанции.

Участвуя в судебном заседании представитель прокурора уполномочен излагать суду свое мнение по существу рассматриваемого вопроса, представлять доказательства и участвовать в их исследовании».

3. Статью 37 «Прокурор» изложить в следующей редакции:

«1. Прокурор уполномочен осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также обеспечивать соблюдение Конституции РФ и федерального законодательства.

2. Осуществляя уголовное преследование в досудебном производстве прокурор уполномочен:

1) выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства;

2) рассматривать ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и т.д.

3) утверждать обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление по уголовному делу и направлять уголовное дело в суд;

4) возвращать уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления и устранения выявленных недостатков.

3. Осуществляя уголовное преследование в судебном производстве, прокурор уполномочен:

1) назначать государственного обвинителя, либо группу государственных обвинителей с определением руководителя группы;

2) давать письменные поручения о поддержании государственного обвинения;

3) согласовывать отказ государственного обвинителя от обвинения или его изменение, либо поддерживать государственное обвинение по утверждённому обвинительному заключению, акту, постановлению;

4) приносить апелляционное представление, если оно не принесено государственным обвинителем.

4. Прокурор, обеспечивая соблюдение Конституции РФ и федерального законодательства, в том числе настоящего Кодекса, уполномочен:

1) принимать участие в судебных заседаниях, проводимых в ходе досудебного производства по вопросам применения мер процессуального принуждения; производства следственных действий, осуществляемых на основании решения суда, а также при рассмотрении жалоб участников судопроизводства, либо назначать из числа должностных лиц органа прокуратуры представителя прокурора для участия в судебном заседании;

2) принимать участие в судебных заседаниях судов в кассационной и надзорной инстанции, либо назначать из числа должностных лиц органа прокуратуры представителя прокурора для участия в судебном заседании;

3) приносить кассационные и надзорные представления.

4. Дополнить главу 6 статьей 37.1 «Государственный обвинитель» в следующей редакции:

Статья 37.1 Государственный обвинитель

1. Государственный обвинитель – это должностное лицо органа прокуратуры, уполномоченное от имени государства осуществлять уголовное преследование в форме поддержания государственного обвинения в судебном производстве, в пределах полученного от прокурора поручения.

2. Утверждая обвинительное заключение, акт, постановление, прокурор одновременно выносит письменное поручение о возложении полномочий по поддержанию государственного обвинения на одного обвинителя либо группу обвинителей, которое прилагается к утвержденному обвинительному заключению, акту, постановлению. При коллективном участии государственных обвинителей, в поручении прокурора указывается состав группы и ее руководитель. Позиция коллективного государственного

обвинителя по вопросам объема, содержания, изменения и отказа от обвинения выражается и удостоверяется его руководителем.

3. Осуществляя уголовное преследование в судебном производстве, государственный обвинитель уполномочен:

- 1) ходатайствовать о предварительном слушании по уголовному делу и участвовать в его проведении;
- 2) заявлять суду ходатайства о возвращении уголовного дела прокурору при установлении обстоятельств, обозначенных частями 1, 1.1 и 1.2 ст.237 УПК РФ;
- 3) ходатайствовать об участии в судебном заседании подсудимого путем использования систем видео-конференц-связи, если имеются обстоятельства, исключающие его непосредственное участие;
- 4) заявлять суду ходатайства об отводах участников судопроизводства при наличии предусмотренных законом оснований;
- 5) ходатайствовать о вызове новых свидетелей, экспертов и специалистов; об истребовании вещественных доказательств и документов; об исключении доказательств, полученных с нарушением закона;
- 6) излагать суду свое мнение по существу обвинения, представлять доказательств и участвовать в их исследовании;
- 7) представлять суду письменные формулировки по вопросам, разрешаемым судом при постановлении приговора;
- 8) предъявлять или поддерживать предъявленный по уголовному делу гражданский иск, если того требуют общественные интересы;
- 9) полностью или частично отказаться от государственного обвинения, если представленные и исследованные в судебном заседании доказательства его не подтверждают;
- 10) участвовать в судебных прениях;
- 11) приносить апелляционные представления на решения суда, вынесенные с его участием;
- 12) участвовать в апелляционном пересмотре решений мирового суда.

Приложение 2**РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ПРОЕКТ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА****О внесении изменений и дополнений
в Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 «О прокуратуре Российской
Федерации»**

Статья 1. Внести в Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» следующие изменения:

1. Статью 29 «Предмет надзора» изложить в следующей редакции:

**Статья 29. Предмет надзора за деятельностью органов
предварительного расследования**

Предмет надзора прокурора за деятельностью органов предварительного расследования составляют решения органов расследования, вынесенные в ходе досудебного производства:

- 7) об отказе в приеме и/или регистрации сообщения о преступлении;
- 8) о продлении сроков рассмотрения сообщения о преступлении;
- 9) об отказе в возбуждении уголовного дела;
- 10) о возбуждении уголовного дела;
- 11) о приостановлении производства по уголовному делу;
- 12) о прекращении производства по уголовному делу или уголовному преследованию.

В ходе производства предварительного расследования прокурор уполномочен проверять законность действий органов предварительного расследования, если они могут привести к нарушению конституционных прав и свобод участников судопроизводства.

2. Статью 30 «Полномочия прокурора» изложить в следующей редакции:

Статья 30. Полномочия прокурора по надзору за деятельностью органов предварительного расследования

При осуществлении надзора за деятельностью органов предварительного расследования прокурор уполномочен:

- 7) запрашивать материалы проверки и/или уголовного дела по предмету надзора;
- 8) выносить требования об устранении выявленных нарушений;
- 9) отменять постановление о возбуждении уголовного дела;
- 10) отменять постановление об отказе в возбуждении уголовного дела с указанием обстоятельств, подлежащих дополнительному исследованию;
- 11) отменять постановление о приостановлении производства по уголовному делу с указанием обстоятельств, подлежащих дополнительному исследованию;
- 12) отменять постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, с указанием обстоятельств, подлежащих дополнительному исследованию.

В ходе производства предварительного расследования прокурор согласовывает ходатайства органов расследования о применении мер пресечения и совершении процессуальных действий, для производства которых необходимо судебное решение. Отказ прокурора в согласовании препятствует обращению органа расследования в суд.

Решения прокурора, вынесенные в пределах его компетенции обязательны для исполнения органом предварительного расследования, но могут быть обжалованы вышестоящему прокурору, решение которого окончательно.